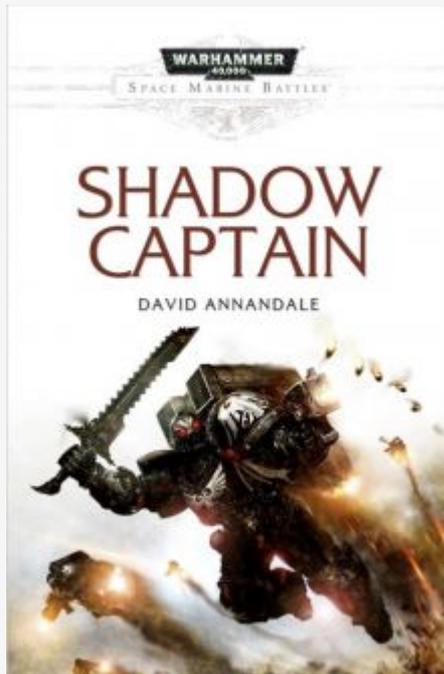

Теневой капитан / Shadow Captain (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Теневой капитан / Shadow Captain
(новелла)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Shalliar
Издательство	Black Library
Серия книг	Битвы Космического Десанта / Space Marine Battles
Входит в сборник	Верховный Изверг / Overfiend
Предыдущая книга	Грозовой пророк / Stormseer
Следующая книга	Магистр кузницы / Forge Master
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Заклучив хрупкий союз с загадочными эльдар, Креваан, Теневой капитан Гвардии Ворона, готовится нанести зеленокожим решающий удар, который, возможно, приведет к окончанию войны на Лепид-Прайм.

Содержание

Пролог

Первая глава

Вторая глава

Третья глава

Четвертая глава

Пятая глава

Шестая глава

Седьмая глава

Восьмая глава

Эпилог

Пролог

Орки неслись по трупам своих товарищей. Они топтались по павшим, давили тела в фарш ботинками и гусеницами и отмечали каждый метр своего продвижения новым приливом собственной крови. И все же их боевой дух был на высоте. Их ярость сотрясала воздух.

Волна агрессии обгоняла зеленую орду. К ее беспрестанному бою нельзя было привыкнуть. Градус жестокого веселья все нарастал. То же самое можно было сказать и о чудовищном прибое психической энергии, рост которой не только не ослабевал, но и не останавливался в одной точке, пока энергия эта раз за разом обрушивалась на эльдар. Орки неслись на гребне волны, воем выражая радостное предвкушение грядущего разрушения. Они явились сюда с одной целью — бить и рубить, стрелять и сжигать. Жажда насилия в них была такой чистой, что желание победить отошло на второй план.

Пускай они погибали целыми сотнями, зеленокожих это ничуть не заботило. Они были в экстазе. Смерти не значили ничего — пока они позволяли им приближаться к городу. Хотя ксеносы и не могли знать, что на самом деле означал для них захват поселения, это для них тоже было бы безразлично.

Орки неслись по трупам товарищей — они неслись к победе.

Устроившись среди ветвей на верхушке хвойного дерева на краю небольшого леса, Алатаннас ритмично выжимал спуск своей длинноствольной винтовки. Каждую секунду, его добычей становился очередной орк, получавший промеж глаз концентрированным разрядом энергии. Он выбирал себе крупные цели — чем крупней был орк, тем большим авторитетом он пользовался среди остальных. Надеждой стрелка было посеять замешательство в рядах зеленокожих и замедлить их продвижение. Жестокая реальность же заключалась в том, что крупных орков было много. Слишком много.

На равнине, простиравшейся перед ним, воины Сайм-Ханн прилагали все усилия для того, чтобы укротить зеленую волну. Гравициклы на острие копья эльдарского воинства разрывали орков на

ленточки залпами своих сюржикенных катапульта, пока эскадрон «Гадюк», прикрывавший их, взрывал тачилы дикарей залпами копий света. Жатва смерти была невероятной, эльдар щедро орошали равнину орочьей кровью — и все же обезьяноподобные ксеносы не останавливались. Пламя войны в их жилах лишь разгоралось еще сильнее. Погасить его сможет только полное и безоговорочное уничтожение.

Впрочем, то же самое относилось и к усилиям эльдар Сайм-Ханн. Алатаннас уже смирился с мыслью о том, что будет погашать огоньки орочьих жизней один за другим, пока сам не окажется размолот гусеницами орочьих танков. Скорее всего, именно так закончится его жизнь — орки привели достаточно воинов, чтобы вести войну на истребление. Эльдар же — нет.

Стрелок боролся с искушением посмотреть себе за спину. Он и так знал, что там увидит. Ничего не изменилось. Если бы дело обстояло иначе, если бы произошло то, на что он одновременно надеялся и чего боялся, он бы это услышал — но если он отвернется, то пропустит шанс совершить еще одно бесценное убийство, взамен получив лишь очередное напоминание о том, как мало времени и места для маневра осталось у воинов Сайм-Ханн.

Лес, в котором укрылся эльдар, в ширину едва ли достигал сотни метров. На север и юг же, он простирался на несколько километров в обе стороны от позиции рейнджера, являясь естественной границей равнины. Промеж деревьев можно было заметить, как земля идет под уклон, за лесом кончаясь узкой полоской каменистой почвы, которая, в свою очередь, превращалась в теснину. Река на ее дне узкой ленточкой струилась под мостом, пересекающим ущелье — единственной точкой доступа к западной окраине города.

Города, чья красота увяла тысячелетия назад. Города, который превратился в уродливое нагромождение человеческих шпилей, в гадкий нарыв на лице планеты.

Города, который орки ни в коем случае не должны захватить.

Алатаннас целился и стрелял, целился и стрелял... Каждое убийство было подобно вычерпыванию пригоршни воды из целого океана. Каждый выстрел выражал отрицание эльдаром тщетности его занятия. Каждое нажатие на спуск становилось актом неповиновения. Он боролся с собственным отчаянием так же упорно, как и с самими орками.

Отчаяние. Это ужасное состояние имело на своей стороне опьяняющий шарм банальной логики. В соседней системе лбами столкнулись тираниды и орки, что уничтожали друг друга миллионами, добываясь лишь того, что их противник становился сильнее. Волна зеленокожих изливалась из-за границ их империи, и теперь они явились сюда. Возможно, их изначальное вторжение было результатом чистой удачи, но ставка на маловероятность играла пугающе большую роль в победах орков.

Первые зеленокожие, попавшие в систему, были ужасным предзнаменованием. Первое их приземление на эту планету стало настоящей катастрофой. Алатаннас не сомневался, что они и понятия не имели, почему этот мир казался для них настолько важным — однако их понимание не имело никакого значения. Орки хотели заполучить эту планету — а потому они возьмут ее силой, в конце концов, несомненно, раскрыв ее секрет.

«В конце... Да, это определенно будет конец. Неминуемый конец для бесчисленных звездных систем.»

Алатаннас мог с легкостью представить себе масштабы разрушения, которое последует за триумфом зеленокожих. Впрочем, о духовной ране, которую этот триумф причинит эльдарам, он отказывался даже задумываться.

Единственным, что его в какой-то степени утешало, было то, что сегодняшнее поражение уберезит Алатаннаса от ужаса грядущих дней, но искать в этом успокоение — означало проявить трусость, с которой стрелку было совершенно не по пути.

— Я здесь, — прошептал он. В конце концов, он был рядом с сородичами, несмотря на то, как далеко он некогда ушел от мира-корабля. Алатаннас так давно не видел родину, что его воспоминания о ней становились размытыми — всего лишь занятыми диковинками, неспособными причинить боль, — и это эмоциональное отчуждение, как знал рейнджер, не внушало доверия. Он мог бы пожелать, чтобы его действия были восприняты, как доказательство верности, но эльдар все же не мог избавиться от сомнений. Он знал, насколько важной была их миссия, и какой станет цена неудачи. Страх перед ее последствиями так остро ощущался ксеносом, что в нем сам собой пророс росток запретной надежды. Пускай даже мысли об этом событии нельзя было назвать иначе, чем предательскими, он бы приветствовал поражение.

Следопыт видел, как протекало сражение. Орки отбрасывали эльдар назад. Еще несколько минут — и воители Сайм-Ханн будут вынуждены сражаться в лесу. Быть может, деревья и станут волноломом для зеленого прилива, но и скиммеры эльдар в роще будут практически бесполезны. Наступление орды продолжится, орки оттеснят воинов к мосту — об этом можно было заявлять так же уверенно, как будто это уже произошло.

С каждым нажатием на спуск Алатаннас все сильнее ощущал поглощающий его фатализм — нет, откровенное отчаяние. Боевой вагон разнес «Гадюку» на части своим крупнокалиберным оружием — дикарская любовь к взрывчатке легко одолела доведенное до совершенства искусство войны. Элегантный полет скиммера превратился в падение кометы, а пилот со стрелком в один миг исчезли в погребальном костре, сложенном из психокости. Остальные «Гадюки» прорезались через ряды зеленокожих и сконцентрировали огонь своих копий на слабом участке тыловой брони танка. Им удалось пробить топливный бак и ответить огнем на огонь — но зеленый прилив нельзя было остановить.

Передние ряды армии орков были сильно потрепаны, но чужаки все равно растекались по равнине, подобно жидкости, игнорируя все попытки эльдар удержать их. Скиммеры уже не находились перед воинством орков — теперь они застряли в самом его центре. К ним спешили новые танки — как и безумные механические чудища, в которых орки порой превращали своих товарищей. Их похожие на поршни ноги неслись по грунту на пределе своих возможностей, выдавая ярость, которой были поглощены обезумевшие от боли пилоты. Металлические руки, оснащенные клешнями или воющими клинками, бешено металась из стороны в сторону, а орудия, закрепленные на боках металлических цилиндров, кои представляли из себя смертодреды, изрыгали кажущийся бесконечным поток пуль, чьи скорость и калибр делали любые замечания о «примитивности» подобного оружия совершенно бессмысленными.

Шагатели были полностью лишены рассудка — но не становились от этого менее смертоносными. «Гадюки» едва успели разобраться с боевым вагоном орков, как трио смертодредов с неожиданной для них скоординированностью бросилось вперед и окружило гравицикл, замедленный плотностью рядов орков. Пилот гравицикла, отставший от своего эскадрона, попытался уйти от ксеносов, но было уже слишком поздно — три пары стальных конечностей обрушились на его скакуна.

Эльдар погиб еще до того, как трое его товарищей смогли развернуться и прийти ему на помощь. Тем не менее, они не замедлили открыть огонь и отстрелили одному из шагателей руки — пускай сам киборг и пережил их атаку. Остальные смертодреды, как один, развернулись в сторону новой угрозы, и ответили на нее разрушительным градом снарядов, от которого просто нельзя было увернуться. Два скиммера,

чьи пилоты в один миг лишились жизнью, на полном ходу врезались в шагателей — и последовавший за этим взрыв уничтожил не только третий гравицикл, но и всех орков в радиусе дюжины метров.

Шесть эльдар — и многие десятки зеленокожих, — лишились жизнью в ходе каких-то жалких нескольких секунд.

Бой явно складывался в пользу последних.

Алатаннас, наблюдавший за сражением издалека, поймал себя на том, что шепчет проклятья в адрес клыкастых варваров. Взяв эмоции под контроль, он повторил принесенные им обеты, и продолжил безо всякой надежды истреблять орков. Еще несколько секунд — и ему самому придется отступить, ведь зеленая волна уже приближалась к окраине леса.

Внезапно, рейнджер услышал то, что заглушило как треск энергетических разрядов, так и первобытные кличи орков. Началось... Его запретное желание все же исполнится... И все же эльдар не забыл о самоконтроле, отказавшись оборачиваться в сторону города, когда прямо перед ним находилась орда орков.

Алатаннас спрыгнул с дерева и кинулся вглубь леса, практически невидимый для глаз противников в своем хамелеолиновом плаще. Тем не менее, стоит основной массе чужаков добраться до леса, и это не будет иметь никакого значения — орки просто раздавят странника, и даже не заметят этого.

Следопыт добрался до другого конца леса. Отсюда он ясно мог видеть теснину и раскинувшийся за ней город, а также земли на другой стороне реки, к юго-западу отсюда, где река снова выходила на равнину. А еще он видел полосы, рассекавшие небо. Позволив себе несколько секунд понаблюдать за падением металлических слез, что оставляли эти полосы, он понял — люди, которые были единственной надеждой этого мира против орков, уже на подходе.

Отчаяние эльдар отступило.

Ужас, обуявший его, тем не менее, лишь усилился.

Первая глава

Командный шатер располагался в самом центре базы Гвардии Ворона. Его стенки лениво трепыхались от ветра, пронесившегося по обширной равнине — а за ними, окруженный своими сержантами, скрывался Ресзасз Креваан, который в данный момент склонился над столом тактикариума, разглядывая гололитическую карту местности.

— Орки собираются зайти к ним с фланга, Теневой капитан. — заметил сержант Берези.

Креваан скользнул взглядом по маршруту, ведущему вниз от горячей точки возле моста.

— Уходят на юг? — спросил он.

— Да, как и ожидалось.

— Есть ли какие-то признаки того, что их заботит наше присутствие?

Скорее всего, ксеносы заметили падение десантных капсул — однако капитан знал, что не было невозможным и то, что орки могли не подозревать о присутствии здесь Гвардии Ворона, учитывая их одержимость эльдарами. Впрочем, он не мог рисковать, оперируя подобными предположениями.

Креваан отказывался удовлетворяться невежеством — знание всегда было для него самым мощным оружием. Воин-невежда не мог обойтись без боевой баржи. Воитель же, который знал о своем противнике все, нуждался лишь в остром клинке.

— Судя по всему, зеленокожие полностью сосредоточились на эльдар. Ни один из них не кажется заинтересованным в нашей позиции. — произнес Берази.

— Хорошо... Благодарю, брат-сержант. — после этих слов, капитан замолчал, собираясь с мыслями, пока остальные его подчиненные терпеливо ждали.

«Если у орков вдруг зачешутся кулаки, Восьмая рота будет наготове...»

Десантные капсулы Ордена приземлились примерно в километре к югу от Рекламации, и здесь же Креваан приказал установить опорный пункт. Эта непримечательная локация была плохо пригодна к обороне, но это ничуть не заботило Креваана. Гвардия Ворона прибыла на Лепид-Прайм, чтобы атаковать — если десантников вынудят уйти в оборону, то это будет означать то, что они уже проиграли. Нет, открытость занятой Гвардейцами позиции лишь играла им на руку — любого противника здесь будет видно издалека.

— Тебе не удалось связаться с остальными капитанами? — спросил Креваан у Акралласа, колдующего над вокс-станцией.

— Есть контакт с капитаном Мульцебаром. С Темур-ханом, увы, мне пока не повезло.

— Слышно хоть что-то с поверхности луны?

— Лишь какие-то обрывки... Хотя кое-что сообщает Мордианская Железная Гвардия.

— Дай угадаю... Ничего хорошего ты от них не услышал?

— Похоже, на поверхности спутника у орков тоже хватает тяжелой техники.

— Белые Шрамы, должно быть, не нарадуются... — пробормотал Креваан. Капитан позволил себе было насладиться иронией ситуации, в которую встряли сыны Чогориса, но тут же одернул себя. Пускай Гвардия Ворона и не питала теплых чувств к Белым Шрамам, любые трудности, с которыми столкнется Темур-хан, будут иметь последствия для них всех.

Силы имперцев, разумеется, рассчитывали на то, что войско орков будет весьма внушительным, но зеленокожие просто не могли успеть настолько серьезно нарастить темпы производства бронетехники за то малое время, которое они провели в системе Лепид. И тем не менее, они это сделали. Именно такой была объективная реальность — и Креваан принимал это. В куда большей степени его волновала обрывочность доступной информации.

Капитан забрал наушники у Акралласа, который связался с Мульцебаром, офицером Пятой роты Саламандр, находившемся на борту ударного крейсера «Вердикт наковальни».

— Есть какие-то подвижки? — спросил он у Саламандры.

— Никаких, все спокойно.

— Долго эта тишина не продлится. Мы только разогреваемся... — произнес Креваан, понимая, насколько очевиден был его напускной оптимизм, но план Астартес и впрямь был амбициозен.

Верховный Изверг, лидер зеленокожих, осквернил целую имперскую систему. Белые Шрамы, Саламандры и Гвардия Ворона ответят на эту дерзость не просто истреблением сил вторжения — нет, они обратят опрометчивость воеводы против него самого. По какой-то причине лидер орков выделил на захват Лепид несоразмерно большой объем ресурсов. Этот факт сам собой подводил к идее о том, что ксенос настолько сильно хочет заполучить эту систему, что достаточно серьезные потери могут выманить его с Октариуса и он примет личное участие во вторжении.

Психология зеленокожих не отличалась утонченностью. Шанса поучаствовать в хорошей драчке, уязвленной гордости и неудовлетворенной потребности в завоевании должно было быть достаточно, чтобы чудище решилось покинуть свою твердыню.

На Белых Шрамов легла обязанность уничтожить мануфакторию по производству тяжелой техники на луне Лепид-Прайм, Гвардия Ворона собиралась положить конец прямой угрозе самой планете и спасти таким образом имперскую колонию, а Саламандры, тем временем, заняли позицию в засаде на границе системы, поджидая Верховного Изверга, который должен будет выбраться из своего укрытия.

Да, план действительно амбициозный — и все же достаточно разумный, насколько мог судить сам Креваан, успевший оценить его достоинства. Волновало его иное — собственное невежество.

«Что стояло за действиями орков?»

Обычно зеленокожими управляла их собственные импульсивность и агрессия. Ресзасз крайне редко усматривал в их действиях какой-то конкретный мотив — и все же «редко» не означало «никогда». Когда орки имели перед собой определенную цель, именно тогда они становились опасней всего — тот же Армагеддон уже прочувствовал это на собственной шкуре. Зеленокожие не напали на Лепид просто ради возможности разграбить очередную систему. Нет, они начали целую военную кампанию, доказательством чему сначала стал мануфакторум на луне планеты — а теперь еще и молчание со стороны Темура и его Белых Шрамов. Что-то очень настойчиво звало к себе орков.

— Если мы только разогреваемся... — нарушил молчание Мульцебар. — Хотелось бы мне, чтобы разогрев этот проходил немного спокойней. Мы не можем наладить связь с Темуром.

— Как и мы.

— Ну а у вас какая обстановка?

— О, она у нас весьма интересная...

— Когда нечто подобное произносит Гвардеец Ворона... — усмехнулся Мульцебар. — Поневоле начнешь готовиться к худшему.

— Против орков выступили воины эльдар.

— Ох, а это и правда интересный поворот.

— Озадачивает, не правда ли?

«Тишина на луне... Ситуация на Лепид-Прайм... Слишком уж много было неизвестных переменных. Мульцебар правильно сделал, что насторожился.»

— Судя по всему, первоочередной задачей ксеносов является защита Рекламации от зеленокожих.

— С чего это вдруг эльдар переживают за судьбу одного из наших городов?

— Вот именно, с чего?

Саламандра вновь замолк, пытаясь, судя по всему, подойти к новой проблеме со всех сторон, перед тем, как снова обратиться к товарищу-Астартес.

— Итак, каков твой план?

— Орков куда больше, и они оснащены много лучше, чем сообщалось в докладах Флота, так что эльдар могут нам пригодиться. Зеленокожие не заметят нашего приближения.

Капитан Саламандр весело хмыкнул.

— А когда хоть какому-то врагу удавалось заметить Гвардию Ворона?

— Когда та была под моим началом — никогда. — признал Креваан. — Славной охоты, брат.

— И тебе того же!

Креваан повернулся к своим подчиненным.

— Брат-сержант Кэлиг, отправляйся со своими людьми к мосту.

Переправа через расщелину была очевидной целью для обеих армий ксеносов — и Креваан покажет эльдарам и оркам, что контроль над путем в Рекламацию, — не их забота.

— Подготовь мост к уничтожению, но не сноси его без моего приказа. Берези, что там с орками, заходящими с фланга?

— Это достаточно крупная группировка. Тяжелой техники в ней не наблюдается, но легкая присутствует. Они делают упор на скорость.

— Как оценишь ситуацию?

— Если им удастся зайти эльдарам в тыл, война будет окончена.

— Ну что же, тогда мы ее затынем.

Кэлиг и его люди шли к мосту через город, по опустевшим улицам, предоставленные сами себе. Орочья армия находилась в нескольких километрах от них, но сопровождающую зеленую заразу какофонию было слышно даже здесь. Непрекращающийся рев разносился по улицам, отражаясь от фасадов зданий, эхо от выстрелов и взрывов то и дело било по барабанным перепонкам, становясь ужасным предвестником разрушения.

Мирные жители Рекламации давно попрятались по домам, укрывшись за толстыми стенами. Кэлиг понимал, почему смертные так рвутся подыскать себе укрытие — и все же ему было интересно, осознавали ли они вообще, насколько тщетны их потуги. Если орки доберутся до города, от них нельзя будет ни скрыться, ни защититься — да и милосердием они никогда не славились.

Лепид-Прайм был заселен людьми относительно недавно — саму Рекламацию основали лишь в последнем столетии. Планета обладала умеренным климатом, была плодородной и цветущей, к тому же свободной от чужацкой заразы, но близость к Октариусу все же делала ее достаточно сомнительным проектом. Свою роль здесь сыграл оптимизм некоторых членов Адептус Администратум — когда им

показалось, что война орков Изверга с тиранидами навечно займет оба этих вида сизифовым трудом, адепты даровали разрешение на колонизацию этого мира. Основателями Рекламации стали потомки знатных семей Оррока — тех, кто столетия тому назад пережил завоевание Октариуса зеленокожими.

Новая колония развивалась медленно, и Рекламация до сих пор оставалась единственным крупным поселением планеты. К востоку от города можно было обнаружить несколько небольших фермерских общин, но большинство из них было покинуто сразу после начала орочьего нашествия — люди не замедлили отступить в свой город. Кэлиг слышал несколько разговоров своего капитана с планетарным губернатором, Алоизиумом Кесмиром. Судя по изображению с гололита, лидер этого мира был хилым созданием с несколько чересчур длинными костями, укрытыми под туго натянутой кожей. В словах же его проскальзывала смесь страха и упрямства — человек был в ужасе от орков, но твердо вознамерился защищать свой дом... Или, по крайней мере, вознамерился прятаться там до тех пор, пока еще оставались те, кто мог сражаться вместо него. У Кэлига складывалось ощущение, что губернатор был эталонным образцом жителя Лепид-Прайм, но малодушие обитателей этого мира на самом деле не заботило Гвардейца Ворона. Он и его братья явились сюда не ради защиты колонии, но для того, чтобы уничтожить своего врага.

Впрочем, пока потомок Коракса пробирался через улочки города, он с интересом разглядывал нависавшие над ним здания. Архитектурный стиль Рекламации отличался от того, чего сержант мог бы ожидать от поселения настолько же молодого. Конечно, здесь хватало и простых панельных строений из скалобетона, но город был достаточно старым для того, чтобы его изначальная однородность начала исчезать. Пристройки и переделки уже существующих строений разбавляли собой монотонную картину, делая каждый жилой блок отличающимся от прочих и придавая городу свой уникальный шарм.

Ничто из этого не было таким уж из ряда вон выходящим... Но что на самом деле удивило Кэлига, так это то, что ему на глаза частенько попадались признаки чего-то куда более древнего. Некоторые архитектурные приемы показались ему уникальными для Рекламации, а фундаменты нескольких зданий, едва проступавшие над поверхностью земли, были совершенно точно не скалобетонными. Нет, этот материал определенно являлся чем-то иным, чем-то практически органическим на вид — у Кэлига в голове даже возникли ассоциации с выращиванием, нежели с нормальным строительством. Тут и там, сержант замечал здания, самым нахальным образом возведенные прямо поверх других строений — но он знал совершенно точно, что Лепид-Прайм никогда ранее не заселялся за все то время, что записи о его существовании провели в имперских архивах.

Когда его отделение наконец-то добралось до моста, сержант увидел, что и сама переправа тоже оказалась своего рода аномалией. Вся протяженность моста явно была сооружена не имперцами — и хотя мраморные арки, что возвышались над ним на обоих концах переправы, а также по центру, несли на себе имперскую символику, вырезанные на них изображения, казалось, имели лишь одну цель — стереть все воспоминания о чем-то богохульном с поверхности камня.

Кэлиг подошел к мосту и бросил свой взор на другой его конец, где эльдар отчаянно отбивались от зеленокожих. Большая часть эльдар использовала гравициклы темно-красного цвета, в который были выкрашены и их доспехи. Изыщные ксеносы, подобно ртути, безо всяких усилий огибали деревья, что стояли у них на пути, и молниеносными, элегантными атаками изматывали орков, что произвело на Кэлига определенное впечатление. Сержант мог, не кривя душой, заявить, что они были действительно опасными оппонентами.

Впрочем, и то, что слышал капитан Креваан, не было ложью — участок, за который боролись чужаки, не годился для обороны. Эльдарам следовало отступить куда дальше. Учитывая соотношение сил,

складывавшееся явно не в их пользу, было очевидно, что ксеносы использовали неверную тактику.

Войско орков состояло в основном из пехоты, вслед за которой через лес проламывались танки и богохульные подоби́я дредноутов — Кэлиг даже со своей позиции слышал сопровождающий их грохот. Следовательно, воители в красном просто обязаны были использовать преимущество в мобильности и скорости, отступив за мост, чтобы затем обойти опасный участок и ударить по оркам с фланга — но вместо этого они удерживали позицию. Они не просто рисковали жизнью — нет, они делали все, чтобы гарантировать свою гибель.

Единственной возможной причиной этого безрассудства могло быть только стремление защитить город, раскинувшийся за спинами эльдар. Чужаки эти славились своей непознаваемостью и загадочностью, равно как и ненадежностью — но глупость никогда не входила в список их качеств. Тем страннее для Кэлига выглядела самоубийственная афера, в которую ввязались эльдар. Сержант даже призадумался, не сошла ли вся их раса с ума.

— Чего они пытаются добиться? — подивился Хавран.

Кэлиг лишь покачал головой.

— Если они думают, что делают что-то стоящее, а не просто отдают себя на заклятие, то они серьезно ошибаются. Впрочем, безумие ксеносов — не наша забота. Давай подготовим мост к сносу.

Минирование моста мелта-бомбами было делом нескольких минут. Все это время эльдар погибали один за другим, но пока что им удавалось удерживать орду. Сержант Кэлиг, даже зная, насколько умелы их воины, был впечатлен — и вместе с тем еще больше озадачен. Ксеносы боролись с отчаянием загнанного зверя. Даже среди людей, по прикидке Гвардейца Ворона, нашлось бы мало тех, кто с такой готовностью отдавал бы свои жизни за город, чье стратегическое значение, по правде говоря, равнялось нулю... Нет, он, разумеется, верил в необходимость защиты поселения, но главной задачей Астартес оставалось уничтожение орков. Впрочем, Саламандры, вероятно, с этим бы не согласились.

Кэлиг активировал свою вокс-бусинку.

— Теневой капитан, мы готовы.

— Орки все еще на другой стороне?

— Сейчас там обе группировки чужаков. Только прикажите — и мыотрежем им доступ к западной части Рекламации.

— Хорошо. Ничего пока не делай, но оставайся наготове.

Ваанис уже успел схватить детонатор, и выжидающе смотрел на сержанта, но тот только вновь покачал головой, призывая воина не спешить.

— Теневой капитан... Ни орки, ни эльдар в данный момент не заинтересованы городом, мы можем закончить здесь наши дела и присоединиться к вашей атаке.

— Удерживай позицию. — отрезал Креваан. — Не уничтожай мост без моего прямого на то приказа, и сообщай обо всех изменениях в ситуации. Я ясно выразился?

— Да, Теневой капитан.

Креваан оборвал связь, и Кэлиг повернулся к своему отделению.

— Ждем.

— И чего же? — спросил Хавран.

— Понятия не имею. — признал Кэлиг. Его раздражал приказ Ресзасза, но, по крайней мере, ему было не стыдно признать, что он не понимал мотивов капитана. Креваан всегда обращался с информацией так же осторожно, как и с любым смертельным оружием. Конечно, капитан не обманывал своих боевых братьев, и не утаивал, насколько знал Кэлиг, ничего, что на самом деле следовало знать его роте — и все же он ревностно охранял свои мысли. Сержанту никогда не удавалось даже угадать настрой своего офицера по его лицу, хотя он и пытался — например, во время прошедшего ранее брифинга.

Выражение лица капитана ничего не сказало Кэлигу — сержант с тем же успехом мог бы тарашиться на личину боевого шлема. Впрочем, он знал, что капитан ни за что не отложил бы уничтожение моста, не имея на то хорошей причины — как и то, что причины этой он не узнает, пока сам Креваан не решит о ней рассказать. Если, конечно, решит.

Кэлиг принимал все это, как данность, но это никоим образом не умяляло его раздражения.

Ворон подошел к самой кромке моста и стал внимательно всматриваться в сражение, развернувшееся на другой его стороне, на то, как навык и дисциплина уступают примитивной жестокости. На то, как невероятное мастерство шажок за шажком подступает к пропасти и как приближается неизбежный конец.

«Жаль, что Берази здесь нет...» — подумал сержант. Его товарищ умел по достоинству оценить все тонкости хорошей трагедии.

Сержант Берази, занявший позицию в нескольких километрах к югу от моста, тем временем стал лишь очередным темным пятном среди целого леса теней. Он находился на окраине рощи, перед узкой полоской земли, которая отделяла лесополосу от теснины и переправы через нее. Обходной маневр орков, за которым наблюдал Гвардеец, имел одно качество, которое тот всегда высоко ценил в противнике — грубую прямолинейность. Зеленокожие выбрали самый очевидный маршрут, чтобы попытаться сомкнуть клещи на войске эльдар — они решили обойти лес и подняться обратно к мосту. Ударная группа не сбавляла скорости и, казалось, действовала скорей инстинктивно, нежели придерживаясь какой-то стратегии, отчего их действия было легче предугадать.

— Все-таки враг, который покорно заходит в ловушку — это та еще роскошь. — произнес Креваан.

Берази готов был поклясться, что лишь мгновение назад Теневой капитан не находился сбоку от него. Сержант уже успел привыкнуть ко внезапным появлениям Креваана за все те годы, что провел в рядах Восьмой, и все же Ресзасз поражал его тем, как тесно породнился с тенями. Никогда в жизни Берази не встречал воина настолько скрытного — казалось, что за Кревааном, куда бы тот не отправился, всегда следует ночь. Она сопровождала его и сейчас, словно плащ, которым можно было укрыться даже при свете дня. Тени обитали и в глазах Креваана, всегда готовые, казалось, выбраться из них и ослепить того, кто бы ни встретился с капитаном взглядом.

Частенько происходило так, что когда Берази и Кэлиг совсем не понимали мотивов капитана и пытались скрасить ожидание пустыми разговорами, их мысли обращались к вопросу о скрытности их командира. Кэлиг продолжал настаивать на том, что капитана нельзя было прочесть, Берази же добавлял, что его нельзя было даже увидеть.

Разумеется, Креваан не был невидим в буквальном смысле. Нет, как и все Гвардейцы Ворона, он был альбиносом, а лицо его обладало такими резкими чертами, что можно было подумать, будто под бледной кожей совсем не было плоти, и она обтягивала лишь голый череп. Эффект лишь усиливался благодаря ярко выраженным надбровным дугам и скулам, за которыми едва можно было разглядеть узкие темные глаза. Едва заметно поблескивающие, они видели и безмолвно судили всех и вся, но взамен не раскрывали ничего.

«И никогда не давали о себе забыть эти тени... Могло ли быть так, что их отбрасывало само лицо Креваана? Неужели оно стало еще одной маской капитана?»

Эта мысль не раз уже приходила на ум Берази, но порой ему казалось, что в действительности он наблюдает за проявлением доведенных до совершенства навыков Ресзасза. Невидимый и неслышимый до самого последнего момента, он отточил технику призрачной походки до такой степени, что она стала для него такой же естественной, как дыхание или биение сердец. Каждое его действие, в любой отдельно взятый момент времени, было посвящено одной цели — помочь Гвардейцу ускользнуть из поля зрения наблюдателя.

Берази и сам мог похвастаться недюжинными способностями по этой части, но даже он, прямо сейчас смотря на своего капитана в упор, не мог до конца осознать, что именно видит. Креваан существовал где-то на границе восприятия — и сержанту казалось, что покинуть тени для его капитана было совершенно сознательным действием (которое тот редко совершал). Впрочем, это ни в коем случае нельзя было назвать колдовством. Нет, призрачная походка — всего лишь обычный навык, наподобие обращения с грозowymi когтями.

И теперь Креваан стоял возле сержанта, вместе с ним наблюдая за подготовкой западни. Они оба слышали, как приближаются орки, которым осталось преодолеть еще около километра до их позиции. Засада же ожидала их в четверти километра отсюда, в восточной части леса, где расселина, через которую перекидывался мост, еще не разгладилась окончательно. К северу от них, оставшаяся часть орочьей орды и выжившие эльдар уже успели поджечь лес в ходе яростного сражения.

— У зеленокожих не так уж много вариантов. — заметил Берази.

— Да? — переспросил капитан, указав на деревья позади них. — Разве эти деревья являют для них непреодолимый заслон?

— Нет, но с их тактикой...

— Точно. Эти орки сделали упор на скорость — и это при том, что наше прибытие не было для них секретом. Ксеносы решили проигнорировать нас, потому что мы только усложняем для них картину боя.

— Нечасто орки кажутся мне сложными существами. — улыбнулся Берази.

— Мало кто их такими видит. И именно поэтому настолько отчаянной в итоге стала борьба за Армагеддон. Оркам хватает ума на скрытные атаки. Достаточно воинов умерло из-за того, что они слишком поздно усвоили этот урок. Нам же повезло, что здешним ксеносам это в голову не пришло.

— Они просто потакают первой пришедшей им в голову идее.

— Да...

Этот краткий ответ прозвучал настолько неуверенно, что Берази не смог не прокомментировать это.

— Теневой капитан, вы на самом деле так не думаете, верно?

— Нет, думаю. Проблема в другом — некоторые элементы сложившейся ситуации мы не понимаем.

Это не было ложью. Берези указал на север, в сторону развернувшейся битвы.

— Я вот не понимаю этого.

— У нас не хватает данных. — сказал Креваан. — Наши познания неполны, а это часто приводит к ошибкам...

Капитан на секунду замолк, а затем добавил:

— Что орки скоро прочувствуют на своих шкурах.

Если бы подобное произнес сам Берези, он бы улыбнулся. Он представил себе улыбку на губах капитана, хотя не знал, вправду ли тот улыбался — слишком уж темно было в полном теней, окутанном ночью лесу, да и сам Креваан представлял из себя лишь призрачный силуэт.

Сержант повернулся, чтобы взглянуть на него — но капитана и след простыл.

Ему ничего не оставалось, как обратить свое внимание на другие тени, окружавшие его. Каждая из них была одним из членов его отделения, занявшим свою позицию — недвижимым участком пустоты, готовым в один момент прийти в движение и начать отнимать чужие жизни. Два этих темных пятна были поистине огромны — то были дредноуты Каром и Рауст. Всего, под прикрытием леса за длинной полоской земли следили четыре отряда. Это позволит вдвое расширить границы огневого мешка, пускай и не даст возможности вести продольный обстрел.

«Нам он и не потребуется.» — вспомнил сержант слова Креваана, выбравшего для засады самый узкий участок земли на маршруте зеленокожих. Лишь жалкий десяток метров отделял здесь границу леса от края обрыва.

Орки, тем временем, все приближались и приближались, во всеуслышанье заявляя о своем прибытии громким ревом, выпускаемым как их собственными глотками, так и двигателями примитивной техники. Вскоре их можно было и увидеть — зеленокожие поднимались к лесу с юга, оттуда, где возвышенность постепенно переходила в равнину. Возглавляли атаку боевые байки, что загрязняли воздух зловонными облаками выхлопных газов, делавшими ночь еще темнее. За легкой техникой следовали четырехколесные машины, оснащенные орудийными турелями, а замыкали колонну ксеносов рядовые пехотинцы.

Сержант Берези был поражен тем, каким узким оказался промежуток между техникой и пешими воинами. Конечно, почва здесь была неровной, и даже самым отчаянным водителям не хватало места для маневра, отчего они были вынуждены замедлиться, и все же остальные орки оказались чудовищно быстрыми. Они едва ли отставали от своих моторизированных собратьев — и это несмотря на то, что им пришлось бежать по голой равнине на протяжении многих миль после отделения от основной массы зеленокожих. Когда орда пронеслась мимо сержанта, Берези получил шанс разглядеть ксеносов поближе — и что самое удивительное, он не заметил у них ни единого признака утомления. Они бежали так, как будто были полны сил. Более того, они лишь ускорялись.

Креваан правильно описал ситуацию — Гвардии Ворона явно не хватало информации, и это касалось не только присутствия эльдар и их отчаянных усилий по обороне Рекламации. Нет, что-то необычное

происходило здесь и с орками. Они были куда быстрее и оживленнее, чем ожидал Берази, уже имевший кое-какой опыт борьбы с зеленокожими — даже учитывая любовь всей этой расы к войне, — но на этом странности не заканчивались. Все члены ударной группы, даже наименее впечатляющие, оказались крупнее, чем среднестатистические орки.

«Не вздумай недооценивать их.» — напомнил сам себе Берази.

«Убей их.» — таковой была его следующая мысль.

Когда байки в авангарде орочьей колонны проехали по датчикам давления, сработали кластерные мины. Рой суббоеприпасов взмыл в воздух и взорвался, унося в небытие первые орочьих мотоциклы, топливные баки которых сдетонировали следом, освещая ночь серией огненных шаров.

Орки, что ехали следом за ними, тут же скорректировали свой курс, но это оказалось ошибкой — один из водителей слишком круто свернул вправо, и отправился в полет, свалившись с обрыва и ни на секунду не прекращая вопить, а еще два байка врезались в останки своих погибших мигом ранее товарищей и разделили их участь. Ксеносы так рьяно рвались в бой, что скорость в итоге и стала причиной их смерти. Животный рев сменился воплями и визгом разрываемого металла, а затем новая порция мин разорвалась прямо под днищем одного из багги, отчего машина перевернулась, похоронив под собой и стрелка, и водителя.

Теперь единственный путь вперед был перегорожен стеной из уничтоженной техники и горячей плоти. Орки впереди попытались остановиться, но оставшие от них не видели, что произошло впереди, и лишь удвоили свои попытки догнать товарищей, взволнованные звуками боя, огнем и дымом. Началась толкучка, приведшая к новым смертям — а когда основная масса орды наконец-то начала осознавать, что происходит, и попыталась отдалиться от своего погребального костра, по воксу до Гвардейцев Ворона донесся шепот Креваана.

— Пора.

Астартес атаковали практически по всей протяженности орочьей колонны, объявив о своем присутствии градом осколочных гранат, взрывы которых покрыли участок в добрую сотню метров. Обескураженные орки столпились так тесно, что их тела приглушили хлопки взрывов. Во все стороны полетели оторванные конечности и раскученные внутренности, подобно лопающимся на поверхности кипящей смолы пузырям. Ничего не понимающая орда разъярилась еще сильнее. Зеленокожих убивали повсюду, и тем не менее, они даже не видели, кто их атакует, отчего некоторые из них, не тратя время на размышления, обратили оружие на собственных сородичей.

— Огонь. — снова подал голос Теновой капитан.

Тени принялись рвать орков на части, но сконцентрированный огонь болтеров не просто изничтожал ксеносов — таким был его натиск, что зеленокожих просто смело в сторону ущелья. Некоторые из самых безрассудных ксеносов настолько отчаялись найти тех, кто был повинен в начавшейся резне, что забыли о том, что неплохо было бы смотреть себе под ноги, и улетели напрямик в бездну.

Потери ксеносов были огромны, а замешательство — всепоглощающим. И вместе с тем, заминка оказалась недолгой. Орки быстро пришли в себя. Их не волновали смерти братьев, пока у выживших оставался шанс проявить себя, поэтому ксеносы открыли огонь из своего грубого оружия. Их стрелялы были нелепы в сравнении с болтерами, и все же численное превосходство орков играло свою роль. Град пуль и языки пламени начали делать свое дело. В воксе Берази то и дело раздавались очередные отчеты

о понесенном уроне, а затем он услышал резкий вскрик, когда ксеносам удалось вывести из строя одного из его боевых братьев в соседнем отделении.

— В атаку. — произнес Креваан.

Казалось, будто из-под прикрытия густой листвы на узкий клочок земли вылетели безмолвные тени, но это были лишь Гвардейцы Ворона, что после очередного залпа из болтеров перешли в полноценное наступление. Двигаясь, как один, они примагнитили свои болтеры к бедрам и активировали грозные когти. Стена керамики, из которой тут и там торчали лезвия из адаманта, принялась превращать зеленокожих в груды освежеванного мяса. Не отставали от братьев и дредоуты, столь же неустойчивые, как сход ледника.

Орочья орда вновь лишилась порядка в своих рядах.

«Другой нашей целью станет свободное пространство.» — вновь припомнил Берази произнесенные Кревааном слова.

И это высказывание сейчас оказалось полностью верным. Орки не могли сделать ни единого шага назад без риска рухнуть в пропасть, но Вороны все равно заставили их это сделать, и десятки зеленокожих в один миг лишились жизни. Музыка войны снова переменялась — яростные вопли ксеносов теперь то и дело перебивались влажным стуком тел, бьющихся об острые скалы глубоко в недрах теснины.

— Вперед! — прокричал Берази. — Гоните их вперед!

Сержант рубил и колот резкими, выверенными ударами. Он вскрывал глотки и пробивал глазницы, в полной мере пользуясь тяжестью своей силовой брони, которая не позволяла ксеносам оттолкнуть его хотя бы на шаг назад. Он стал нерушимой преградой на пути к свободе — как и вся остальная часть Восьмой, что медленно, но неумолимо подгоняла орков к неизбежной гибели молниеносно быстрыми уколами своих когтей.

Один за другим, орки падали наземь перед Берази. А еще они падали в пропасть, что раззявила свою ненасытную пасть. Западня, заготовленная Кревааном, сметала их с лица Лепид. Тем не менее, они продолжали сражаться — и сражались они достойно. Все тяжеловооруженные орки остались в составе главной группировки, что боролась с эльдар. Здесь Гвардейцам Ворона противостояла лишь легкая техника и пехотинцы, способные угнаться за ней, и никто из них не был ровней Адептус Астартес, но первоначальная оценка сержанта Берази оказалась верной. Эти зеленокожие оказались больше и злее обычного, и давали космодесантникам неожиданно жестокий отпор.

Каждый из ксеносов являлся войной, облеченной в плоть и кость, и все они с готовностью бросались на сержанта с дубинами, тесаками и дробовиками, которые нередко взрывались прямо в руках своих хозяев. Силовые доспехи уберегали Берази от таких ничтожных атак, но факт оставался фактом — несмотря на то, что судьба орков была predetermined, они сражались с таким пылом, как будто это Гвардия Ворона оказалась их добычей. Они ревели с безудержным весельем в голосе, так, как будто победа была уже у них в руках — ревели до тех пор, пока не наступал последний их миг на этой земле.

Гвардия Ворона закончила свое продвижение. Берази встал в одном шаге от края обрыва, пока его боевые братья добивали оставшихся орков и сбрасывали их трупы на дно ущелья. В последние минуты операции, когда разрозненная орда превратилась в отдельных индивидов, он осознал, насколько был обеспокоен одним простым фактом.

Орки смеялись над ним.

«Несмотря на то, как поредели их ряды, невзирая на скорую гибель, зеленокожие не выказывали никаких признаков раздражения, не признавали свое поражение. Нет, они смеялись...»

Сержант заставил замолкнуть последнего дикаря, и осмотрел поле боя, над которым наконец-то воцарилась тишина. Сражение окончилось. Фланговые силы орков не достигли своей цели — операция Гвардии Ворона прошла практически идеально. Апотекарию Мадаару, который в данный момент занимался ранеными, предстояло извлечь прогеноидные железы всего лишь двух боевых братьев, и все же...

Все же Беразии никак не мог избавиться от стоящего у него в ушах хохота орков. Он почувствовал на языке горечь, которая слишком уж отчетливо напоминала ему вкус поражения.

Креваан вышел из-за клубов дыма, окружавших горящую технику.

— Какова твоя оценка, брат-сержант? — безо всяких предисловий спросил он.

— Их уверенность в своем успехе даже перед лицом смерти...

— Тебя беспокоил их смех, не так ли?

— Что такого они могут знать?

Креваан покачал головой.

— Этот их смех не нес в себе никакой издевки. Я думаю, что смеялись они просто в силу своей природы.

Капитан повернулся в сторону бушевавшего возле моста сражения.

— Проблема заключается не в том, что они могут знать, а в том, что это мы находимся в неведении.

Разговор сержанта и капитана прервал голос Кэлига, раздавшийся на ротном вокс-канале.

— Эльдар движутся в сторону моста.

Креваан замолк на секунду, а затем ответил своему подчиненному, пока на его лице плясали тени, вызванные угасающими огнями.

— Позволь им перейти его. Помоги им перейти его, и только затем взрывай переправу.

Беразии моргнул от неожиданности, и даже Кэлиг на другом конце вокс-канала замешкался.

— Теневой капитан?

— Скоро мы воссоединимся с твоим отделением.

Когда Кэлиг прервал сеанс связи, Беразии ничего не сказал — и все же капитан словно услышал его мысли.

— У тебя ко мне есть вопрос, брат-сержант?

— Почему мы помогаем эльдар? Разве не лучше было бы позволить двум расам обескровить друг друга? Орки в итоге окажутся ослаблены, что только сыграет нам на руку.

— Мы только что это обсудили. Я просто хочу понять, что на самом деле происходит на этой планете. — произнес Ресзасз, а затем улыбнулся, что в отношении капитана никогда не казалось простым

выражением удовлетворения. Напротив, Берази улыбка эта больше напоминала о взведении курка у оружия.

— Кроме того... Я считаю, что эльдар можно использовать с куда большей пользой.

Вторая глава

— Они не справятся. — произнес Хавран, глядя на другой конец моста.

Кэлигу подумалось, что его собрат может оказаться прав. Битва в лесу, за которой последовал отчаянный рывок орочьей орды, нарушила единство эльдарского строя. Их технике не хватало места для маневра. Зеленокожие обездвиживали один гравицикл за другим и обрушивали на их пилотов как массу своих бесчисленных тел, так и плотный огонь орудий танков и смертодредов. Многим эльдар пришлось спешиться, отчего они стали еще более уязвимы. Практически все они увязли в зеленой трясине — и пускай воины в красном все еще пытались помогать друг другу, хаос, учиненный орками, лишь становился все более всеобъемлющим. Эльдар буквально тонули в их телах. Слишком уж долго они оттягивали жизненно важное отступление.

«Помоги им перебраться через мост.»

Именно таким был приказ капитана, но сейчас для этого не хватило бы простого прикрывающего огня. Кэлигу придется вступить в прямое боестолкновение с орками, и сама мысль о том, чтобы пойти в бой ради спасения ксеносов, вызвала у него тошноту. Конечно, у Теневого капитана были серьезные причины на то, чтобы отдать такой приказ — как и всегда, — но сержанта бесило то, что он их не знает. Кэлиг тоже верил в силу знания, как и его командир, однако он верил и в то, что заслуживает иметь свое собственное мнение насчет решений и приказов начальства.

И все же, он не верил в то, что приказам можно просто не подчиниться, какими бы абсурдными они ни были.

— Эльдар изо всех сил стараются проиграть. — сказал он Хаврану. — И это не сыграет нам на руку.

«По крайней мере, я так думаю...» — добавил он про себя, но вслух произнес совсем другое.

— Братья! Орки не сочли нас достойными внимания. Это вопиющее оскорбление, которого я не стерплю! Что насчет вас?

Ответом ему послужило то, как быстро остальные члены отделения присоединились к Кэлигу у кромки моста.

— Они отвернули свой взор от небес. — небрежно бросил Ваанис.

— И совершенно зря. — ощерился Кэлиг.

Прыжковые ранцы штурмового отделения взревели, переноса десятерых космических десантников через расселину, и в самой верхней точке полета, Кэлиг растерял все остатки своего недовольства. Теперь ему не были важны причины странного приказа Креваана — на передний план вышел тот факт, что сейчас он, выпустив когти, летел в бой, превратившись в хищника, пикирующего на свою жертву.

— *Victorus aut mortis!* — проревел он в унисон с остальными Ворогами своего отделения, и этот боевой клич заставил орков внизу опешить и задрать головы. Сержант не сумел сдержать улыбки, заметив идиотское выражение на морде орка прямо под ним, в череп которого он секундой спустя и вогнал свои

грозовые когти.

Отделение «Кэлиг» клином вонзилось в орочий строй. Ваанис и Хавран замыкали построение с обоих концов, тогда как сержант находился в его центре. Зеленокожие позади приземлившихся десантников внезапно обнаружили, что отрезаны от своих собратьев, но их замешательство и ярость не продлились долго — Гвардейцы Ворона расправились с ними за какие-то несколько секунд и вновь взмыли в небеса, не дав остальной части толпы даже шанса понять, что только что произошло.

Все-таки опомнившись, ксеносы начали палить в небо, но их внимание разрывалось между новоприбывшими и недобитками из числа эльдар, и войны в алом не замедлили воспользоваться представившейся им возможностью. Звено более крупных скиммеров пробилось через ряды дикарей и заняло позицию на очищенном Астартес участке, а затем открыло огонь из орудий на турелях, что позволило отбить у зеленой волны еще немного пространства.

— Танк! — указал Кэлиг товарищам на новую угрозу.

Боевой вагон, что только что вырвался из-за деревьев, уже выцеливал своими боковыми орудиями один из меньших глайдеров эльдар, тогда как его главное орудие было направлено в сторону моста. Штурмовики вновь рухнули на землю, окружив орочий танк со всех сторон, а сам Кэлиг, прихватив с собой Кайрмуна, приземлился прямо на крышу вагона. Кайрмун тут же принялся вырезать ленивых зеленокожих, рассеявшихся на обшивке танка, пока Кэлиг, балансируя на главном орудии, подбирался к его дулу. Орочий наводчик увел орудие влево, наконец-то найдя для себя цель, но сержант оказался быстрее — упав на корточки, он швырнул крак-гранату прямо в жерло орудия. Тем временем, остальных стрелков, выглядывающих из амбразур, уже успокоили точными выстрелами из болтеров.

— В небо! — приказал Кэлиг, и все отделение тут же активировало свои ранцы. Главное орудие вагона открыло огонь одновременно с детонацией кумулятивного крак-заряда, отчего взорвалась вся верхняя половина танка. Подлетевшее в воздух орудие рухнуло наземь, придавив собой нескольких орков, что слишком рьяно рвались дать бой нападавшим.

Многие зеленокожие потеряли всякий интерес к погоне за эльдар. Вместо этого они толпились и толкались, борясь за шанс схватиться с Астартес, как только те приземлятся. Хаос в их рядах нарастал соразмерно с числом потерь — и получив жизненно важную передышку, эльдар сумели полноценно перегруппироваться. Их хватка на подходе к мосту окрепла, когда там собрались выжившие войны и уцелевшая техника.

Орки мало-помалу сходили с ума от ярости, их атаки становились все более и более отчаянными — и все же это не придавало им точности. Ксеносы даже убивали друг друга в попытке сбить Кэлига и его братьев, что лишь усиливало неразбериху.

Гвардейцы Вороны устремились к участку леса, откуда выбегали орки, но стоило им приблизиться к своей цели, как они заметили огромную фигуру, вышедшую из-под ветвей деревьев. Этот зеленокожий был облачен в броню, которая пришлась бы впору и танку, а в его руке покоилась огромная двуствольная пушка. Тем не менее, ксенос двигался со скоростью и проворством, абсолютно непозволительными для того, кто нес на себе столько металла, и он не замедлил открыть огонь, когда заметил падающих с неба Астартес. Со стороны могло показаться, что его оружие выпускало не град крупнокалиберных пуль, а изрыгало поток метеоров — и эти метеоры нашли свою цель в лице Кайрмуна, который принял на себя всю ярость оглушительного залпа. Снаряды врезались в штурмовика с такой силой, что, казалось, замедлили его полет, но на деле они лишь превратили контролируемое приземление Кайрмуна в

падение распадающейся на части кометы.

Самому Кэлигу едва ли повезло больше — несколько орочьих пуль врезались ему в плечо, одной лишь своей массой заставив его неконтролируемо вращаться. Сержант все еще продолжал дико кружиться, когда земля приняла его в свои объятия.

Чудом уцелевший, резким рывком Кэлиг поднялся на ноги и первым делом отыскал глазами раненого товарища. Кайрмун рухнул на землю прямо перед огромным зеленокожим. Удачным попаданием ксеносу удалось сорвать с десантника шлем, а еще одним — оторвать ногу, но это не помешало штурмовику выхватить болтер и открыть по чуду огнь. Масс-реактивные снаряды, как им и полагалось, пробивали грубую броню ксеноса, однако это ничуть не замедлило орка, что стремительно подбежал к Кайрмуну, ухватился за голову Гвардейца Ворона силовой клешней, в которую была закована его левая рука, и сжал изо всех сил.

Влажный треск донесся до ушей Кэлига даже через оглушительный грохот сражения.

Труп Кайрмуна рухнул на спину, пока кровь хлестала из его перерубленной шеи, в то время как вокруг гиганта собралась орава орков в сварочных масках, что тут же наставили на выживших десантников свои огнеметы. Сержант прошептал себе под нос грубое проклятье. Он не утратит самообладания перед этой тварью — нет, она не дождетя от него ничего, кроме холодной ярости и безжалостной смерти.

Кэлиг наклонился и активировал прыжковый ранец. Угол был выбран им идеально, и вырвавшиеся из турбин струи пламени подбросили его прямо к голове здоровяка. Сержант подождал, пока перелетит массивную пластину, защищавшую нижнюю челюсть ксеноса, а затем ударил когтями вертикально вниз. Адамантиевые клинки вонзились прямо в темя ксеноса, рассекая его мозг надвое, а затем Кэлиг приземлился на одного из огнеметчиков, раздавив при этом канистру с топливом. Горящий прометий облил сородичей неудачливого ксеноса, но Кэлиг проигнорировал их истошные крики, и вместо этого повернулся, чтобы взглянуть на бронированного гиганта. Как ни странно, тот все еще стоял на ногах и даже двигался, но его движения стали неловкими и бездумными. Ксенос топтался из стороны в сторону и размахивал своей клешней, одновременно с этим паля из своей пушки прямо перед собой. Более мелкие его товарищи разбежались во все стороны, а те, кто не успел этого сделать, оказались растоптаны или разорваны на куски крупнокалиберными снарядами. Пули ксеноса были способны раздробить керамику — незащищенную плоть они просто обращали в кровавую дымку.

Большая часть уцелевших эльдар добралась до переправы и в данный момент пересекала ее — возглавляли шествие спешившиеся воины.

— Мы здесь закончили. — отрезал Кэлиг, и космические десантники в очередной раз взмыли ввысь, оставив оркам прощальный подарок в виде взведенных гранат и давая возможным выжившим еще один повод с опаской бросать взгляд в небеса. Гвардейцы Ворона полетели через расселину на пламенных крыльях, смотря на то, как первые из спасенных ими ксеносов добираются до другой оконечности моста. Помня приказ своего капитана, Астартес открыли прикрывающий огонь, осыпая преследующих эльдар орков градом из масс-реактивных снарядов, но и воины в красном не остались в долгу — турели их скиммеров также поливали зеленокожих ослепительно-яркими лучами энергии. Зеленая орда ревела от переполняющей ее злобы, но не останавливалась, стреляя в ответ из своего примитивного оружия. Ее члены погибали один за другим, но их место занимали новые ксеносы, которые тут же присоединялись к своим товарищам в посмертии. Тем не менее, сколько бы орков не умирало, первобытная ярость не давала им отступить от безумной погони, а некоторые из выпущенных ими пуль даже достигали цели. Спустя несколько мгновений, из-под покрова леса вырвался еще один танк.

Когда последние из гравициклов эльдар наконец-то пересекли мост, первый из более крупных скиммеров отступил на мостовое полотно, не переставая вести огонь, но когда к нему попытался присоединиться его товарищ, орочий танк уничтожил его одним удачным попаданием. Эльдарский танк взорвался, а его поврежденное орудие испустило разряд энергии, что превратил ночь в день и уничтожил всех зеленокожих, что успели подобраться к нему достаточно близко. Впрочем, гибель одного танка подарила другому жизненно необходимые секунды, и его экипаж направил свою технику к городу, отрываясь от преследования.

Орда все равно отказалась сдаваться. Зеленокожие побежали прямо через горящие обломки эльдарского танка. Некоторые из них рухнули наземь, объятые пламенем, но большую часть дикарей миновала эта участь. Первые орки уже успели преодолеть треть моста, когда уцелевший танк достиг другого его конца.

— Сейчас. — сказал Кэлиг Ваанису.

Гвардеец Ворона активировал мелта-бомбы, которые тут же принялись алчно пожирать опоры моста. Сержант заметил про себя, что разрушение переправы заняло больше времени, чем он ожидал — материал, из которого был изготовлен мост, оказался куда прочней, чем предполагалось. Тем не менее, взрывчатка сделала свое дело, и середина моста рухнула в расселину.

Бежавшие по нему орки набрали слишком большую скорость, чтобы успеть вовремя остановиться, и улетели прямо в пропасть. Более сотни примитивных ксеносов были пожраны бездной, прежде чем остальные сумели наконец-то замедлить свой дикий натиск. Лишенные своей законной добычи, они выкрикивали гортанные проклятия в адрес эльдар и Гвардии Ворона. Их крики становились все громче и громче, как будто одно это могло позволить им сократить дистанцию между ними и их противниками.

В данных обстоятельствах, Кэлиг не удивился бы, если бы так и произошло.

Креваан встал на оплавившейся кромке моста, уставившись во тьму внизу. Беразы и Кэлиг примостились рядом с ним, пока остальные сержанты сторожили спасенных Гвардией худошавых ксеносов. Какими бы измотанными они ни были, эльдар все равно оставались опасным соперником — в число их небольшой, но невероятно мобильной ударной группы входили два десятка гравициклов и один крупный скиммер.

Орки покинули другую сторону моста, но Креваан знал, что они не оставили идею о захвате Рекламации. Зеленокожие, что было сил, искали другой путь в город — и они найдут его. Может быть, им и придется пройти много километров, но к востоку отсюда земля шла под уклон достаточно плавно. Орков придется остановить до того, как они доберутся до поселения — иначе Рекламация погибнет.

Капитан внимательно наблюдал за тем, что происходит в глубине расселины, пока, наконец, не нарушил свое молчание.

— И все-таки, орки — стойкая раса.

— Да, но это просто нелепо! — воскликнул Кэлиг.

«Маловероятно? Определенно. Отвратительно? Да, скорее всего. Но определенно не нелепо.»

Креваан презирал орков всей душой, но их вид не входил в число тех, кого можно было безнаказанно высмеивать. Поступать так — означало недооценивать своего соперника, а Креваан был слишком умен для подобной ошибки. Орки на дне ущелья служили отличным доказательством его правоты. Многие из них, как ни парадоксально, пережили падение с огромной высоты, и капитан насчитал пятнадцать

ксеносов, которые уже пытались взобраться по стенам теснины.

— С ними придется разобраться. — сказал он.

— Огнеметы? — предложил Берази.

— Да. — кивнул Теневой капитан. — Прикончите их, когда они заберутся достаточно высоко. Всех до единого.

— Как вообще кто-то из них сумел пережить такое падение? — все еще возмущался Кэлиг.

— Повезло? — предположил другой сержант.

— Нет. Посмотрите на них. — указал Креваан. — Все выжившие — крупные представители своего вида. Самые могучие из местных орков необычайно сильны по меркам всего своего вида, и это не простое совпадение или случайная мутация — все дикари на поверхности Лепид проявляют схожий рост агрессивности и физической силы. Учитывая то, что мы уже видели, было бы удивительно, если бы самые сильные образчики зеленокожих не пережили бы падения. В конце концов, это всего лишь гравитация, братья. Неужели вы рассчитывали победить своего врага таким простым оружием?

— Но что делает их такими стойкими? — подивился Берази.

— Вот в этом и заключается главный наш вопрос. Необычные орки... Эльдар, что до последнего вдоха защищают человеческое поселение... Два феномена, которым не найти рационального объяснения. Но возможно ли такое, что обе эти загадки никак не связаны между собой? Не думаю.

— Зачем же оставлять одну из этих загадок в живых? — поинтересовался Кэлиг.

Креваан посмотрел на своих подчиненных перед тем, как ответить на вопрос. Он был уверен, что Кэлиг знает больше, чем могло показаться по его незатейливым вопросам. Сержант обладал похвальной жадностью знаний, но обратной стороной этого выступала нетерпеливость. Теневой капитан не знал, хватит ли его подчиненному еще и мудрости, необходимой, чтобы должным образом воспользоваться имеющейся у него информацией. Берази, с другой стороны, был ничуть не менее любопытным, но ему хватало терпения на то, чтобы повременить с выводами, когда Кэлиг слишком уж резко бросался подводить итоги.

«А что же до нас? Как мы можем оценить верность наших суждений?» — задумался капитан, пока ответ сам собой не пришел ему в голову.

«Задавая вопросы. Замечая прорехи в наших знаниях. Отыскивая свои собственные слепые пятна.»

Войско эльдар серьезно пострадало от рук орков, но даже сейчас они оставались силой, с которой приходилось считаться. Опасность эльдар заключалась в мобильности и скорости — и хотя в составе ударной группы присутствовали пешие воины, Креваан понял, что их техника была просто-напросто уничтожена в бою. Все остальные эльдар восседали на гравициклах и последнем скиммере с орудийной турелью.

«Гадюка»... Эльдар называют такие скиммеры «Гадюками». И они явно из числа обитателей Сайм-Ханн, наездников, одержимых скоростью.» — подумал капитан.

Резсасзу подумалось, что ему неплохо было бы сейчас оказаться в компании одного из Белых Шрамов — тот мог бы пригодиться капитану во время предстоящей тому беседы, — но офицер просто мысленно

пожал плечами, отбрасывая эту идею. Праздные размышления не приносили пользы и были недостойны его времени. Креваан знал, что ему придется совершить. Стоящая перед ним задача была неприятной и требовала определенной степени доверия, которое было весьма условным и хрупким — но в то же время необходимым.

Капитан смотрел на эльдар, который приближался к нему. Вся раса этих ксеносов казалась воплощением загадочности, но отнюдь не из-за их власти над тенями - Креваан не считал, что блуждал в потемках, не имея представления касательно их мотивов. Тем не менее, эльдар были весьма извращенным видом, что не вызывало у него никакого уважения, однако требовало проявить должную осторожность.

С другой стороны ущелья к мосту не вело никаких дорог, да и через лес не было проторенных путей, но с безопасной стороны переправы мостовая тянулась на восток, превращаясь в широкую площадь после первой же группы зданий. Там места с лихвой хватало для эльдар и Восьмой роты — и именно там они устроили общий сбор. Эльдар сгрудились с северной стороны площади, а Гвардия Ворона заняла южный ее край. Все воины держали оружие наготове, однако не рисковали целиться в своих оппонентов. Слишком уж хрупким было установившееся спокойствие — малейшей провокации хватило бы, чтобы в один момент оба войска открыли друг по другу ураганный огонь.

Креваан вышел на середину площади, а затем остановился, сложив руки на груди. Ксенос, что выступал посланником от Сайм-Ханн, шел ему навстречу, положив на плечо что-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось своего рода снайперской винтовкой, и был облачен в плащ, выполнявший функцию активного камуфляжа. Креваану трудно было уследить за движениями стрелка, и капитан рефлекторно потянулся к окружавшим его теням, отмечая про себя их расположение, глубину и точки соприкосновения.

Люмены Рекламации излучали яркий свет, и тени, которые они порождали, были такими же резкими, как удары клинков, вызывая у капитана мысли о том, как ему лучше расправиться с приближающимся ксеносом. Лишь сознательным усилием воли он поборол желание сжать руку в кулак и вспороть тело чужака своими когтями.

Переговорщик остановился в нескольких шагах от капитана и уважительно кивнул.

— Я — Алатаннас. — наконец-то произнес он.

— Ты их лидер? — спросил в ответ Теневой капитан.

— Нет. Но я знаю ваш язык. Будешь ли ты говорить со мной? — акцент ксеноса был странным — в нем друг на друга слоями накладывались влияния разных систем и секторов, под которыми пряталась сердцевина, которая не могла принадлежать ни одному человеческому миру.

— Я выслушаю то, что ты хочешь мне сказать. — уклончиво ответил Креваан.

— Это хорошо. Мы можем работать вместе — более того, мы должны. Я рад, что ты здесь, человек. Я надеялся на ваше прибытие.

Капитан пристально смотрел на Алатаннаса. Не скрытое тенями лицо чужака оказалось вытянутым и элегантным, что было свойственно его расе, но в то же время оно обладало неожиданной открытостью, которая, как мог судить Креваан, даже не была напускной. На нем проглядывалось любопытство и энергичная пытливость, которые не могли прогнать даже ужасы войны. Ресзас признавал и понимал жажду знаний, которая плескалась в глазах эльдар, но в них скрывалась и неутолимая жажда новых

ощущений — а этому импульсу он доверять не мог.

Ксенос встал прямо под светом люмосферы, откинув капюшон плаща, словно приглашая капитана изучить его во всех деталях. Эльдар хотел завоевать доверие Гвардейца Ворона, что сделало Креваана лишь еще более подозрительным.

— И почему же ты надеялся, что мы явимся? — спросил он.

— Мы не можем остановить орков своими силами. Однако остановить их необходимо. Город должен остаться нетронутым.

Пыл, с которым говорил эльдар, удивил Креваана, но тот ничем не выказал своего удивления.

— Город и так уже хорошо защищен. — соврал он, чтобы увидеть, как отреагирует следопыт.

— Недостаточно хорошо. Я думаю, мы оба знаем, чем сейчас заняты орки и каким путем идут.

Креваан видел, каким напряженным было лицо эльдар, и по его разумению, отчаявшийся эльдар являлся весьма необычным зрелищем. Когда капитан служил в Карауле Смерти, ему уже доводилось сталкиваться с расой эльдар — и встречи эти всегда имели насильственный характер. Волей-неволей, он познакомился со своими врагами поближе и даже познал их чуждые разумы — насколько это было возможно для человека, — и отталкиваясь от прошлого опыта, Гвардеец понял, что Алатаннас сейчас едва ли не умолял его.

«Мы должны защитить город...»

Что он имел в виду под этими словами? Чего на самом деле хотели добиться эльдар на этой планете? Почему? Их действия не подчинялись никакой логике. Капитан не стал спрашивать, почему Рекламация была так важна для Сайм-Ханн — он знал, что не может доверять полученному ответу, каким бы тот ни был. Ему придется самому отыскать истину, а потому он станет следить за ксеносами, подыскивая наилучшую возможность для удара. Однако до того, как нужный момент настанет, ему придется изобразить некое подобие доверия.

— Орки должны быть уничтожены. — наконец-то сказал он.

— Да. — ответил рейнджер. — Их гибель стоит превыше всего.

Стрелок напрягся еще сильнее. Он и правда был охвачен отчаянием.

Креваан кивнул.

— В таком случае, взаимное сотрудничество пойдет нам всем на пользу.

Облегчение, которое ощутил ксенос, было так же очевидно, как и пожиравшее его всего лишь минуту назад напряжение. Капитан волей-неволей почувствовал к стрелку презрение. Слишком уж несдержанным был эльдар — никакому воину не подобало быть настолько открытым.

— А ты будешь нашим переговорщиком? — спросил Креваан, смотря мимо Алатаннаса, в сторону группы эльдар. Одна фигура в их воинстве стояла чуть поодаль от остальных и была облачена в изукрашенный доспех.

«Ты... Ты — их лидер.» — понял капитан.

Воин произнес что-то в направлении Алатаннаса и хотя Креваан не мог перевести сказанное, он понял, что слова эти были произнесены ради него. Голос воина оказался женским, и излучал властность.

Алатаннас почтительно кивнул своему командиру, и повернулся в сторону Теневого капитана.

— Я стану мостом между нашими народами.

— Ты же понимаешь, что находишься на имперской земле?

— Да. Мы все это понимаем.

«Слишком уж легко следопыт согласился... Можно подумать, что они просто пролетали мимо, заметили, как орки оскверняют своим присутствием имперский мир, и решили в порыве бескорыстного альтруизма отдать за него свои жизни.»

Ложь Алатаннаса очевидна — Креваан добавил эту деталь ко всем остальным имеющимся у него знаниям, но вслух произнес лишь следующее:

— Тогда я верю, что сотрудничество между нами возможно. Поговори со своим командиром. Нам следует обсудить наш дальнейший курс действий.

— Он тебе поверил? — спросила Элейра, когда Алатаннас вернулся. Воительница уже успела избавиться от шлема.

— Он будет сотрудничать, автарх.

— Какой уклончивый ответ.

— Прошу меня простить. Я не знаю, поверил ли он мне или нет. Степень его самообладания просто поразительна.

— Да, для одного из мон-кей.

Алатаннас лишь склонил голову.

— Я использовал телодвижения, которые он должен был интерпретировать, как признак определенной степени наивности и желания угодить. Если человек считает, что его суждения мудрее моих, то, быть может, он будет доверять мне больше — или, по крайней мере, станет менее подозрительным. Так или иначе, я не смог понять, о чем он думает.

Элейра слушала объяснения следопыта, постукивая пальцами по бронированному бедру.

— А ведь ты многих мон-кей повидал за время своих странствий, рейнджер... Мне казалось, что от этого в ситуациях, схожих с этой, должна бы быть какая-то польза.

— Людей, подобных ему, я не встречал никогда.

— Тогда наше дело едва ли сдвинулось с мертвой точки.

— Со всем уважением, автарх... Мы живы и готовы к бою, а оркам еще не удалось захватить город.

— Зато теперь в нашей операции замешаны силы мон-кей.

— Город всегда находился в их руках. Что вдруг изменилось? С их помощью, у нас есть шанс остановить

зеленокожих.

— Это не единственная наша цель. — напомнила автарх стрелку. — Слишком уж беззаботно ты относишься к человеческим оккупантам. Сдается мне, что на тебе сказалось их влияние.

Под суровым взглядом военачальницы трудно было даже держать спину прямой, не то что выказывать прямое неповиновение. Все прожитые столетия Элейры откладывались на ее лице в виде шрамов, полученных в бесчисленных сражениях. Каждая линия на ее коже — едва заметная ли, или же еще свежая, — была очередным штрихом на полотне, посвященном войне, и подчеркивала остроту черт ее лица, но сильнее всего почтенный возраст командира выдавали ее глаза. Они успели повидать столь многое, узрели так много боли и злобы, что обрели оттенок холодного металла. Из них давно улетучился любой намек на надежду.

Алатаннас предпочел считать эту зашоренность ошибкой с ее стороны.

Конечно, он не питал иллюзий касательно людей... Человечество действительно было расточительным и жестоким без меры видом. С угнетающей регулярностью они действовали вопреки собственным интересам, а их любовь к саморазрушению со стороны выглядела бы жалко, если бы не имела катастрофические последствия для всей остальной галактики... Алатаннас прекрасно это знал — и все же он встречал людей, которые разделяли присущую ему жажду надежды. Какими бы незначительными не казались эти встречи в общей схеме вещей, порождаемый ими оптимизм не становился от этого менее реальным. Да, союз, который только что заключил следопыт, был сиюминутным и продиктованным необходимостью, а его основание с самого начала подтачивало взаимное недоверие, но он уже принес ощутимые результаты, а это чего-то, да стоило.

Стрелок желал лишь одного — знать, чего именно это будет ему стоить.

— Если вы думаете, что в моих суждениях кроется изъян, — сказал он автарху. — то проигнорируйте мои слова. Но все же, оцените сам факт того, что мы имеем возможность вести этот разговор. Если бы люди не прибыли нам на помощь, наша миссия окончилась бы полным провалом. Мы были бы мертвы, а орки разгуливали бы по городу. Как вы думаете, как скоро случилось бы то, чего мы так боимся? Его влияние на орков уже и так очевидно. Он зовет их. Они...

Элейра подняла руку, заставляя стрелка замолчать.

— За кого ты меня принимаешь?!

— Я...

— Думаешь, я не в курсе текущего положения дел?

— Конечно же вы в курсе, автарх.

— Тогда хватит с меня твоих поучений. — с этими словами воительница жестом подозвала Пассавана, который стоял в нескольких метрах от них. Провидец оставил свой гравцикл и присоединился к беседующим. Несмотря на то, как далеко эльдар зашел по пути видящего, он все еще был молод — в его сложении и оттенке кожи до сих пор сохранялась здоровая материальность.

— Как ты оценишь наш текущий маршрут? — резко спросила Элейра.

— Пряжа запутана, и впереди нас ожидает катастрофа.

Когда автарх повернулась к провидцу, плотно сжав губы от злости, Алатаннас понял, насколько изнеможенной она была на самом деле.

— Я и сама могла об этом догадаться.

Пассаван уважительно склонил голову.

— Я понимаю. Хотелось бы мне сказать что-то более конкретное... Увы, нить, по которой мы идем, так сильно истончилась и так густо усеяна разного рода условностями и противоречиями, что я не могу предвидеть ничего, кроме самого ближайшего будущего.

Элейра хмыкнула.

— Я тоже могла бы предвидеть, что мы погибнем, если откроем огонь по войску перед нами. Придется тебе усерднее потрудиться. Я должна знать, имеем ли мы шанс преуспеть в том, что действительно важно, если пройдем по избранному пути до конца.

— Шанс есть... — произнес Пассаван, далекий от того, чтобы сиять от счастья.

— Но?

— Дорога к удовлетворительному исходу зависит от действий, на которые мы повлиять не в силах, особенно на данном этапе. Впрочем, лежащая перед нами возможность объединиться с людьми — это то единственное, что может даровать нам хотя бы призрачную возможность преуспеть.

— Тогда нам придется идти осторожно...

— Да, и я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы направлять нас, но независимо от того, как мягко мы ступаем...

— Да... — оборвала провидца Элейра. — В конце концов, это может не сыграть никакой роли.

Автарх еще раз посмотрела на людей, стоявших по другую сторону площади.

— Ну что же, плакала наша свобода воли...

Следующие ее слова предназначались для ушей следопыта.

— Сделай все что можешь, чтобы завоевать их доверие. Без него, мы рискуем куда большим, нежели просто нашими жизнями.

Третья глава

Задача, которой он решил себя занять, была бесперспективной. Берази знал это — и тем не менее, он до сих пор ломал голову, пытаясь найти разумное объяснение решениям Креваана.

Восьмая рота вернулась на свою базу, расположенную к югу от Рекламации, и сейчас сержант стоял рядом с командным шатром, ожидая, пока Теневой капитан закончит разговор с командирами, ответственными за другие операции.

Гвардии Ворона наконец-то удалось наладить контакт с Темур-ханом и его Белыми Шрамами, что походило на доброе предзнаменование. С другой стороны, сержанту не казалось хорошей идеей оставлять эльдар внутри города, пока Астартес находились вне его стен. Вся эта ситуация казалась

настолько абсурдной, что Берази даже не мог назвать ее катастрофической. В конце концов, их не выбили из города силой — Креваан сам приказал оставить поселение. Все же, этот его приказ был самым странным из всех, что доводилось выполнять сержанту.

— Оркам предстоит долгая дорога... — произнес Креваан, пока Гвардия Ворона и эльдар обсуждали детали своей стратегии. — Но они вернуться. Нам нужно получше разведать окрестности.

Лидер эльдар сказал что-то Алатаннасу, и тот услужливо перевел слова автарха для капитана.

— Город должен быть защищен.

— В таком случае, мы оставляем его под вашей опекой. — с неожиданной готовностью согласился Креваан, вызвав недоумение и опаску у всех присутствующих Гвардейцев Ворона. Это решение шло наперерез всем их инстинктам, да и правители Рекламации не засияли от радости, услышав слова Ресзасза. Губернатор Кесмир даже решился лично встретиться с Восьмой, пока десантники маршировали к южному выходу из города. Сопровождал губернатора кардинал Райтнер — и выглядел епископ так, словно его хватил удар.

Креваан уделил возражениям представителей местной власти ровно одну минуту своего времени.

— Мое решение окончательно. — произнес он под конец шестидесяти первой секунды, и продолжил движение, игнорируя жалкие увещания двух смертных. Под конец они даже взвыли от горя, но в их мольбах так явственно сквозило уязвленное самолюбие, что Берази на секунду даже позволил себе порадоваться тому, что бросает пару ревущих гражданских на произвол судьбы — по крайней мере, в это верили сами власть предержащие.

Впрочем, сейчас опасения сержанта вернулись, принявшись глотать его с удвоенной силой. Да и не только его, судя по всему — большая часть остальных сержантов тоже не находила себе места. Некоторые из них собрались в небольшие группки, пока несколько более сдержанных держали свои мысли при себе. Сержант Кэлиг метался между ними всеми, требуя ответов, которые никто из них дать был не в состоянии, и в конце концов добрался до самого Берази.

— О чем он только думал?! — возмущенно воскликнул Кэлиг.

— Ну ты же не считаешь, что я знаю ответ на твой вопрос?

— Ты хоть понимаешь, чем мы все рискуем? — Кэлиг, казалось, вообще не слышал товарища. — Как мы можем просто взять и бросить...

— Брат... — перебил беспокойного товарища Берази хлопком по плечу, достаточно сильным, чтобы вырвать сержанта из его дум. — Да, я прекрасно осознаю все риски.

— Мы должны что-то предпринять!

— Что ты несешь? — прошипел Берази, разозленный этими словами. Кэлиг стоял в одном-единственном шаге от того, чтобы поднять мятеж.

Беспокойный сержант, по всей видимости, только сейчас осознал, что за слова сорвались с его губ, и посмотрел на Берази так, как будто лишь теперь понял, где находится и с кем говорит.

— Прошу прощения... Я сам не знаю, что несу.

— Оно и видно.

Кэлиг вздохнул.

— За меня говорили мое раздражение и невежество.

— Да, но говорили они твоим голосом.

— И то правда... — согласился Кэлиг, оборачиваясь к огням, освещавшим Рекламацию. — Но все же, — и да простит меня Император, — почему он заставляет нас бросить город?

— Город не является нашей целью. — ответил Берази, чувствуя, что подбирается к озарению.

— Что?!

— Город — не наша цель, и никогда ей не был. Припомни, в чем заключается смысл всей этой кампании, брат. Наша цель — это орки, и даже их мы атакуем лишь для того, чтобы заманить сюда Изверга. В контексте всего этого, поселение совершенно не важно. Наша миссия может увенчаться успехом, даже если его сотрут с лица земли.

— Может и так. — признал Кэлиг. — Но как Креваан рассчитывает приблизить конец нашей кампании, оставляя эльдар за главных?

На это Берази не нашел, что возразить. Впрочем, он знал, что был прав — ему не удавалось лишь ухватиться за ускользающую от него истину.

Беседу двух товарищей прервал Креваан, вышедший из командного шатра.

— Прощу, входите, братья-сержанты. — произнес он.

Внутренности шатра освещал активированный гололит, на котором была отображена местность к северо-востоку Рекламации.

— Зеленокожие от безделья не маялись... — пояснил капитан. — Впрочем, как и наши союзники. Мы сумели восстановить вокс-сообщение — как выяснилось, миссия Белых Шрамов увенчалась успехом. Они уничтожили мануфакторию на спутнике планеты, а также убили могущественного орочьего псайкера.

— Это отличные новости! — воскликнул сержант Клиджуун.

— Увы, не все так гладко. Орочий инженер сумел бежать. Темур-хан считает, что ксенос телепортировался на поверхность планеты.

Кэлиг нахмурился.

— Не вижу причины, по которой нас должен заботить один-единственный механик.

— А зря — ты не присматривался к танкам, которые нам довелось встретить?

— Да, они кажутся крупней и прочней обычных поделий зеленокожих... — признал Кэлиг. — Но все же они остаются уязвимыми.

— Ты не задумывался, как тяжелая техника орков доставлялась на Лепид? — спросил у сержанта Креваан. — Так вот, ее сюда телепортировали. И знаешь, что запитывало телепорт? Устройство, которое превратило дюжину плененных эльдарских псайкеров в одну большую батарейку.

— Подобное удалось орку? — выдохнул ошеломленный услышанным Берази.

— Да, при сотрудничестве с ведьмой.

— Но если мануфактория уже уничтожена... — сказал Кэлиг. — Этот орк больше не способен нас потревожить.

— Ты готов это гарантировать, брат-сержант? — строго спросил Креваан.

— Нет. — не опуская головы, ответил тот. — Но я строю свои догадки на основе имеющейся у нас информации.

— Да, вот только имеющаяся у нас информация говорит о том, что эти зеленокожие куда более непредсказуемы, сильны и находчивы, чем мы могли себе представить. У них на луне была стомпа. Не могу говорить за тебя, но лично меня удивило бы внезапное появление на поле боя чего-то подобного. Элемент неожиданности — это то, что мы используем против наших врагов. Я же отказываюсь быть застигнутым врасплох.

Реззасз отвернулся от сержанта и обратился ко всем присутствующим.

— С этого момента мы будем считать, что орочий инженер здесь и работает на благо своего вида. Ожидайте роста численности тяжелой техники в их арсенале.

Кэлиг, казалось, собирался сказать что-то еще, и Берази изо всех сил молил Императора, чтобы его товарищ заткнул свой рот — и как ни странно, это помогло. Кэлиг, казалось, сумел прочесть мысли своего брата, и промолчал.

Теневой капитан вернулся ко столу. Гололит теперь показывал линию, обозначающую окружной путь, по которому придется пройти оркам, чтобы миновать расселину и добраться до города. Ксеносы отступились от разрушенного моста и отправились на север, что означало десятки километров пути до того момента, как они получат возможность безопасно форсировать реку. Тяготы ксеносов, однако, на этом не кончались — с северной стороны Рекламация была защищена резким обрывом, поэтому дикарям придется сделать крюк, уходя далеко на восток. Даже учитывая необычайную скорость, с которой могли передвигаться здешние орки, им никак не удастся начать осаду города до того, как взойдет солнце.

— Это... — начал Теневой капитан, — то, как в теории будет выглядеть путь орков. Но эта схема никуда не годится. Нам нельзя делать никаких допущений в отношении этих ксеносов, и если информация, которой мы оперируем, не получена путем прямого наблюдения, то ее можно считать бесполезной. Поэтому мы будем наблюдать. Братья-сержанты, отправной точкой ваших отделений будут восточные ворота Рекламации. Сержант Берази — твой отряд попытается перехватить орков на предполагаемом маршруте. Остальным приказываю рассредоточиться в северо-восточном направлении. Когда кому-то улыбнется удача, все остальные отправятся товарищам на помощь.

Капитан воздел вверх раскрытую ладонь, а затем медленно сжал пальцы в кулак.

— Так мы сокрушим зеленокожих.

— А что будут делать эльдар? — спросил Зобак.

— Они отправят и своих разведчиков, как мы и условились.

— Разведчиков? — уточнил Берази. — А что насчет основной массы их сил?

— Они пока что будут присматривать за городом.

— Не думаю, что они ограничатся только этим. — обвинительным тоном заявил Кэлиг.

«Ну никак ты удержаться не мог, да?» — подумал Берази, устав от выходок товарища.

Иногда Кэлиг обвинял его в излишней осторожности, но в моменты, подобные этим, в излишествах можно было упрекнуть только его самого. Берази старался во всем следовать примеру своего капитана, и основывать свои действия на доступных данных — чем точнее они были, тем более смертоносной оказывался нанесенный им удар, но Кэлиг, как иногда казалось его товарищу-сержанту, был охоч только до той информации, которая подтверждала его собственную точку зрения.

— Брат-сержант, ты сделал прекрасный вывод... — съязвил Креваан совершенно спокойным голосом, что, как ни странно, казалось более унижительным, чем взгляд на его более строгую сторону немногим ранее. — И именно поэтому за ними буду присматривать я.

Алатаннас и Пассаван, на шаг отставая от Элейры, постепенно приближались к центру города. Строения людей здесь становились все более изукрашенными и теснее жались друг к другу, отчего у эльдар складывалось ощущение, что их задача становилась еще труднее и рискованней.

— Они изменили столь многое... — вздохнула Элейра. — Я все еще вижу следы прошлого вокруг нас, но наши записи будут бесполезны.

— Мы и без того знали, что их будет недостаточно. — подметил видящий. — Да, на этом девственном мире возвели город, но он никогда не заселялся. Что же до того, что мы ищем...

— На поверхности нам этого не сыскать. — закончил мысль Алатаннас.

— Именно. Мы знаем только о том, что некогда находилось над землей.

Элейра остановилась, ступив на перекресток и медленно повернулась.

— Как они вообще могут здесь жить? Что они сотворили со своим городом?

С трех сторон, эльдар окружали жилые дома, возвышавшиеся над ксеносами темными монументами из скалобетона. Их окна больше были похожи на амбразуры — и из некоторых выглядывали испуганные лица. Жильцы домов подозрительно зыркали на чужаков, и казались скорее зашуганными крысами, нежели людьми.

Народ Рекламации, считавший себя покинутым своими защитниками, искал утешения в толстых стенах своих похожих на тюремные комплексы домов, на фасадах которых неизменно красовались скульптуры в виде двуглавых орлов — символа человеческого Императора. Иногда их сопровождали и другие фигуры, которые, по разумению Алатаннаса, имели определенное религиозное значение. В общем и целом, у эльдар складывалось ощущение, что дух всей расы людей прогибался перед проявлениями их же материальной силы.

С четвертой стороны, над ксеносами нависало место поклонения, точно такое же угнетающее, как и жилые комплексы. Разница между ними заключалась лишь в степени этого угнетения — и храм в этом отношении был куда хуже. Он вдохновлял людей, но в то же время держал их в узде. Орел на этом здании отцепился от стены, облачился в железо, и раскинул свои крылья над папертью.

Люди, как подумалось следопыту, не жалели сил, чувствуя то, что сокрушало их волю.

Тем не менее, находились среди человечества и индивиды, которые побуждали Алатаннаса сохранять надежду. За десятилетия странствий, он повстречал среди их вида и тех, кого даже мог бы назвать друзьями. Его отношения с ними, на первый взгляд невозможные, были теми лучиками света, которые уберегали его от погружения в пучину отчаяния. Конечно, стрелок и не надеялся подружиться с Гвардией Ворона, но он верил в то, что они могут быть настроены на честное сотрудничество. Если так и окажется, то орки еще могут быть побеждены — альтернатива этому была такой ужасной, что Алатаннас отказывался и задумываться над ней.

Ни он, ни кто либо еще на этой планете, не мог позволить себе раздумий о наиболее вероятном исходе этой войны.

— Они изменили слишком уж многое... — заключил Пассаван, вырывая следопыта из раздумий. — Я даже не могу сказать, существует ли до сих пор проход, который мы ищем. Впрочем, может статься и так, что его никогда не существовало. Мы не знаем, что случилось с Ушедшими, которые основали это поселение. Им наверняка не удалось завершить свои труды, но если бы проход существовал, мон-кей уже обнаружили бы его.

Элейра вновь начала идти, двигаясь по улице, пролегающей возле церкви. Она внимательно разглядывала основания зданий, выискивая намеки на следы эльдарского города, который некогда стоял здесь, но был стерт с лица земли безжалостным ходом времени, никогда так по-настоящему и не наполнившись жизнью.

— Вопрос о проходе сейчас к делу не относится. — заявила воительница. — Он — это не то, что мы ищем. Сначала нам нужно определить местонахождение нашей цели. Провидец, на тебя мы возлагаем все наши надежды.

— Хотелось бы мне оправдать ваше доверие... — с искренней печалью в голосе ответил Пассаван.

— Ты должен.

Прорицатель взглянул на следопыта, будто бы ища поддержки с его стороны.

— Вы требуете от меня того, что я дать не могу.

— Меренталлас и Элиса могли бы...

— Только они и могли. Они зашли по пути провидца куда дальше меня, и их взор устремляется дальше моего.

— Да — если, конечно, они все еще живы. — заметил Алатаннас.

Элейра проигнорировала подколку следопыта, и лишь вздохнула.

— На нас легла невыполнимая задача.

Пассаван оглянулся назад, в сторону храма, а затем остановился, внезапно нахмурившись сильнее обычного.

— Ты думаешь, что оно может быть под этим зданием? — спросил Алатаннас. Ирония такого исхода стала бы серьезным поводом для раздумий.

— Нет, мне показалось, что я увидел... — сказал Пассаван, окинув взглядом крылья железного орла.

Казалось, удовлетворенный увиденным, он продолжил движение.

— Забудь, я ошибся.

Алатаннас, в свою очередь, тоже решил осмотреть фасад церкви, ведь, пускай он и доверял восприятию Пассавана, он ценил и собственные умения. Следопыт попытался отыскать глазами какое-то едва заметное движение или странную тень, но спустя какое-то время стало очевидно, что провидец и вправду зря насторожился. Алатаннас всматривался в здание еще около минуты перед тем, как успокоиться, а затем отправился догонять своих компаньонов. Сравнявшись с ними, он обернулся еще раз — но, как и прежде, не увидел ничего, кроме ночной тьмы, собирающейся вокруг дверных проемов храма.

Ночная тьма, тем временем, продолжала следить за ксеносами вплоть до того момента, когда они практически исчезли из поля зрения — и за все это время Креваан не рискнул шевельнуть ни единым мускулом. Лишь когда угроза быть раскрытым миновала, он осмелился активировать вокс.

— Что ты видишь? — тихо спросил он.

— Еще несколько небольших групп бродят по улицам. — ответил капитану технодесантник Тэйн, занявший позицию на крыше одного из высочайших строений к югу от центра Рекламации. Как и Креваан, специалист вернулся в город прямо из лагеря Восьмой, с энтузиазмом приняв вызов в виде пытливых глаз эльдар, от которых его могли укрыть лишь самые глубокие тени. Впрочем, технодесантнику не светило забраться вглубь города — по мнению капитана, его глаза были нужнее на самом верху впечатляюще высокой башни, откуда Тэйн мог во всех деталях разглядеть площадь, на которой эльдар устроили свою оперативную базу, а также улицы в центре города.

Сам же Теневой капитан хотел подобраться к чужакам поближе. Он вовремя заметил Алатаннаса и его компаньонов, приближающихся к собору, и занял позицию в нише у притвора храма. Благодаря годам, проведенным в боевом крыле Ордо Ксенос, Ресзасз немного понимал язык этих чужаков — и хотя он не мог полностью перевести весь их разговор, он понял, что ксеносы что-то искали в этом городе. Кроме того, он подметил тщание, с которым лидер эльдар осматривала окружающие ее здания, пока тройка чужаков уходила вдаль.

— Эти твои группы... Они заняты патрулированием?

— Нет, Теневой капитан. Я рассмотрел ближайших к моей позиции чужаков при максимальном увеличении — и похоже на то, что они заинтересованы фундаментами местных строений.

— Спасибо. — просто сказал Креваан, благодарный своему наблюдательному подчиненному. Информация Тэйна сходилась с его собственной — и теперь стало ясно, что действия эльдар подчинены определенной структуре. Но причем тут фундаменты зданий?

«Мы должны защитить город...» — вспомнил капитан слова чужака. Учитывая то, что основания строений, казалось, были старше того, что нависало над ними, ему в голову сама собой пришла неожиданная мысль:

«И что же за город вы защищаете?»

Бутоны загадок начали распускаться в уме Креваана, и пускай цветы ответов были темными, сделанные капитаном выводы многое объясняли. Если здесь некогда стоял эльдарский город, упорство, с которым воины Сайм-Ханн защищали людское поселение, обретало смысл... Или, по крайней мере, начинало

казаться менее иррациональным. Капитан мог допустить, что определенное место могло иметь для эльдар важное значение, но все же это не объясняло тот факт, что ксеносы с готовностью отдавали свои жизни за город, который был давным-давно стерт с лица Лепид.

Следовательно, целью их поисков были не следы своего поселения, но что-то, что могло до сих пор находиться в его границах — и чем бы этот объект ни был, он оправдывал собой любые жертвы. Если же он был важнее для опасливых эльдар, чем их собственные жизни, что это говорило о людях, которые топтались на костях древнего города?

Ответ на этот вопрос был прост — жизни людей для ксеносов значили меньше, чем ничего.

Креваан не чувствовал ярости, которая, казалось бы, должна была сопровождать этот вывод. Раз Рекламация должна сгореть, если это будет значить, что она заберет на тот свет и орков, то она сгорит, пускай капитан и приложит все усилия для того, чтобы избежать этого. Вот что действительно казалось Гвардейцу Ворона недопустимым, так это то, что эльдар могли навредить подданным Императора ради достижения своих собственных целей. Предательство, столь свойственное их расе, наконец-то становилось явным — впрочем, капитан не сомневался в неизбежности такого исхода.

Выводы Тэйна, похоже, совпадали с точкой зрения капитана — технодесантник вновь вышел на связь с командиром.

— Мы будем атаковать?

— Нет, мы еще не разобрались с орками. Эльдар могут оказаться полезны в борьбе с ними. И все же нам стоит подготовиться к тому, что последует за этой борьбой. Сколько воинов в их лагере?

Креваан терпеливо ждал, пока Тэйн изучал опорный пункт эльдар.

— Совсем немного, капитан.

Значит, ксеносы либо не ждали атаки, либо были слишком уверены в остроте своих чувств. Креваан не удивился этому — эльдар, казалось, не были способны распознать талант Гвардии Ворона к призрачной походке. Они смотрели на громадных воинов в силовой броне и видели лишь примитивных бугаев.

«Хорошо...»

— Есть подходящие цели? — спросил он у технодесантника.

— Много. Их техника расставлена по внешнему периметру лагеря.

«Очевидное решение. Это помогло бы им при необходимости быстрого развертывания, но вместо этого лишь сделает задачу проще.»

Креваан поразмыслил о том, не проследить ли ему за Алатаннасом, но в конце концов отказался от этой затеи. Как бы его ни укрывали тени, и следопыту, и псайкеру показалось, что с фасадом храма что-то было неладно. Ресзасз не собирался лишней раз искушать судьбу. Чем дольше эльдар остаются в неведении насчет того, что он действовал им во вред, тем лучше. От сотрудничества с ними все еще могла быть польза, а их действия будут более смелыми, пока ксеносы не подозревают, что за ними идет слежка. Лучше не давать им поводов для сомнений — тем более, что какой бы ни была их цель, чужаки, очевидно, не знали, где она находится.

— Встретимся у основания башни. — передал капитан Тэйну. — Подготовь снаряжение.

Креваан добирался к позиции технадесантника с той же осторожностью, какую соблюдал по пути к собору. По данным капитана и Тэйна, в этом районе не находилось поисковых отрядов эльдар, но Креваан делал из этого лишь один вывод — что данных у Гвардии Ворона было недостаточно. Каждый новый шаг он делал так, как будто враги изо всех сил старались его отыскать — и кроме того, он не забывал о смертных, что могли заметить его совершенно случайно. Таким образом, капитану ничего не оставалось, кроме как обратиться в тень среди теней — массивный и тяжелобронированный сгусток тишины, крадущийся к жертве. Каким бы извилистым не становился из-за этого его путь, Креваан завершит свою охоту.

До рассвета оставался целый час, когда капитан добрался до башни — ночь все еще давила на город обещанием грядущей осады. Тэйн поджидал своего командира напротив фасада высокого здания, во тьме промеж двух уличных огней, держа при этом мелта-бомбы. Креваан осмотрел подготовленную специалистом взрывчатку.

— Возле двигателей скиммеров... — заключил он.

— Все верно, Теневой капитан. Установить их прямо внутри было бы лучше всего.

— Пойдет любое место, где они не будут обнаружены. Что насчет шанса случайного срабатывания?

Тэйн покачал головой.

— Детонаторы не сработают, пока я не передам свой сигнал.

— Хорошо...

Пока причудливый лабиринт теней вел капитана к лагерю эльдар, тот размышлял над тем, насколько было возможно то, что Тэйну не придется использовать заложенную взрывчатку, но в итоге пришел к выводу, что без этого будет не обойтись.

Если эльдар предадут Гвардию Ворона во время сражения с орками, он убьет вероломных ксеносов, уничтожив их технику — но даже если Сайм-Ханн будут верны своему слову вплоть до конца войны, у них с сынами Коракса все еще оставался камень преткновения в виде Рекламации. Чужакам что-то было нужно от этого города — а значит, победа над орками ничего не изменит. Эльдар придется выдворить отсюда силой — в этом и заключалась простая правда жизни.

Так или иначе, Креваана заинтриговал сам тот факт, что подобный вопрос вообще пришел ему в голову. Во время службы в Карауле Смерти его единственным видом взаимодействия с чужаками было полное и безоговорочное истребление. Капитан задумался над тем, зачем вообще думает о подобном.

«Потому что я могу. Потому что приказы на сей раз исходят от меня, а не Инквизиции.»

Капитан наконец-то мог позволить себе роскошь в виде действий, подкрепленных знанием того, почему они должны быть совершены, и каким целям они послужат. Разумеется, Креваан гордился своими достижениями в Карауле — пусть с той поры и прошло уже более двух столетий, — но их всегда сопровождали куда менее приятные воспоминания о том, как часто истинные цели миссий оставались сокрытыми от него.

Резсасз понимал, чем была обусловлена вездесущая секретность, и насколько она была полезной, но он ненавидел, когда что-то утаивалось от него лично. Теперь же тайнами пользовался он сам — и были они для него всего лишь еще одним оружием.

Капитан добрался до площади. Теперь его, пригнувшегося в тени, отбрасываемой низким жилым блоком, от эльдарских скиммеров отделяло лишь несколько метров. Креваан замедлил свое дыхание и сердцебиение, готовясь стать ничем — всего лишь мелочью, за которую не зацепится глазу, — и одновременно с этим внимательно следил за передвижениями ксеносов.

Воины Сайм-Ханн патрулировали внешнюю оконечность лагеря. Пускай их и правда было немного, выбранная ими схема патрулирования оказалась весьма сложной, да и двигались они без соблюдения постоянной скорости. Капитану трудно было предсказать, когда ему попадет слепое пятно, но пускай рассвет и приближался с каждой минутой, Креваан не спешил. Торопиться было некуда — возложенная на него задача не отнимет много времени.

Когда, наконец-то, наступило время действовать, тело Креваана пришло в движение само по себе, еще до того, как разум капитана заметил представившуюся ему возможность. Гвардеец Ворона пересек открытое пространство, проскользнув незамеченным перед глазами стражников, и упал на землю перед «Гадюкой», вновь став недвижимой статуей. Ресзас дождался следующей возможности двигаться незаметно, перебрался к носу скиммера и установил одну из мелта-бомб на днище корпуса, где фюзеляж перетекал в короткие, заостренные крылья.

Вновь все замерло — пока в очередной раз не переменялись тени. Под двигателем одного из гравициклов, словно сама собой, появилась мелта-бомба — а затем и другой постигла та же участь. Креваан неумоимо повторял свой танец, всякий раз оказываясь там, куда не смотрели нежеланные зрители. Прямо сейчас он принимал участие в дуэли, которую проиграет, если его оппонент поймет, что у него вообще есть соперник. Теневой капитан не умалял остроты чувств эльдар — и в то же время продолжал их обманывать.

Вся операция заняла целый час — когда Креваан отправился обратно к Тэйну, небо уже светлело. Тьма отступала перед неумолимым восходом местного светила. Впрочем, тени все еще были более чем способны укрыть капитана, который не просто избежал взглядов эльдар... Нет, он сокрушил этих чужаков. Вернувшись к технодесантнику незамеченным, он нанес эльдарам удар, о котором они не узнают, пока он сам этого не захочет. Тени вонзили гладий в сердца ксеносов — и хотя чужаки еще поддерживали в себе иллюзию жизни, Креваан позволит им наслаждаться этим фарсом лишь до тех пор, пока это будет соответствовать его интересам.

Возвращаясь в расположение Восьмой вместе с Кревааном, Тэйн не смог удержаться от вопроса.

— Есть ли хоть малейший шанс того, что нам не придется воспользоваться усилиями ваших трудов?

«Снова этот вопрос...»

Креваану хотелось ответить односложным «нет», но он передумал.

— Если эльдар докажут, что им можно доверять — вот тогда ты и не будешь подавать свой сигнал.

— Понятно, шансов у них нет. — ответил Тэйн.

В разум Креваана закралась нежданная мысль, которая подозрительно сильно напоминала собой сомнение.

«Не был ли я слишком строг к чужакам? Могло ли статься так, что я действую бесчестно?»

Не успел Теневой капитан решить, что же делать с этой мыслью и что сказать технодесантнику, как он

услышал в воксе голос Кэлига. Он звучал так, будто случилось нечто непредвиденное и требующее немедленного внимания, а фоном голосу сержанта служила хаотичная какофония, которая внезапно превратилась в рев огромного двигателя.

Ситуация только что стала куда хуже.

Четвертая глава

Передвигаясь с помощью затяжных залпов прыжкового ранца, Кэлиг вел свое отделение рассыпным строем. Сейчас все они, улетев от города на десятки километров в восточном направлении, были теми, кто находился от Рекламации дальше всех.

Быстро достигнув изначального пункта назначения, Кэлиг, изучивший местность, но не встретивший по пути ни одного противника, решил забраться на север так далеко, как только сможет. Он и не ожидал, что судьба подарит ему шанс перехватить наступающих орков — по его представлениям, они должны будут свернуть в сторону города при первой же возможности, но приказ Креваана все равно раздражал сержанта.

В силу этого, Кэлиг, примирившийся с тем, что первая кровь будет принадлежать не ему, вместо этого принялся лелеять надежду на то, что по крайней мере увидит зеленокожих собственными глазами во время одного из прыжков, и будет обладать точнейшей информацией насчет расстановки их сил.

Это был вопрос гордости, а не необходимости — и сержант был готов это признать. Пускай он не раскрывал душу остальным, их мрачный настрой говорил сам за себя — все они чувствовали себя так же. Неудовлетворительная стычка у переправы, ведущей в Рекламацию, оставила после себя паршивое послевкусие — под стать ее цели, коей стало спасение ксеносов от верной смерти. По крайней мере, сейчас можно было начинать настоящую истребительную войну.

Погрузившись в размышления, сержант едва не упустил из виду прерывистое свечение, исходящее далеко с севера.

— Это не могут быть они. — заявил Ваанис. — Зачем зеленокожим так сильно отклоняться от намеченного пути?

— Это явно не свет восходящего солнца. — поспорил с товарищем Кэлиг. И это не похоже на какой-то естественный феномен, так что варианта остается два — орки или эльдар.

В конце концов, штурмовикам Кэлига пришлось забраться в пустоши Лепид куда глубже, чем ожидал сержант — и все же вспышки, казалось, только удалялись от них. Во внезапном бегстве орков — если это действительно были они, не наблюдалось никакой логики.

«Учитывая, какими странными оказались здешние орки, это было бы как раз в их духе.» — одернул сам себя сержант. Впрочем, даже если то были не зеленокожие, нельзя было просто проигнорировать это странное явление.

«Орки, эльдар... Так или иначе, это происки наших врагов.» — подумал про себя Кэлиг, но вслух сказал лишь следующее:

— Теперь это наша приоритетная цель.

— Может, стоит доложить командованию? — предложил Хавран.

— Свяжемся с ним, когда узнаем что-то конкретное. — ответил Кэлиг. Как бы маловероятно это ни было, но если странные огни в действительности окажутся лишь местным атмосферным явлением, то сержант рискует отвлечь внимание Гвардии Ворона от действительно серьезных проблем.

Кроме того, он рискует опозориться перед капитаном.

Гвардейцы Ворона продолжили скакать в сторону свечения — и с каждым новым прыжком, оно становилось все более отчетливым. Кэлиг начал различать отдельные лучи света, а затем услышал и звук работы двигателей.

Вскоре десантники обнаружили следы того, что в этом краю действительно побывали зеленокожие — об этом нетрудно было догадаться, глядя на полосу словно бы пережеванной почвы. Впрочем, полоса эта оказалась недостаточно широкой, чтобы указывать на то, что здесь прошла основная масса орочьей орды.

Кэлиг загнал поглубже вскипающую в нем ярость. Часть сил врага опередила своих сородичей, и его долгом было разузнать, чем они заняты.

Отделению Кэлига оставалось еще несколько минут хода до предполагаемых позиций орков, когда к расследованию присоединились неожиданные гости — звено эльдарских гравициклов устремилось напрямиком к мерцающим огням. Сержанту ничего не оставалось, кроме как выругаться.

Еще несколько прыжков — и ситуация начала проясняться. Впрочем, это не сделало ее менее странной. Перед Гвардейцами Ворона предстало строение, выглядящее, как грубо сработанный ангар внушительных размеров. Чтобы не привлекать внимание чужаков, зеленокожие заблаговременно замаскировали его грязью, ну а в настоящий момент толпа этих ксеносов оцетинилась стволами стрелял, явно вознамерившись защищать здание до последней капли крови.

Пока отделение Гвардейцев Ворона приближалось в ангару, воины Сайм-Ханн изматывали орков безостановочными налетами. Дикари осыпали эльдар градом картечи и пуль, но у них не было никакой тяжелой техники. Пускай зеленокожим и удалось поджечь один гравицикл, их собственные потери нарастали с каждой секундой. Впрочем, пока что у них еще оставалось достаточно сил, чтобы продержаться какое-то время под градом молниеносных атак.

Воины Кэлига подобрались к строению поближе и заняли позиции на небольшом холме, находящемся как раз вне зоны действия орочьих ружей. Дикари пока что не заметили новоприбывших — все их внимание было сосредоточено на эльдар, даже несмотря на громкий шум, исходящий изнутри ангара. Кроме грохота инструментов, в нем слышался протяжный, глубокий рев, перемежавшийся гулким боем.

«Какой-то механизм?» — задумался Кэлиг. Если его догадка верна, то он должен быть огромным.

Подгоняемые местным светилом, черные небеса начали постепенно сереть — и теперь Гвардеец Ворона в полной мере смог оценить масштаб учиненной орками разрухи. Зеленокожие явно находились на этой планете куда дольше, чем подозревалось ранее. Во всяком случае, достаточно долго, чтобы успеть возвести этот чудовищный ангар. Сначала Кэлиг подумал, что именно сюда зеленокожие телепортировали свои боевые вагоны с луны Лепид — но в таком случае, у них не было бы причин нападать на Рекламацию с запада. Значит, здание выполняло какую-то иную цель — возможно, отсюда на поддержку основных сил зеленокожих должны были выступить подкрепления, таким образом получив возможность зажать людской город в клещи.

— Орки не обращают на нас внимания. — наконец-то подал голос сержант. — Мы используем их

рассеянность, приземлимся прямо у входа и уничтожим то, что они так отчаянно желают защитить.

Потомки Коракса, не мешкая, взмыли в небеса и тяжело рухнули на землю, открыв огонь из болтеров еще до того, как первый из них коснулся земли. Ксеносы, сторожившие ворота, ведущие в ангар, погибли, даже не успев понять, что происходит — и пускай их растерянные товарищи обернулись, чтобы встретить новую угрозу лицом к лицу, в их ряды уже вонзилась половина отделения «Кэлиг», подобно смертоносной волне сметая ближайших к зданию чужаков.

Зеленокожие лишились последнего намека на дисциплину, пытаясь противостоять одновременно космическим десантникам и налетчикам эльдар. Пока Хавран и его братья рубили врагов на куски, Кэлиг с остальными членами отделения прикрывали Вааниса, занятого минированием ворот ангара.

Выстрелам болтеров с другой стороны железной стены, тем временем, вторил все нарастающий грохот и вой чудовищного механизма. Звук был таким громким, что, казалось, был способен дробить кости. Из этой какофонии трудно было вычлнить какие-то детали, и все же, Кэлиг понял — что-то в ней только что изменилось. Грохот инструментов остановился, а затем ему на смену явился медленный ритм, биение сердца огромной машины. Впрочем, медленным это биение оставалось недолго — несколько секунд спустя, оно резко ускорилось.

Звук был легко узнаваемым — и все же казался невозможным. Слишком уж большой должна была быть издававшая его машина.

Ваанис повернулся к Кэлигу.

— Брат-сержант... — начал было он, но все и так уже поняли, в чем дело.

— Шевелитесь! — проревел Кэлиг.

Массивные ворота исчезли, и во все стороны, подобно мокрому снегу, полетели обломки железа. Не успев отлететь в сторону, Ваанис стал первой жертвой огромного локомотива. Машина вырвалась из ангара с такой скоростью, что десантника прижало к нижним клыкам крепко сжатых челюстей, что украшали ее нос, а через несколько секунд он, не получив и шанса оправиться от удара, упал прямо под десятиметровые гусеницы. Сотни тонн металла раздробили керамит силовой брони так, словно тот был не крепче яичной скорлупы, и играючи размазали генно-модифицированную плоть по выжженной земле.

Кэлиг в экстренном порядке активировал свой прыжковый ранец, чтобы подняться с земли и отлететь подальше от ужасного творения орков. Его примеру последовали и выжившие члены отряда — но не всех их спасли сверхчеловеческие рефлексy и скорость. Еще трое бойцов были сбиты с ног рывком металлического левиафана, а брат Сиок, взмывший в воздух, оказался прямо на линии огня чудовищного орудия, установленного на замыкающем вагоне поезда, за что и поплатился, когда оно выстрелило. Огненный след от крупнокалиберного снаряда расчертил рассветное небо, а затем боеголовка с силой падающей кометы ударила в землю в нескольких километрах от поля боя.

Сам сержант оказался задет боком пронесшейся мимо него машины, отчего лишился баланса и на полной скорости, под крутым углом врезался в землю. Ошеломленный, Кэлиг тут же заставил турбины ранца вспыхнуть еще раз, дабы удалиться от новой угрозы, и пришел в себя уже на лету. Приземлившись вновь, на этот раз в полусотне метров от места падения, он развернулся, намереваясь наконец-то дать бой новому противнику.

Орочий поезд был поистине чудовищным. Один лишь локомотив, тянущий за собой остальной состав,

был куда больше любого из орочьих танков, которые встречались Гвардейцу Ворона ранее, и каждый из четырех следующих за ним вагонов был почти таким же громадным. Нижняя их часть, судя по всему, предназначалась для перевозки бойцов, а верхний ярус усеивали турели и ракетные установки — их было так много, что волей-неволей в голову приходили сравнения с утыканной острыми шипами шкурой опасного хищника.

Передвигаясь на гусеницах таких толстых, что его вагоны казались цельными слитками металла, поезд должен был быть не быстрее улитки, но благодаря непомерно мощному двигателю состав тащил себя по земле со всем рвением выползшего на охоту ящера. Пешие орки не смогли сдержать радостных воплей, когда их великое творение наконец-то вырвалось на свободу. Многие из них при этом и не подумали убраться с пути железного чудища, из-за чего превратились в кровавую кашу, как Ваанис до этого, но жестокое зрелище ничуть не утихомирило остальных зеленокожих, а напротив, лишь подлило масла в огонь безумного веселья.

Внезапное появление поезда застало врасплох двух пилотов эльдарских гравциклов, и хотя они попытались убраться с пути чудища, с тем же успехом они могли бы попытаться обогнуть движущийся горный кряж. Одержимость Сайм-Ханн скоростью превратила этих эльдар в горящие жертвоприношения, когда те врезались в локомотив, на самом верху которого, защищенный куполом, стоял массивный зеленокожий — единоличный творец всего этого разрушения, наслаждающийся плодами своих трудов.

— Гвардия Ворона! — закричал Кэлиг в свой вокс. — Убейте инженера!

Начав свое падение, сержант открыл и ротный канал.

— У орков есть поезд! — предупредил он, выпуская по куполу длинную очередь из своего болтера. — Мы на северо-востоке от Рекламации! Эльдар...

Кэлиг замолк, когда ему удалось разглядеть выражение на морде орка-механика. Крупный по меркам своей расы, он был вынужден сторбиться из-за непомерной тяжести в виде огромного, искрящего нагромождения катушек на спине — и все же, смотря на приближающихся к нему со всех сторон штурмовиков Гвардии Ворона, он лишь ухмылялся. Смеялся.

Болтерные снаряды не повредили купол. Более того, секундой позже, Кэлиг понял, что они даже не коснулись его. Весь поезд окружало странное, едва заметное сияние, а это значило, что болты останавливало силовое поле. Увы, Гвардеец Ворона осознал это слишком поздно.

Все орудия на поезде одновременно открыли огонь.

На штурмовых десантников обрушился свинцовый ливень. Безостановочный поток пуль без проблем раздробил керамику и превратил Гвардейцев в груды окровавленной плоти. Главное орудие поезда добавило и свой голос к какофонии выстрелов, а за ним последовали и все остальные пушки. Состав окружила буря из огня и шрапнели.

В конце концов, адское пламя утихло. Погас и ретинальный дисплей Кэлига. Из всех братьев сержанта, Хавран продержался дольше всех. Кэлиг во всех деталях разглядел его смерть — последний штурмовик рухнул с крыши поезда, лишившись обеих рук и левой ноги.

Сам сержант все еще цеплялся за жизнь, схватившись за нижние клыки уродливой пасти, закрепленной на лобовой части локомотива. Его силовые доспехи были полны пробоин, а из прыжкового ранца вытекал прометий. Если сейчас Кэлиг попытается взлететь, то лишь сожжет себя заживо. Кроме того,

пускай сержант и лишился ретинального дисплея, он знал, что страдает от серьезного внутреннего кровотечения. Так или иначе, у него еще достаточно сил, чтобы вырвать этот издевательский смех из глотки зеленокожего...

Чувствуя, как слабеет, Кэлиг покрепче схватился за железный клык, и подтянулся, чтобы добраться до зубов верхней челюсти. Обретя надежную опору, Гвардеец Ворона принялся разглядывать гладкий корпус локомотива, ища способ забраться еще выше...

Но тут челюсти левиафана распахнулись.

Руки Кэлига разжались и он рухнул вниз, грудью закрыв ствол орудия почти такого же громадного, как и то, что было установлено на замыкающем вагоне. Сержант отскочил в сторону в тот же миг, когда оно изрыгнуло из себя пламя.

Потомок Коракса избежал прямого попадания — но, к сожалению, это означало лишь то, что он проживет ровно столько, чтобы осознать, что с ним произошло. Урон, понесенный его телом, оказался таким, что оно словно забыло о таком понятии, как боль. Разум Кэлига окутала холодная пустота, а его тело, сделав частичную бочку, рухнуло наземь в нескольких десятках метров перед составом.

Сержант попытался подняться, но конечности отказались слушаться. На самом деле, он не мог даже моргнуть — и теперь ему, лежащему на спине, с головой, повернутой в сторону мчащегося левиафана, ничего не оставалось, кроме как наблюдать за его приближением. Пылающее рассветное небо закрыла громадная тень, вернув сержанта в объятия ночи, а затем наступил черед грохочущих гусениц.

В последние мгновения своей жизни, сержант все же вспомнил, что такое боль.

Берази прослушал последнюю передачу Кэлига, а затем, словно бы принесенные рассветом, далеко на горизонте возникли зеленокожие, что были остальной частью орочьей армии. Несколькими мгновениями ранее Гвардеец Ворона пребывал в тишине — сейчас же его уши подвергались атаке в виде какофонии из грубых боевых кличей и рокота двигателей.

— Как мы умудрились проворонить их приближение? — удивился брат Рамм.

Отделение «Берази» охраняло одну из немногих дорог Лепид. Она широким эллипсом окружала холм, на котором стояла Рекламация — около пяти километров разделяло северный и южный концы этой дороги, и в два раза больше — восточную и западную ее границы. На востоке, проложенный путь охватывал большую часть возделываемых земель колонии.

Сейчас Гвардейцы Ворона находились в полпути от перекрестка, где дорога уходила на юг, а другое ее ответвление вело к восточной окраине поселения. Местность здесь состояла из пологих холмов, но дальше к востоку пролегалась сеть глубоких оврагов. Это был наиболее вероятный маршрут орочьей армии — сержанта удивило лишь то, что орки появились именно сейчас.

— Они ждали сигнала. — сказал Берази. — Поезд и основная масса их армии достигнут Рекламации одновременно.

Стратегия эта была простой, но эффективной — очередное подтверждение того, насколько опасно было недооценивать орков.

По воксу раздался голос Креваана. Капитан не обращался к кому-то конкретному — на сей раз он требовал у всей роты информации касательно того, что случилось с Кэлигом.

— Мы потеряли с ним связь. — отозвался Берази. — Но я вижу орочье войско.

— Всем силам — перегруппироваться у позиции отделения «Берази»! — незамедлительно приказал капитан. Мгновением спустя он вновь подал голос.

— Вскоре я передам вам данные о местоположении эльдар.

— Они присоединятся к нам?

— Это было бы в их же интересах... — сухой комментарий капитана можно было интерпретировать несколькими способами, и Берази предположил, что Креваан подразумевал их все.

Переведя внимание на облака пыли и дыма, сопровождавшие приближение зеленокожих, Берази вновь обратился к Реззасзу.

— Орки доберутся к нам быстрее, чем придут подкрепления.

— Задержи их. — ответил Креваан. — Двум группам орков нельзя дать объединиться. У нас есть шансы разбить их поодиночке, но вместе они станут непобедимы.

Теневой капитан закончил свою передачу, и Берази повернулся к своим бойцам.

— Ну что же, покажем, как один-единственный отряд может остановить целую армию?

В нескольких сотнях метров от бойцов дорога пролегла между двух возвышенностей — самое подходящее на горловину место, какое только смогли отыскать поблизости Гвардейцы Ворона.

— И остановим мы их вон там. — указал Берази.

— Что, правда остановим? — произнес Рамм.

— Я не сказал, что насовсем. Но мы задержим их на достаточный срок.

Половина отделения без лишних предисловий принялась устанавливать имеющиеся у них мины. Другую часть взвода Берази повел вперед. Одной засады здесь явно будет недостаточно. На этот раз десанникам придется использовать любую возможность доставить зеленокожим лишние неудобства. Каждая выигранная ими секунда приблизит момент, когда остальные воины Восьмой смогут вступить в бой и нарушить планы дикарей.

Гвардейцы Ворона неслись к избранной позиции на своих двоих, не рискуя применять прыжковые ранцы. Незаметность в данных обстоятельствах была важнее скорости. Берази и Рамм бежали к западу от дороги, другие три бойца сопровождали их с восточной ее стороны. Сержант прикинул, что им удастся покрыть около километра перед тем, как они столкнутся с авангардом орочьего войска. Этого должно быть достаточно.

К северу холмы становились все более и более пологими, уступая место лишенной деревьев прерии. Даже трава там доходила лишь до середины голени. Равнину осветило дневное солнце — и если Берази игнорировал приближающуюся орду, а также сопровождающие ее звуки надвигающейся войны, он вполне мог погрузиться в идиллическую иллюзию мира.

Не считая Рекламации и ее окрестностей, Лепид являлся девственным миром. Проложенные здесь дороги, как и мост, явно были сотворены руками нелюдей, предшествуя колонизации мира имперцами. Нынешние обитатели планеты практически не пользовались ими — и за прошедшие тысячелетия эти

дороги обветшали, беря пример с уничтоженного города, на костях которого была возведена Рекламация. Хотя обочины дорог пали жертвой растительности, а места крутых поворотов были усеяны трещинами, по большей части дорожное покрытие оставалось гладким и ровным. Берази не знал, из какого материала оно изготовлено, но после всех прошедших событий он мог с высокой долей уверенности сделать некоторые предположения. Так или иначе, не считая дорог и города, этот мир оставался чистым листом. Садам, который ухаживал сам за собой, ожидая хозяев, которые могли бы найти ему применение.

Потомок Коракса знал, что Лепид был прекрасным миром — и все же, он не чувствовал этой красоты. Для него тот стал лишь очередной военной ареной. Нетронутые поля вскоре обратятся грязью, взрытой машинами для убийства, а пасторальные пейзажи не вызывали в Берази ничего, кроме раздражения, вызванного острым недостатком укрытий. Впрочем, раздражитель этот не был для него прямым противником. Открытая местность и яркое естественное освещение не могли убить все тени. Пока враг не был всеведущ, Гвардейцы Ворона все еще могли пользоваться призрачной походкой — а орков можно было назвать кем угодно, но не всеведущими.

Погруженный в размышления, сержант все же уловил момент, когда зеленокожие приблизились к космическим десантникам на расстояние менее километра. Гвардия Ворона не стала останавливаться, но теперь ее воины уходили в стороны от дороги. Орки же неслись прямо по ней, голодные до драки. Их ничуть не интересовало то, что происходило вокруг них — в особенности, что-то, что можно было заметить лишь самым краем глаза.

Один за другим, воины отделения «Берази» падали на землю, становясь лишь очередными тенями в траве, и нацеливали свои болтеры на дорогу. Сам сержант находился к противнику ближе всего, и лег наземь, когда до первых зеленокожих осталось едва ли больше сотни метров.

Первыми до Гвардейцев Ворона добрались орочки байки. Управлявшие ими зеленокожие, нагнувшись вперед в седлах железных скакунов и широко распахнув клыкастые пасти, гнали свои байки что есть мочи, упиваясь развиваемой ими скоростью и огрызаясь друг на друга в стремлении успеть на банкет, где главным блюдом было насилие.

Озверевшие ксеносы находились едва ли на расстоянии руки друг от друга, являя собой легкую мишень — и Берази, не колеблясь, открыл огонь. Метким выстрелом ему удалось снести череп лидирующего орка. Байк существа, разбрасывая во все стороны обломки и плюясь языками пламени, закувыркался по дороге, становясь препятствием на пути остальных ксеносов. Следующий за ним орк слишком сильно выкрутил руль мотоцикла и потерял управление, из-за чего мгновение спустя перевернул свой байк и вылетел из седла с такой силой, что после приземления оставил за собой многометровый след из обрывков кожи и луж крови. Вследствие этой аварии началась цепная реакция — издевательские завывания орков, наслаждающихся неудачей, постигшей их излишне ретивых товарищей, обернулись воплями боли, когда их собственные байки врезались друг в друга. С оглушительным скрежетом мотоциклы превратились в горящее нагромождение искореженного металлолома — и на какой-то миг наступление приостановилось.

Отставшие от авангарда мотоциклисты заметили, что случилось с их товарищами, и сумели замедлить свое продвижение, а затем и вовсе съехали с дорожного полотна. К сожалению, на сей раз у Гвардейцев Ворона не было ущелья, которое помогло бы им прикончить зеленокожих — и многие байкеры снова набрали скорость, миновав погребальный костер из техники своих братьев. Впрочем, кое-кто из них все же лишился управления из-за неровностей почвы. На поддерживаемой орками скорости это значило то, что еще не один байк взлетел в воздух, отправляя своего незадачливого хозяина в полет, и лишь

немногим из них удалось пережить приземление.

Продвижение орочьего войска начало захлебываться.

Предшествующей этому бою резни у переправы не пережил ни один зеленокожий. Основная масса орды не усвоила урок Гвардии Ворона. С мрачным удовлетворением Берази наблюдал за тем, как в самые первые моменты наступления повторились недавние события, но к несчастью, сейчас на стороне ксеносов было и еще большее численное превосходство, и наличие места для маневра. Их войско оказалось слишком крупным, чтобы его можно было остановить так просто.

Остальным байкерам удалось объехать стоявшее у них на пути препятствие, а за ними проследовали и багги. Отставшие от собратьев боевые вагоны и вовсе не озаботились лишними маневрами, просто пробившись через завал из сгоревших байков и сметая закоптившийся лом на обочины. По освободившемуся полотну за ними, замыкая процессию, бежали пешие воины, которым не досталось места на броне.

К югу от позиции Берази, своих жизней лишились еще несколько байкеров — а потом брат Рамм прикончил и водителя одного из багги. Машина орка неконтролируемо завихляла. Впрочем, вместо того, чтобы занять место погибшего и вернуть ей управление, стрелок просто открыл огонь, даже не зная, куда ему целиться — и в итоге его пули не просто ушли в молоко, а по большей части остались в зеленой плоти товарищей. Решив преподать обезумевшему пулеметчику урок, один из танков выпустил в его багги снаряд, не давая тому и шанса разбиться самостоятельно. К сожалению для орков, за одним лишившимся управления багги последовали и другие, когда и их водители отправились на тот свет. За этим неминуемо последовали новые аварии, и неразбериха усугублялась с каждой прошедшей секундой — хотя с момента первого выстрела не прошло и минуты.

Берази поднялся с земли и побежал на юг, параллельно наступающим оркам. Опасаться ему было нечего — зеленокожие не уделяли ни малейшего внимания тому, что происходило по сторонам. Все их мысли устремлялись к огню и побоищу, что ждало их впереди. Орда замедлилась, тесно сгрудилась, а потом начала растекаться по равнине. Дикари грозили наткнуться на позиции Гвардии Ворона, даже не зная, что десантники стояли у них на пути. Сержант отступил подальше в пустоши — ему хотелось совершить еще несколько стратегически важных убийств, но он не намеревался завязнуть в зеленом болоте, выжить в котором будет крайне проблематично.

Сейчас он находился на одной линии с одним из вражеских танков. Орочье творение было оснащено двумя орудийными башнями — меньшую из них ксеносы водрузили на более крупную турель, но обе они сохраняли возможность вращаться независимо друг от друга. Наводчики ехали, распахнув люки, и представляли из себя идеальную мишень. Сержанту представилась отличная возможность нанести очередной удар.

Берази бросил взгляд в сторону завала из разбитых байков — и убедился, что он перестал быть помехой для орков. Вскоре они доберутся до горловины, до которой оставалось всего лишь несколько сотен метров.

— Брат Геара, дождись первого танка. Все остальные — присоединяйтесь к атаке, когда она начнется. Разрешаю использовать прыжковые ранцы. — произнес сержант, оборачиваясь в сторону выбранного им вагона.

«А пока что, все мое внимание принадлежит тебе...» — подумал он.

Сержант, не сбавляя шага, открыл огонь. Когда орки, бежавшие за танком, повернулись в его сторону, он задействовал свой собственный ранец, чтобы запрыгнуть на боевой вагон, и приземлился на его верхней оружейной турели. Зеленокожий наводчик попытался выскочить из открытого люка, но ему не удалось миновать силовых когтей Берази, пронзивших орку глотку. Сержант поднял захлебывающегося собственной кровью ксеноса одной рукой, и швырнул того на землю, где ксеноса затоптали его собственные товарищи. Гвардеец Ворона швырнул во внутренности танка пару гранат, и взмыл в небеса, дав волю турбинам ранца.

Танк далеко внизу остановился, когда в его железных кишках прогремело два приглушенных взрыва, но оба его орудия каким-то образом сумели повернуться в сторону Берази. Из люков танка валил дым, но зеленокожие все равно намеревались открыть огонь. Прогремел залп орудий — и два снаряда с воем пронесли мимо сержанта в ту же секунду, когда вагон наконец-то испустил дух.

Берази опустился на землю возле подмеченной им ранее горловины. Первый танк, что добрался до нее, уже успел лишиться гусениц, став жертвой мин, установленных Гвардейцами Ворона перед началом боя. Тем не менее, водитель все еще понукал свой танк двигаться, и тот действительно, пусть и с неохотой, полз вперед, высекая искры из дорожного покрытия своими металлическими колесами. Двум сопровождавшим его багги повезло меньше — их перевернутые, горящие остовы валялись неподалеку. Впрочем, это зрелище не отпугнуло орочьих пехотинцев, что бежали к проходу между двумя холмами.

Геара и Паазур стояли на крыше боевого вагона, отбиваясь сразу от доброй дюжины зеленокожих. Берази открыл огонь по ксеносам, стремившимся присоединиться к схватке на броне. Через некоторое время, к нему присоединились четверо других десантников — и вместе они выиграли для Паазура достаточно времени, чтобы тот сумел открыть люк танка, направить туда свой огнемет, и выжечь все, что находилось под его железной шкурой.

Вагон наконец-то сдался и стал не более чем безжизненной грудой металла, намертво вставшей посреди дороги. Отделение «Берази», тем временем, продолжало вести огонь, и вокруг десантников росли груды трупов. Как и всегда, это лишь раззадорило орков — они неслись в бой с удвоенной силой.

Брат Геара уже отступил на безопасную дистанцию, но прежде чем Паазур успел присоединиться к товарищу, из толпы к нему выскочило два орка, куда более быстрых и ловких, чем должна была допускать вся навешанная на них броня. Они набросились на Паазура одновременно, с двух направлений, и повергли его на колени оглушительными ударами цепного топора и силовой клешни.

Ксенос с топором вонзил свое оружие в горжет поверженного Ворона и не прекращал пилить до тех пор, пока голова Паазура не свесилась с его левого плеча. Другой орк, заметив, что рискует остаться без заслуженного убийства, ударил силовой клешней по спине десантника — но удар этот был нанесен в спешке и задел топливные канистры огнемета. Завывая от дикой боли, облитые горящим прометием чужаки спрыгнули с танка, делясь своими мучениями с ордой внизу.

По обе стороны от горловины нарастала зеленая волна. К Гвардейцам Ворона приближалось еще два танка. Десантники, быть может, и создали своего рода дамбу, но Берази понимал, что вскоре она будет прорвана.

«Сколько еще нам нужно удерживать зеленокожих? Бой длился уже несколько минут, и вскорости он так или иначе закончится.»

Отделение перегруппировалось, выстроившись в одну шеренгу поперек дороги. Они шагали спиной вперед, удаляясь от выжженного остова боевого вагона, и безостановочно поливали огнем болтеров

зеленую орду. Каждую секунду погибали десятки орков — но им на смену приходили сотни новых. Ответный огонь становился все более дисциплинированным, точным, смертоносным.

— Братья! — задействовал свой вокс Беразы. — Я надеюсь, что вы близко. Мы задерживали врага так долго, как только могли.

— Мы уже почти с вами. — ответил сержант Клиджуун.

— Я вижу их. — заметил Геара.

Беразы, услышав ответ товарища, рискнул оглянуться — и это действие было вознаграждено зрелищем в виде росчерков пламени, знаменующих прибытие еще семи штурмовых отделений.

Увы, в тот же миг, как сержант вновь обрел надежду, он услышал и ужасный грохот, который мог означать только одно — прибытие орочьего состава. Безостановочно грохочущее, тяжелое настолько, что дрожь земли за несколько километров предвещала его появление, это воплощение орочьей жажды скорости и силы возникло далеко на востоке.

«Слишком рано... Слишком быстро...» — подумал ошеломленный Беразы.

По равнине разнесся гулкий рев. Насилие обрело голос — и было очевидно, что оно ликовало.

Пятая глава

Автарх и Алатаннас добрались до поля, граничащего с лагерем Гвардии Ворона, всего через несколько минут после возвращения туда Креваана. Двое эльдар направили свои гравциклы к «Когтю Освобождения», собиравшемуся взлетать. Теневой капитан уже находился на борту «Громового ястреба» вместе со своим отделением — но, заметив приближающихся чужаков, он приказал Радосту, пилоту судна, подождать. Открыв боковой люк, Ресзасз спрыгнул на землю и подошел к паре чужаков.

— Вы знаете о поезде. — без предисловий произнес Алатаннас.

— Он уже уничтожил десяток моих бойцов.

— И множество наших. Автарх Элейра считает, что нам стоит скоординировать наши усилия. Мы не можем одолеть орков в открытом бою.

Признаться кому-то, кроме своих боевых братьев, в том, что за орками оставалось преимущество как по части техники, так и в численности, шло наперекор инстинктам гордого капитана. Тем не менее, отрицание правды, стоявшей за словами следопыта, и вовсе граничило с безумием. Сейчас было не время играть на публику, и у Креваана никогда не хватало терпения для командиров, неспособных признать объективную реальность.

— Я согласен. — сказал Теневой капитан, глядя прямо в глаза Элейре.

Та ответила ему чопорным кивком.

— Если поезд сможет добраться до основной армии орков... — начал было следопыт, но Креваан не дал ему договорить.

— Мы в курсе того, что произойдет в этом случае. Мои воины прямо сейчас сражаются, чтобы не дать им объединиться.

Элейра сказала что-то рейнджеру, и Алатаннас перевел ее слова для капитана.

— Со всем уважением, грубой силы здесь может оказаться недостаточно.

Креваан знал, что автарх была права.

— И что же вы предлагаете?

— Мы должны заставить орков разделиться по собственной инициативе.

— Я одобряю эту идею, но вам придется предложить им что-то очень заманчивое, чтобы она сработала.

— Автарх хочет сказать, что мы предложим им себя. Все эльдар на этой планете отправятся в бой, отвлекая основную массу орды на себя, пока орки не пригнали к товарищам свой состав.

Креваан был поражен дерзостью и самоотверженностью этого решения. Жертва, которую были готовы принести эльдар во имя победы, была поистине велика — впрочем, как напомнил себе капитан, это значило лишь то, что в городе должно было находиться что-то, что было важнее жизни каждого ксеноса на этой планете.

Для Креваана эта беседа являлась словесной дуэлью. И он, и эльдар пользовались завесой из слов, чтобы получить преимущество над противником. Каждое произнесенное сейчас слово было правдой — и все же не относилось к делу. Эльдар нужно было уничтожить орков, дабы те не могли помешать им добраться до своей настоящей цели. Креваан же прибыл на Лепид, чтобы очистить его от зеленокожей заразы, но главной целью имперцев оставалось выманить Изверга из своего укрытия — а это означало, что Гвардейцу Ворона сперва необходимо раскрыть истинные намерения эльдар.

— Этот смелый план делает вам большую честь. — произнес в конце концов капитан. Его слова тоже не были ложью, пускай мотивы чужаков и оставались для него крайне сомнительными. — Вы уже придумали, как вам пережить погоню, которая начнется, если ваша затея увенчается успехом?

— Скорость всегда была нашим оружием. Если орки изберут своей целью охоту за нами, вместо осады города, мы обретем большую свободу действий. — заявил Алатаннас.

Креваан представил себе карту местности вокруг города, а затем, поразмыслив, снова обратил свой взор на эльдар.

— К востоку отсюда находится сеть оврагов. Если вам удастся заманить зеленокожих туда, это серьезно скажется на их мобильности.

Алатаннас перевел слова Ворона своему автарху, на что та снова ответила вежливым кивком.

— Мы благодарим вас за эту информацию. — произнес следопыт. — Что же до вас? Вы атакуете поезд?

— Да. Ему не удастся добраться до города.

— В таком случае, мы желаем вам победы.

Произнесенные следопытом слова показались Креваану искренними. Ему трудно было понять, что за трюк скрывался за ними — и капитан внезапно задумался, полностью ли автарх доверяет своему подчиненному. Из-за того, что за нее говорил следопыт, саму Элейру становилось еще труднее прочитать. Тем не менее, автарх, не скрывшая свое лицо за шлемом, взирала на капитана с ясным взором, а выражение на ее лице говорило об уважении, которое мог оказывать только один ветеран

другому. Когда она наконец-то заговорила сама, стало очевидно, что ей непривычно говорить на готике — впрочем, ошибок при этом она не допустила.

— Альянс с вами — большая честь.

— То же самое можно сказать и о вас. — ответил капитан.

Креваан ожидал, что непроизвольно заскрипит зубами после этих слов — однако они словно сами собой сорвались с его языка. Они были истиной — неоспоримой, и не скрывавшей за собой никаких хитростей. Сайм-Ханн действительно являлись отважными и свирепыми воинами — Ресзасз знал это, потому что уже встречался с ними в бою. Впрочем, какими бы умелыми ни были эльдар, сейчас они вновь собирались прыгнуть выше головы. Орки, напавшие на этот мир, были сильнее и многочисленней, чем могли предположить себе его защитники, и план Элейры граничил с мученичеством.

Закончив свои дела с Кревааном, эльдар покинули расположение Гвардии Ворона. Огни их гравициклов были единственным, что нарушало идиллическую картину этого рая. Капитан взобрался обратно на борт «Когтя Освобождения», выглянув в смотровую щель, когда тот поднялся в воздух. Взгляд десантника был направлен на удаляющуюся от его лагеря двойку, присоединившуюся к потоку глайдеров, излившемуся из Рекламации, дабы перегруппироваться с патрулями своих сородичей и дать бой зеленокожим.

Ресзасз по достоинству оценил искусность маневров эльдар. Откуда бы не пришел смертельный удар — из теней или же из сердца бури, — орки не увидят его, пока не окажется слишком поздно... Впрочем, эльдар тоже не заметят клинка капитана, пока тот не вонзится в их плоть.

Креваан вновь задумался о мелта-бомбах, установленных на скиммерах и ждущих его команды, а затем перевел взгляд на Тэйна, находившегося напротив него.

Лицо технодесантника не выражало совершенно ничего — что, впрочем, не удивляло капитана, учитывая, сколь многое в Тэйне было заменено аугметикой. Глазами специалисту служила пара черных линз, губы его уже давно сменила решетка респиратора, вторящая личине боевого шлема, а благодаря искусственной гортани Тэйн мог говорить лишь ровным монотонным голосом. Впрочем, Креваан по одному лишь наклону головы своего подчиненного понял, о чем тот думает.

«Он видит, что я сомневаюсь...» — подумал он про себя.

— Каковы намерения эльдар? — наконец-то подал голос Тэйн.

— Они собрались принять участие в героическом и, вероятно, своем последнем бою.

— Значит, их план ничуть не отличается от нашего.

«Неужели у Тэйна есть чувство юмора?»

Креваан уже несколько раз задавался этим вопросом в прошлом, но до сих пор ему не удалось разгадать эту тайну, поэтому он решил ответить на комментарий технодесантника, не пытаясь отыскать в нем какого-то подтекста.

— И то правда...

У Гвардии Ворона так и не появилось никакой действительно стоящей информации о чудовищном творении орков, но прерванная вокс-передача сержанта Кэлига кое-о-чем, да говорила. Уничтожение

целого отделения из десяти человек за несколько секунд означало то, что остальная часть Восьмой роты столкнется с противником, по крайней мере, настолько же опасным, что и вся остальная орочья армия.

— Разрешите вопрос, Теневой капитан?

— Разумеется, брат.

— Вы не считаете, что в наших суждениях касательно эльдар кроется ошибка?

Тэйн озвучил собственные мысли капитана, и это лишь придало сомнениям Креваана силы.

— Мы мудро поступили, подготовившись к худшему исходу. — сказал он, прекрасно понимая, что технодесантник спросил его не об этом. Впрочем, Тэйн не стал жаловаться — да и вообще никак не отреагировал на уклончивый ответ капитана, пока тот изучал свои собственные мысли.

Реззасз не доверял эльдар. Никому не следовало так поступать. Когда орки будут сокрушены, изворотливым ксеносам придется покинуть Лепид, пока не настал и их черед погибнуть. Империиум не будет терпеть присутствие чужацкой заразы на одном из своих миров... Впрочем, Креваан понимал, что действует, исходя из предположения, что два их вида могут только враждовать.

«Зачем я решил установить бомбы?» — спросил капитан сам у себя.

«Потому что у эльдар есть скрытые от меня цели.»

«Откуда я знаю, что цели эти навредят Империиуму?»

«Если их выполнение идет на пользу ксеносам, то Империиум страдает по определению...»

Креваан ничуть не удовлетворился плодами своих размышлений. Повторенная им истина была универсальным принципом, поминаемым так часто, что он, можно сказать, стал фоновым излучением — но она не выражала собственного мнения капитана.

Капитан заглянул вглубь себя. Знать, откуда именно исходят отдаваемые им приказы, было его долгом, как командира. Это знание было, по меньшей мере, таким же важным, как и понимание мотивов врага, и поэтому Креваан вернулся в прошлое, в то время, что он провел на службе Караулу Смерти. Миссия за миссией, одно десятилетие за другим... Все эти годы он отдал делу истребления ксеносов, и размышлять о жестокой кончине эльдар для него было так же естественно, как дышать.

«Но что же до чести? Честь тоже важна.»

«Что, если эльдар действительно действуют из добрых побуждений?»

Креваан имел серьезные подозрения на этот счет — и все же это было вероятно. Он не мог просто так отрицать то, на что сейчас шло все их войско...

В конце концов, Теневой капитан поднял взгляд на Тэйна.

— Брат-технодесантник... Ранее ты спрашивал о том, возможно ли то, что нам не придется использовать установленную взрывчатку.

— И вы решили, что такое возможно, капитан?

Креваан кивнул.

— Мы дадим эльдар шанс. Если они будут действовать с честью и достоинством, то я позволю им покинуть планету без вреда для себя.

Тэйн выглянул в смотровую щель со своей стороны.

— Я вижу армию зеленокожих. Может статься и так, что предоставленный вами шанс чужакам и не понадобится.

— Нам же будет лучше, если они постараются дожить до того момента, когда смогут им воспользоваться... — ответил Креваан.

Из динамиков «Ястреба» донесся голос Радоста.

— Орочий поезд в зоне видимости!

Креваан поднялся со своего места, открыл переднюю дверь отсека, и забрался в кабину. Там, через фюзеляж «Ястреба», он узрел полную противоположность всему, во что верила Гвардия Ворона — он узрел чудовищного змея и горную гряду, механизм, который был самым выражением жестокой грубой силы.

Поезд с грохотом тащил свою тушу по равнине, оставляя за собой длинную борозду взрытой почвы. Прямо сейчас он находился к югу от скалистого, изрытого оврагами участка местности, а в нескольких километрах к северо-западу, остальные зеленокожие бились с большей частью Восьмой роты, к которой вот-вот должно было присоединиться звено эльдарских скиммеров.

— Всем отделениям — оставьте орков на милость эльдар и двигайтесь к поезду.

— И как же, по-вашему, мы должны убить эту мерзость? — поинтересовался Радост.

— Так же, как убиваем все остальное. — ответил Креваан. — С помощью теней и знаний, брат. Теней и знаний.

Космические десантники покинули поле боя в ту же секунду, как на поле боя объявились воины Сайм-Ханн. Прыжковые ранцы унесли их прямо в небеса, и Алатаннасу показалось, что это действительно больше походило на взлет стаи огромных черных птиц. Грубые темные силуэты, оставляющие на небе пылающие раны, Гвардейцы Ворона в очередной раз подтверждали тот факт, что человечество воевало безо всякого изящества... И все же, в их действиях проскальзывала и холодная, безжалостная точность, игнорировать которую было смерти подобно.

Орки наконец-то осознали всю полноту угрозы, исходившую от Гвардии Ворона. Их армии приходилось пробираться через груды из сотен мертвецов, перемежавшиеся подбитыми байками и багги — практически вся техника при этом находилась на дороге, сильно мешая продвижению зеленокожих. Дикае ксеносы попробовали было взобраться на склоны холмов, между которых пролегла эта дорога, но лишь понесли из-за этого еще большие потери.

Жатва Гвардии Ворона нарушила сплоченность орочьей армии. Та все еще двигалась вперед, но охватившее ее замешательство серьезно замедляло зеленокожих — ксеносам никак не удавалось найти центр вражеской армии, на котором они могли бы сосредоточить свои усилия, тогда как воины-одиночки и малочисленные группы бойцов изматывали их постоянными атаками со всех сторон.

Впрочем, дикарям тоже удалось пустить врагу кровь. Алатаннас заметил на холмах и на дорожном полотне несколько громадных силуэтов, которые могли принадлежать только космическим десантникам.

Их доспехи были расколоты вследствие множественных попаданий крупнокалиберных пуль и детонаций грубой орочьей взрывчатки — но зеленокожим этого было мало, и они продолжали рубить тела Гвардейцев Ворона, даже когда те уже давно были мертвы.

Зеленая волна всколыхнулась от охватившего ее триумфального экстаза, когда противник обратился в бегство, и одновременно с этим взревела от ярости, когда до нее дошло, что добыча ускользнула. Орки отправили вдогонку Воронам целую бурю свинца. Никто из них не отрывал взгляд от небес — ксеносы, все до единого, так сосредоточились на убийстве черных великанов, что никому из них не пришло в голову проследить за тем, что происходило на земле.

«Они не видят нас», — подумал Алатаннас, несшийся прямо позади автарха. Под личиной шлема, его лицо расчертила широкая улыбка — первая за все прошедшие дни.

Воинство Сайм-Ханн вонзилось в ряды зеленокожих острым клином. Ведомые Элейрой, эльдар все как один открыли огонь из сюрикеновых катапулт, отправляя в орду шквал из мономолекулярных дисков, что в одно мгновение выпотрошили и расчленили множество дикарей, с легкостью справляясь с орочьей плотью и крепкими костями. Они ослепляли, они вскрывали глотки, и даже разрубали оружие прямо в грубых руках владельцев — некоторые из тех, кому повезло выжить, обнаружили, что, не успев и глазом моргнуть, лишились самого дорогого своему сердцу. Другие же орки решили рискнуть и все-таки воспользоваться поврежденным оружием, из-за чего тут же лишились рук, а в некоторых случаях — и жизнью, когда примитивные стрелялы взрывались, не вынеся такого обращения.

Гравициклы врезались глубоко в ряды зеленого воинства, но в конце концов Элейра приказала своим товарищам повернуть, и звено скиммеров вылетело из гущи орочьей орды, повернув к югу. Автарх замешкалась на мгновение при виде первого оврага. Алатаннас же бросил взгляд за спину. Орки наконец-то оставили свои мечты о мести Гвардии Ворона, и перенаправили свой гнев на эльдар. Беспорядочная стрельба с их стороны была лишена всякого намека на точность, и в то же время это в какой-то мере компенсировала плотность свинцовой завесы — вокруг эльдар в землю тут и там врезались крупнокалиберные пули, а одна из них даже чиркнула по корпусу гравицикла следопыта. Впрочем, орки не начали погоню — пускай они и отвлеклись от Астартес, они все же не оставили своей первоначальной затеи и продолжили двигаться в сторону города.

Города, где скрывался дар, способный сделать их непобедимыми.

Элейра повернулась к Пассавану.

— Эта стратегия сработает... Уж не знаю, к добру или худу. — произнес провидец, увидевший, что на него обратила внимание воительница.

— Без разницы. — огрызнулась Элейра, после чего развернула свое звено и вновь нацелила это багровое копьё в сердце орочьего войска.

Им ни за что было не пронзить его. Алатаннас прекрасно осознавал положение, в котором они оказались. Слишком уж стойкой была орочья орда, слишком много тварей входило в ее число... И все же, всем своим нутром следопыт чувствовал удовлетворение от того, что ему наконец-то удалось пустить чужакам кровь. Отступление у моста было чистой воды унижением, и теперь оркам предстояло узнать цену нанесенному ими оскорблению.

Рейнджер вновь не смог сдержать улыбки, когда байки врезались в строй орков во второй раз. Трепет от набранной им скорости ощущался еще сильнее внутри зеленой волны — тут и там его окружали

обрывочные образы орочьих рыл. Орки ревели от ярости, бешено рычали, и одновременно с этим истекали кровью и умирали. В глазах Алатаннаса орочье войско представало размытым пятном, и его внимание задерживалось лишь на кулаках, сжимавших клинки и стрелялы, что медленно поворачивались в его сторону. Настолько медленно, что они казались застывшими во времени.

Неуклюжесть орков была иллюзией. Смертельно опасной иллюзией, потворствующей безрассудству, что неминуемо вело к катастрофе. Элейра знала это, и поэтому вывела эскадрон налетчиков из толпы дикарей до того, как тем удалось бы задержать продвижение эльдар — но Алатаннас все равно услышал душераздирающий хруст, за которым последовал ноющий звук распадающейся психокости и вопль наездника, которому не повезло выжить после столкновения, вместо этого став жертвой обезумевших зеленокожих.

Боевой вагон пронесся мимо остова своего уничтоженного собрата, ведя огонь из всех орудий. Над головой Алатаннаса воздух расчертил огненный след от крупнокалиберного снаряда. Тот попал в один из гравициклов позади следопыта, и последовавший за этим взрыв стер с лица земли как сам скиммер с его пилотом, так и всех орков в непосредственной близости от него. На эльдар и зеленокожих обрушился дождь из комков грязи, обломков и кусков плоти.

Замыкающей в звене эльдар была последняя уцелевшая «Гадюка», чей стрелок, девушка по имени Селандрия, нацелила на орочий танк свое копьё света. Ударивший из него луч энергии опалил грубую броню вагона, без проблем прорезал более тонкие пластины ставней амбразур и разрубил орочьих стрелков пополам.

Главное орудие тут же развернулось в сторону «Гадюки», но Селандрия вовремя отреагировала на эту угрозу, так что когда орочий наводчик открыл огонь, снаряд разорвался прямо в поврежденном подконтрольного ему орудия. Селандрия дернулась в своем седле, когда в ее доспехи вонзились осколки металла, зато теперь у боевого вагона не осталось никакого оружия, кроме его собственной массы. Впрочем, маниакальная ярость его водителя была ощутима даже сквозь толстую броню — и когда «Гадюка» оставила танк позади, тот погнался за ней, отделившись от основной массы орочьей армии и направившись прямо в пустоши, вслед за быстрыми эльдар.

Другие водители орочьей техники, увидев это, последовали примеру своего товарища. Большая часть байков и багги, сопровождавших передние эшелоны орды, были уничтожены в ходе засады, устроенной Гвардейцами Ворона, но другая волна техники служила прикрытием для танков в арьергарде и теперь была вольна поступать, как ей вздумается, после того, как ей удалось миновать горловину.

Воздух заполнили клубы иссиня-черного дыма, когда водители погнались за воинами Сайм-Ханн, наплевав на любое подобие имевшегося у них здравого смысла. Их совершенно не заботило, что гравициклы эльдар не боялись пересеченной местности, и некоторые орки уже поплатились за свою беспечность, на полном ходу наехав на торчащие из земли камни и перевернув своих железных скакунов.

Тем не менее, байкеров не остановило жестокое зрелище — да и водители багги едва ли отставали от них, осыпая эльдарское звено градом пуль, который в конце концов начал брать свое. Еще двое эльдар лишились жизней, и в то же время узкий участок миновали последние зеленокожие, благодаря чему в бой вступило еще больше примитивной техники, в том числе и два боевых вагона, не говоря уж обо всей сопровождавшей их пехоте.

Орки заглотили наживку.

Наездники эльдар мчались в сторону оврагов, разбив свое построение, чтобы перестать быть одной большой мишенью для орков, а затем они небольшими группками по несколько гравициклов исчезли в каждом из буераков, увлекая за собой зеленокожих. Зеленая волна, в которой имелось достаточное число воинов для погони за каждым из эльдар, с готовностью излилась в лабиринт из узких ложбин и высоких утесов.

Дуэль началась.

Шестая глава

«Коготь Освобождения» атаковал орочий состав с бреющего полета, давая Креваану возможность рассмотреть бронированное чудовище во всех деталях. Локомотив и четыре следовавших за ним вагонов действительно вызвали в его голове мысли о механическом существе, наделенном собственным разумом. Они напоминали ему о змеях, гаргульях и осадных таранах, а грубая, ощерившаяся морда, закрепленная на носу локомотива, как подозревал сам капитан, была продуктом того, что у зеленокожих считалось поклонением. Этот левиафан был создан в качестве подношения их богу, и оказался настолько могучим, что и сам, в каком-то смысле, граничил с чем-то божественным.

«Громовой ястреб» обрушил на локомотив целый шквал огня — главное орудие, сдвоенные тяжелые болтеры, лазерные пушки и ракеты «Адский удар» все внесли свой вклад в огненную бурю, поглотившую локомотив. Поезд, однако, даже не замедлился. Он проехал прямо сквозь огонь взрывов, и капитану на миг показалось, что железное рыло издевательски ощерилось в ответ на такую жалкую атаку. Креваан заметил, что Радосту удалось поцарапать верхние бронеплиты вагонов, но этим и ограничились все полученные составом повреждения, хотя он должен был, как минимум, уничтожить купол позади главного орудия тягача и превратить единственного его обитателя в пепел.

Вместо этого, зеленокожий инженер, казалось, помахал Гвардейцам Ворона рукой, как будто его лишь развеселила их тщетная попытка причинить ему вред — а затем он нанес ответный удар.

Огромное главное орудие ожило и повернулось в сторону десантного корабля, однако было слишком медленным, и Радосту с легкостью удалось уйти с линии огня. Впрочем, другие пушки, меньшего калибра, оказались куда более проворными, и по всей длине поезда расцвели вспышки выстрелов. Количество разнородных стрелял на нем было избыточным даже для орков — казалось, будто орочьего инженера, вдохновленного на создание своего шедевра, в конце концов все-таки одолело безумие.

Пушки, размывавшие границы между стабберами и крупнокалиберными орудиями, торчали через каждые несколько метров как на боках вагонов и тянущего их за собой локомотива, так и на их крышах, а то, что огонь из них велся одновременно, означало то, что инженер контролировал все орудия самостоятельно. Впрочем, не только он хотел потягаться с Гвардией Ворона — по бокам вагонов тут же распахнулись амбразуры, через которые открыли огонь орочьи стрелки.

Радост резко задрал нос своего «Ястреба», когда по броне судна забарабанили пули. Нескольким из них удалось даже пробить его обшивку, но пока что урон оставался минимальным. Главное орудие состава наконец-то выстрелило. Выстрел этот ушел в молоко, но калибр выпущенного снаряда ошеломил наблюдавшего за происходящим Креваана. Боеголовка унеслась в небеса, и капитану не удалось уловить момент ее приземления. Он понял, что зеленокожие уже давно могли начать бомбить Рекламацию, если бы захотели. К счастью, оркам хотелось заполнить город невредимым так же сильно, как и эльдар.

«Всем им придется уйти ни с чем.»

— Теневой капитан! — сообщил по воксу Зобак. — Мы готовы попытаться приземлиться на состав.

— Где вы?

— Приближаемся к заднему вагону.

Радост развернул свое судно, и вновь начал спускаться к поезду. Всех подконтрольных капитану воинов держал на расстоянии подавляющий огонь орков, и все же отделение Зобака неумолимо приближалось к своей цели.

— Мы отвлечем их на себя. — передал Креваан.

Радост кивнул капитану, услышав его слова и ускорил полет «Когтя», намереваясь обогнать штурмовое отделение. Его судно на полной скорости пронеслось прямо над поездом, увлекая за собой каждое орудие состава. Действительно впечатляющим оказался тот факт, какими широкими были доступные орочьему механику углы обстрела. Он мог поразить все, что бы ни попало ему на глаза — и он знал это. «Коготь Освобождения» пролетел достаточно близко к прозрачному куполу, чтобы Креваан мог заметить на морде орка широкую и полную самодовольства улыбку.

Орудия поезда нацелились на «Громовой ястреб» и какофония их выстрелов вновь сотрясла землю. Десантному кораблю снова предстояла проверка на прочность, но на сей раз до уха капитана донесся грохот и треск поврежденных внутренних механизмов судна. Резсасз заметил, что «Ястреб» начал ощутимо хуже отзываться на команды Радоста, и хотя пилот нанес поезду ответный удар, орочья машина снова осталась совершенно невредимой.

«Коготь» взмыл в небеса, удаляясь от поезда. Креваану ничего не оставалось, кроме как посмотреть вниз, чтобы узнать, удалось ли двум сынам Коракса выиграть достаточно времени для осуществления дерзкого замысла Зобака.

Им не удалось...

Теневой капитан стал свидетелем очередной бойни. Как выяснилось слишком поздно, орудия поезда не были неразрывно связаны друг с другом и оказались вполне способны выбирать свои собственные цели. Пока вооружение, установленное на локомотиве, пыталось поразить «Громовой ястреб», орудия на вагонах отбили нападение десантников Зобака. Ужасная метель из свинца смела все его отделение — из десяти воинов лишь одному удалось приземлиться на крышу вагона.

— Лети к нему. — приказал капитан.

Пилот сохранял прежнюю высоту, пока не поравнялся с задним вагоном, и лишь затем рискнул пойти на снижение. Креваан вызвал Зобака по воксу — и тот хрипло каркнул в ответ. Это он был тем, кто сейчас стоял на крыше вагона. Пока корабль Радоста приближался к поезду, капитан выкрутил увеличение изображения у линз своего шлема, и присмотрелся к сержанту.

Зобак сгорбился, его броня была пробита в дюжине мест — и все же он, после небольшой паузы, сделал один тяжелый шаг.

Вслед за этим, на крыше вагона открылся люк, откуда немедленно выскочил зеленокожий, сжимавший в руке здоровенный тесак. Зобак не двинулся с места, наблюдая за тем, как орк вздымает свое оружие над головой обеими руками, и лишь в самый последний момент одним молниеносным движением вонзил лезвия своей перчатки прямо в мозг чужака. Орк безвольно осел на длинных когтях Гвардейца Ворона,

потянув за собой десантника и едва не заставив того рухнуть на колени. В конце концов, Зобак выдернул грозовые когти из трупа и отшатнулся назад, но устоял на ногах.

Сержант сделал еще один шаг вперед...

Из люка вылезли еще два орка, вооруженные тяжелыми дробовиками. Увидев космического десантника, они незамедлительно открыли огонь — и судя по тому, какой эффект выстрелы произвели на и без того потрепанного Зобака, заряжены их ружья были жаканом. Сержант непроизвольно содрогался после каждого попадания, но орки лишь перезаряжали свои ружья и продолжали стрелять.

Креваан, не отрывая глаз, следил за тем, как его сержанта расстреливали тяжелыми пулями, и картина эта становилась лишь более отчетливой и душераздирающей по мере того, как «Громовой ястреб» приближался к крыше поезда в отчаянном пике.

«Это бесполезно...» — подумал капитан. О чем он думал? Неужели он надеялся, что сможет помочь Зобаку? Что бы произошло, подберись «Коготь Освобождения» к поезду?

Резсасз вернул изображение на линзах шлема в норму и повернулся к Радосту.

— Поднимайся.

Этот приказ, судя по всему, не стал для пилота неожиданностью — он отреагировал так, словно и сам собирался скорректировать курс судна. Тем временем, все уменьшавшийся силуэт Зобака беззвучно отделился от поезда и исчез под гусеницами его вагонов.

— И все же, нам необходимо приземлиться на него, так ведь? — спросил Радост у капитана.

— Нашего вооружения недостаточно, чтобы преодолеть силовое поле поезда. — с утвердительным кивком ответил Креваан.

— Как у орков вообще получилось создать что-то настолько могучее?

— Поезд таков по той же причине, что делает местных орков преувеличенными пародиями на самих себя. На этой планете есть что-то, брат, что сподвигает орков на отвратительно впечатляющие свершения...

«И эльдар знают, что это.» — подумал капитан, осознавая в тот же миг, что ему ни к чему пытаться выведать у Алатаннаса природу хранимой чужаками тайны. Она была чем-то действительно важным для их вида, и поэтому разузнать о ней придется другими способами.

«Громовой ястреб» в данный момент летел на запад, следуя за продвижением поезда. Креваан обратил внимание на север, и с высоты птичьего полета ему показалось, что эльдар-таки удалось заманить орков в узкие ущелья. Обе армии чужаков пропали из виду — и только теперь Резсасз понял, что невидимость может предоставить воинам Сайм-Ханн опасные возможности.

Капитан открыл канал связи с Берази.

— Брат-сержант... — начал он. — У меня для тебя есть задача, которая, скорее всего, тебе не понравится.

— Я приветствую свой долг, в чем бы он ни заключался, Теневой капитан. — ответил сержант.

— Ты умело пользовался тенями в прошлом сражении, и оправдал мою веру в тебя. Сейчас же я прошу тебя выступить в роли наблюдателя.

— Что это значит?

— Проследи за ходом кампании эльдар.

— Мы должны будем им помогать?

— Нет, на сей раз твоя задача заключается только в слежке. Сообщай мне об успешности их действий, но, что более важно — о любых отклонениях в их поведении. Обо всем, что не касается убийства зеленокожих.

— Нам поручили следить за нашими эльдарскими союзниками. — сказал Берози Рамму.

— И это все?

— На данный момент — да.

Сержант обратил свой взор к низинам, образованным оврагами. Земли на западе были ровными и сухими, отчего в почве возникали глубокие трещины — но глубокие рытвины, на которые смотрел сержант, намекали, что здесь некогда бушевали бурные ручьи, оставившие после себя целый каменный лабиринт. У Гвардии Ворона не было средств, чтобы уследить за всей этой сетью глубоких проходов — впрочем, это и не было необходимо. Их проводником станут следы борьбы.

Берози обратился ко всему своему отделению.

— Нам придется рассредоточиться. Постарайтесь покрыть как можно большую площадь этой сети оврагов. Если эльдар имеют хоть какое-то понятие о тактике, то они попытаются разделить орочье войско, заманив его в несколько разломов разом. Следуйте за следами самых крупных стычек и сообщайте обо всем, что видите.

Гвардейцы Ворона рассеялись по пересеченной местности. Упомянутые овраги уводили их с плоскости сухой равнины на северо-восток. Резко уходя вниз, каждая такая расселина представляла из себя небольшое узкое ущелье в двадцать-тридцать метров глубиной. В какой-то момент до Берози дошло, что глубина и сложность этого лабиринта были не вполне естественными. Взирая на сеть оврагов с первоначальной позиции своего отделения, он понял, что пересекающиеся расселины образуют своего рода паутину, слишком искусно выведенную, чтобы быть естественным образованием — как и многие другие геологические образования, которые уже повидал сержант на этой планете. Чересчур точно были проложены эти ущелья, слишком приятной глазу оказалась вся их сеть в целом. Берози вновь задумался об интересах эльдар на этой планете.

Возможно, подозрения Креваана были оправданы. И все же, занимая позицию на краю оврага, по форме напминавшего указующий когтистый палец, Берози чувствовал себя не в своей тарелке. На дне расселины бушевало сражение. Эльдар отважно отражали нападение зеленокожих — и, насколько мог судить сам сержант, их действия вне поле боя тоже несли на себе печать благородства. Воины Сайм-Ханн все еще придерживались условий заключенной договоренности.

«Это мы ведем себя бесчестно...» — невольно подумал он.

Сержант занял позицию посреди камней и стал одним целым с отбрасываемой ими тенью. Он стоял совершенно неподвижно, наблюдая за тем, как борются два войска чужаков, но в голове его, тем временем, одна за другой всплывали неприятные мысли. В этот самый момент Берози мог бы штурмовать орочий поезд — и, на самом деле, он бы предпочел честную прямоту этого действия слежке

за союзниками.

Его беспокоил не сам факт того, что Гвардия Ворона может предать чужаков — переживания сержанта не касались идей о том, что ему стоит быть более терпимым к виду, само существование которого являлось оскорбительным для Императора. Нет, его волновали мысли о том, остается ли он верным идеалам Гвардии Ворона. Потомки Коракса атаковали из теней, они становились тенями, и в то же время тьма не заражала их души.

«Мы не Повелители Ночи...»

Берази мог лишь надеяться на то, что, когда вновь настанет время действовать, он сможет с честью исполнить свой долг.

Алатаннас снова оказался один. Немногим ранее, его сопровождало еще четверо наездников, но он отделился от них у одной из Y-образных развилок, нутром почуяв перспективность левого пути. Новая дорога оказалась чрезвычайно узкой, словно бы высеченной в скале ударом огромного топора, и вдоволь усеянной внезапными поворотами — лишь безумец рискнул бы залететь в это ущелье, не сбавляя скорости, но следопыта это не волновало. Он надеялся лишь на то, что орки окажутся достаточно гордыми и самоуверенными, чтобы последовать за ним.

Так и вышло.

За Алатаннасом погналось четверо разгоряченных орочьих байкеров, чьи крики эхом отталкивались от каменных стен.

«Выходит, у нас все же есть кое-что общее — безумие...» — подумал про себя стрелок, ускорившись еще сильнее.

Следопыта удивило то, что орки сохранили контроль над своей техникой на такой неровной поверхности, но касание воздуха к открытой коже стрелка вернуло его в реальность. Над Алатаннасом нависла высокая стена ущелья, однако тот отказался поворачивать до самой последней секунды, в конце концов резко выкрутив руль гравицикла влево, и едва поборов сопротивление воздуха, который на такой скорости и сам словно обратился в камень. Гравицикл натужно взвыл, но следопыту удалось не разбиться о скалы и войти в поворот.

Рейнджер бросил взгляд за спину. Лидирующий орк не успел даже попытаться повернуть вслед за ним, и на полном ходу врезался в скалу. Пламя от взрыва байка окутало следовавшую за ним двойку зеленокожих, однако им удалось удержаться в седлах даже во время поворота под прямым углом. Алатаннас дал им несколько секунд на то, чтобы добраться до следующего поворота — и они явились, паля из своих стрелял. Мимо рейнджера просвистели пули, но он лишь ускорился, изящно минуя все препятствия, пока гонящиеся за ним байки жадно вгрызались в землю своими колесами. Орки преследовали его, рассчитывая, что для успеха им хватит грубой силы и злобы, но этого было достаточно лишь для того, чтобы просто не выбыть из гонки. Если бы Алатаннас пожелал, он бы с легкостью оторвался от зеленокожих — но он хотел, чтобы они следовали за ним, чтобы уверились в том, что его гибель неминуема.

До следующего резкого поворота оставалась еще сотня метров, и следопыт рискнул обернуться. Орки слишком сильно отстали от него, и он немного замедлился, совсем чуть-чуть — чтобы подарить им иллюзию того, что они догоняют добычу, — а затем залетел за угол.

«Орки не попадутся снова на ту же самую уловку. Даже дикари вроде них догадаются померить свой

пыл хотя бы настолько, чтобы благополучно миновать поворот.»

Алатаннас понял, что это подарит ему еще пару лишних секунд, и повернулся вперед, вновь обращая внимание на дорогу перед собой. Следующий поворот ждал его едва ли в тридцати метрах. Следопыт резко ускорился и свернул направо, не сбавляя хода. Теперь его взору предстал очередной длинный и прямой отрезок пути — но на сей раз рана в скале не просто сужалась, а закрывалась наглухо. Стрелок оказался в тупике.

Алатаннас подметил для себя этот факт, и просчитал все доступные ему варианты действий за какую-то долю секунды. Сколько бы времени он не провел одиноким путником, какое бы расстояние не разделяло его с товарищами, прямо сейчас он был одним целым со своими сородичами. Он вошел в ритм Сайм-Ханн. Мир превратился в размытое пятно, прошлое перестало существовать, будущее стало лишь продолжением настоящего, с его сиюминутными решениями, моментально порождающими разного рода последствия. Война была не более чем ветром, дующим ему в лицо, но ветер этот являлся лишь следствием развитой эльдаром скорости. Алатаннаса охватило не простое волнение — в данный момент он познавал глубочайшие истины своей самости в самой чистой их форме.

«Орки думают, что могут использовать скорость против воина Сайм-Ханн! Я покажу им, как сильно они заблуждаются.»

Следопыт развернул свой гравицикл и взмыл на несколько метров над землей, а затем повернул назад, одновременно с этим нацеливая сюрикеновые катапульты своего скакуна вниз. Орки выехали из-за угла в тот же миг, когда Алатаннас собрался поворачивать, и это дало ему прекрасную возможность обстрелять чужаков, пока они проезжали прямо под ним. Острые диски отрубили правую руку ведущему байкеру, из-за чего тот секундой позже потерял управление и перевернул свой мотоцикл. Другим оркам уже поздно было что-то предпринимать в данной ситуации, и они попросту врезались в своего незадачливого товарища.

Губы Алатаннаса скривились в кривой усмешке. У этих обожателей скорости со временем все лучше получалось убивать самих себя.

Следопыт, оставив трупы орков позади, вернулся к развилке, откуда начал свой путь к воссоединению с сородичами, двигаясь в сторону звуков боя. Один раз ему пришлось даже протиснуться через проход такой узкий, что закрылки его гравицикла чиркнули по стенам ущелья, но в конце концов он выбрался в один из более просторных оврагов — что, увы, играло оркам на руку. Зеленокожие заполнили все свободное пространство своими телами и техникой — каким-то образом им удалось загнать сюда даже один из боевых вагонов, который, впрочем, испытывал трудности со сцеплением на мягкой почве бывшего речного русла. Танк продвигался вперед практически случайными рывками, но даже так он оставался смертельно опасен, наряду с остальными силами зеленокожих, что заполнили все ущелье вихрем из оружейного огня.

Их тактика работала — никакая скорость или маневренность не могли спасти эльдар от этой бури. Влетая в каньон, из-за спин орков Алатаннас разглядел, как в тот же самый момент целое звено гравициклов было разорвано в клочья градом пуль и снарядов.

Три гравицикла все еще оставались в воздухе, отчаянно вихляя во время движения в сторону орков — то была отчаянная попытка пробить дыру в создаваемой ими стене огня. Восторженный хохот зеленокожих заглушил какофонию выстрелов.

Алатаннас спустился к середине оврага, пролетев над головами орков и осыпав их острыми сюрикенами

в попытке отвлечь внимание от своих попавших в беду сородичей. Некоторым из атакованных им ксеносов показалось, что следопыт был не один, и они обратили все свои усилия на борьбу с несуществующим противником у себя в тылу. Минутная заминка была именно тем, чего не хватало эльдарам — они потеряли еще один гравицикл, но прорубили глубокую просеку в рядах орков и убили двух водителей, пускай боевой вагон пока что и остался невредим.

Алатаннас, не мешкая, присоединился к выжившим. Одна из них была Огненным Драконом по имени Кутален, другой наездник же оказался ни кем иным, как самой Элейрой, которая без предисловий развернула свой гравицикл и возглавила отступление. Уцелевшие орочьи байкеры в своем стремлении догнать ускользнувших от них эльдар погнали своих железных скакунов прямо через ряды собственных сородичей, а один особенно неуклюжий гонщик врезался в боевой шагатель, забрав его с собой на тот свет. Продвижение остальных же орков затормозил их собственный танк.

Устье каньона постепенно уходило вправо, и гравициклам в конце концов удалось исчезнуть из поля зрения всех зеленокожих, кроме мотоциклистов. Элейра вновь развернулась.

— Держитесь позади меня. — приказала она, а затем, на манер Алатаннаса чуть ранее, рванула в сторону байкеров.

Впрочем, вместо того, чтобы пролететь над головами чужаков, она встретила их лицом к лицу, посылая прямо в рожи четверки орков целые потоки сюрикенов. Острейшие диски, разрубая зеленую плоть и вгрызаясь в металл байков, заставили дикарей разъехаться в стороны, но это лишь сделало их еще более легкой мишенью для Алатаннаса и Кутален.

Эльдар удалось выбить для себя небольшую передышку — остальные орки смогут добраться сюда разве что через несколько минут. Осмотревшись, следопыт заметил, что справа в это ущелье вливался еще один канал, откуда явственно доносились звуки бушующего сражения. Алатаннас готов был поклясться, что слышит и рокот мощного двигателя, а потому немедленно привлек внимание автарха к развилке.

— Похоже, что вскоре мы будем зажаты промеж двух танков.

— Если уж мы смогли предвидеть такой исход... — успокоила подчиненного Элейра, — будь уверен, что Пассаван в курсе ситуации и делает то, что должен. Нужно лишь точно выверить время...

После этих слов, Элейра полетела в сторону развилки.

— Для чего, автарх?

— Чтобы свести танки вместе.

Алатаннас представил себе два боевых вагона орков, следующих за ними через расселину впереди. В ней хватало места для двух тяжелых танков, но их мобильность будет серьезно ограничена, и несмотря на приrost огневой мощи, орки будут лишь мешать друг другу — что, впрочем, не удержит их от преследования, если приманка будет достаточно привлекательной.

— Нам нужно, чтобы танки попали сюда. Провидец определил, что именно этот путь позволит нам уничтожить их.

«Она забыла упомянуть, что сделать мы это должны до того, как они уничтожат нас...» — подумал стрелок, и без того понявший серьезность ситуации.

— Сколько наших уже полегло?

— Слишком много.

Сзади, сразу с двух направлений до следопыта донесся глубокий рокот, и тот оглянулся. Его взору предстал восседавший на гравицикле Пассаван, сопровождаемый «Гадюкой». Они осыпали преследовавшую их армию градом сюрикенов и потоками изничтожающей энергии. Все произойдет в точности с замыслом Элейры...

Два эльдарских скиммера присоединились к автарху и Алатаннасу, и все пятеро устремились вперед по руслу, но в какой-то момент их все же настиг ответный огонь со стороны двух орочьих отрядов. Несколько секунд спустя, крутые повороты ущелья предоставили им жизненно важное укрытие, но к тому времени уже было слишком поздно. От правого закрылка гравицикла Кутален остался лишь искореженный обрубок, а спина самой женщины, склонившейся вперед в своем седле, выгнулась от боли.

Алатаннас подлетел к аспектному воину, и та повернула к нему личину своего шлема. Не тратя времени на слова, она кивнула рейнджеру, а затем замедлила ход глайдера, пропуская вперед уцелевших товарищей и подготавливая себя к тому, чтобы заставить орков горько пожалеть о победе над ней.

Ущелье, по которому летели эльдар, постоянно меняло свой курс, и за каждым новым поворотом Алатаннас ожидал увидеть спасение, которое обещали ему Пассаван и Элейра. Тем не менее, до сих пор оно оставалось сокрытым от его взора — а вот орочьи байкеры, оставившие свои боевые вагоны позади, и щедро осыпавшие спины эльдар градом пуль, были донельзя реальными. Могло показаться, будто их запасам боеприпасов и вовсе нет конца.

— Сейчас. — произнес провидец, когда его товарищи завернули за очередной изгиб оврага, уходящего на северо-восток. Алатаннас наконец-то увидел своими глазами западню, которая была так нужна эльдар — каменную арку, простирающуюся над ущельем. Как только «Гадюка» пролетела под ней, ее стрелок навел свое копьё света на основания арки, и открыл огонь, короткими залпами подтачивая их.

— Замедлим их! — приказала Элейра. — Пусть сгрудятся поплотней!

Кутален опередила автарха.

— Автарх, позвольте мне нанести первый удар! — ее гравицикл едва держался в воздухе, а напряжение в голосе намекало на то, что Дракон остается в живых исключительно благодаря собственной силе воли.

— Я дарю тебе это право. — ответила Элейра. — Мы все благодарим тебя... Счастливого пути, Огненный Дракон.

Гравицикл Кутален приник к земле, его днище практически касалось пересохшего русла. Воительница не открывала огонь до последней секунды, так что орки не слышали ее приближения за грохотом своих собственных машин и стрелял. Кутален и орки встретились прямо на повороте — их разделяло не более десятка метров, и с ошеломительной скоростью Дракон вонзилась в их ряды. Открыв огонь в самый последний момент, она обезглавила лидирующего зеленокожего, а затем развернула гравицикл боком, подмяв под себя еще двух чужаков, и ни на миг не прекращая стрелять, разрубая сюрикенами двигатели и топливные шланги. В конце концов, искореженную грудку психокости и металла поглотил огненный шар.

Алатаннас поразился размерам этого взрыва. Судя по всему, первоисточником его был скиммер Кутален, но слишком уж легко он взорвался, и чересчур мощной оказалась детонация... Но, во всяком случае, смерть воительницы нанесла оркам серьезный ущерб. Оставшиеся эльдар облетели ее

погребальный костер, и внесли свой вклад в кровавую жатву. Орочье наступление захлебнулось. Дикари пытались угнаться за эльдар, но вместо этого только врезались друг в друга и бесцельно палили во все стороны. За несколько секунд орда лишилась еще шестерых байкеров.

Бьющий по ушам рев боевых вагонов все нарастал. Тактика Элейры увенчалась успехом. Алатаннас пролетел над головами зеленокожих и последовал за двумя своими товарищами, улетевшими обратно за поворот — но увы, недостаточно быстро для того, чтобы полностью избежать последствий орудийного залпа одного из вагонов. Оглушенный взрывом, следопыт был осыпан градом каменных осколков, изодравших его плащ. Впрочем, Алатаннасу удалось удержаться в седле, и миновать опасный участок в тот же миг, когда позади него раздался скрежет обломков, раздавленных проехавшими по ним танками. Вслед эльдару в очередной раз полетел рой пуль и снарядов.

До каменной арки оставалось лишь несколько метров — Элейра и Пассаван уже миновали ее и продолжили движение, завлекая орков за собой. Алатаннас бросился догонять их, и как только он достиг арки, еще один выстрел из главного орудия орочьего танка ударил в скалы. Следопыт поежился, ожидая в любой миг оказаться погребенным заживо, однако арка выдержала.

Миновав опасный участок, стрелок продолжил движение, замедлившись ровно настолько, чтобы суметь оглянуться.

Оба боевых вагона заехали под арку — и меткий выстрел из копья света захлопнул ловушку. С расстояния могло показаться, что касание луча энергии было мягким, даже нежным, однако произведенный эффект превзошел все ожидания. Арка рухнула, тысячи тонн камня полетели вниз, прямо на крыши орочьих танков, и ужасный грохот от камнепада смешался со скрежетом раздавленного металла.

Во все стороны понеслись клубы пыли, и Алатаннас повернул гравицикл вспять, намереваясь осмотреть плоды трудов эльдар. Когда эхо камнепада утихло, ему удалось разглядеть гору обломков, ставшую могилой для танков зеленокожих, а затем до него донеслись крики разъяренных неудачей дикарей, в один момент лишившихся как своей тяжелой техники, так и возможности продолжать погоню.

Алатаннас уже собрался перелететь груду камней и обрушиться на орков в виде бесплотного призрака под прикрытием завесы из пыли, что идеально подходило давно избранному им пути... Но прямо перед тем, как он успел так поступить, Элейра и Пассаван подлетели к нему.

— Нет, следопыт. Твой бой окончен.

— Автарх? — Алатаннас не сумел скрыть своего недоумения. Его бой лишь начинался. Поле битвы изменилось, стало его личными владениями...

— Мы пустили оркам кровь. — произнесла Элейра. — Однако мы еще далеки от того, чтобы нанести им сокрушительное поражение.

— Мы понесли серьезные потери в этих оврагах. — добавил Пассаван.

— Мы не можем гарантировать победы. И если мы проиграем, то лишимся куда большего, нежели наших жизней. — сказала автарх.

— Наше задание...

— Мы все еще можем проиграть. Вполне вероятно, что люди не сумеют остановить орочий поезд.

Алатаннас взглянул на провидца, чей силуэт едва виднелся в окружавшей их пыли. Пассаван кивнул ему.

— Пряжа все еще запутана. Я могу различить пути, по которым мы должны пройти, но у меня нет уверенности в исходе любого из них. Даже лучший из них не дает нам ничего, кроме надежды.

— И что же мне тогда делать? — спросил Алатаннас у командира.

— Вернись в город. Твои навыки не ограничиваются одним лишь воинским мастерством. Если мы проиграем, у тебя все еще останется возможность предотвратить наихудший исход.

— Даже если мне удастся найти его, что я смогу поделаться в одиночку?

— Ты не будешь один. Я отправлю с тобой всех, кого смогу. Если твоя миссия увенчается успехом, тогда все остальное не будет иметь никакого значения. Мы же покинем это поле боя и сделаем то, что должны.

— Я понимаю...

Алатаннас действительно все понял. Ему не нужно было быть провидцем, чтобы понять последствия решений автарха. Не важно, что произойдет, никто из воинов Сайм-Ханн не увидит следующего рассвета на этой планете. Их гибель была предрешена. Сердце следопыта заняло при мысли о том, что Падение, трагедия всей его расы, продолжает отзываться в каждой новой смерти, в каждой безнадежной затее.

Впрочем, могло статься и так, что эта битва еще не была проиграна — и если следопыту улыбнется удача, его смерть обретет смысл.

Алатаннас без лишних слов покинул ущелье под прикрытием пылевой завесы.

Берази услышал гулкий рокот к северо-востоку от своей позиции, а спустя несколько секунд над оврагом взмыло огромное облако пыли.

— Такое могла учинить каждая из сторон... — прокомментировал происходящее Рамм.

— Согласен. — произнес сержант, продолжая следить за облаком. Спустя еще минуту, из него вылетел единственный гравицикл, немедленно устремившийся на запад. К Рекламации.

— Они не могли победить так быстро. — сказал Геара.

Берази проследил за траекторией полета одинокого воина. Как только тот исчез из поля зрения, сержант заметил еще троих наездников, которые возникли словно из ниоткуда и бросились вдогонку за первым эльдаром.

— Они не победили, вот почему мы и видим беглецов. Всего жалкая горстка воинов? Это акт отчаяния, не иначе. Ксеносы полагают, что могут проиграть.

— Чего же они тогда надеются достичь? — подивился Геара.

— Узнать это — и есть наша миссия.

Сержант дождался, пока все чужаки не исчезнут за горизонтом, убедился, что больше никто не присоединится к ним, оставив орков позади, и только тогда вызвал Креваана по воксу.

— Несколько эльдар возвращаются в город. — доложил он.

Теневой капитан лишь хмыкнул в ответ на новую информацию.

— Проследите за ними.

— Как раз этим мы и собирались заняться.

— Хорошо. Узнай, чем они занимаются, и постарайся держать меня в курсе малейших подробностей. — сказал капитан, заканчивая сеанс связи.

Размышляя над новым приказом, Берези подумал, что Ресзасз совсем не показался удивленным — напротив, в его голосе прозвучали нотки удовлетворения, как будто капитан был доволен тем, что его подозрения оправдались.

Сержант же ощущал что-то более близкое к разочарованию — возможно, даже к грусти. Берези не мог сказать, что доверял ксеносам, но он хотел верить в их честность. Во время прошедших ранее переговоров между лидерами двух армий, ему показалось, что он заметил в эльдарях проблески того, что могло сойти за честь.

Когда штурмовик взмыл в воздух на струях пламени, совершая первый прыжок в сторону города, испытанное им разочарование обратилось в презрение. Он ненавидел, когда его пытались одурачить, и к тому времени, как его отделение преодолело половину дистанции до Рекламации, Берези был поглощен яростью. Он был полон решимости покарать ксеносов за их предательство.

Седьмая глава

У Гвардейцев Ворона был лишь один шанс взять орочий поезд на абордаж. Возможность сделать это появится, когда состав начнет взбираться по склону, ведущему к Рекламации. Дорога, по которой он следовал, тянулась через проход, проделанный в низком холме, и, окруженная с обеих сторон крутыми скалистыми стенами около десяти метров длиной, она предоставляла поезду ровно столько места, чтобы тот еле-еле протискивался между скалами. У Восьмой не будет лучшей возможности осуществить задуманное, к тому же, скрывшись на вершине холма, потомки Коракса будут невидимы для ксеносов до самого последнего момента.

Тем не менее, зеленокожих требовалось отвлечь. Если у орочьего механика получится вовремя задействовать орудия своего творения, они попросту сметут Креваана и его людей с крыши, обрекая Рекламацию на полное уничтожение. Капитан хотел, чтобы вниманием инженера завладело что-то еще, а значит, ему требовалось организовать еще одну атаку — достаточно свирепую, чтобы напоминать полноценный штурм.

Ресзасз решил взять себе в сопровождение лишь одно боевое отделение. Высаживаясь с «Когтя Освобождения» на скрытой от орочьего состава стороне холма, он обратился ко всей роте через вокс.

— Братья. Я хочу увидеть от вас прямолинейную лобовую атаку. Выйдите из тьмы, и вы сами отбросите тени, из которых врагу будет нанесен смертельный удар.

Целый хор одобрительных возгласов донесся до капитана, пока он вводил свое отделение на позицию для засады.

— Мы попытаемся проникнуть внутрь через люк на крыше? — поинтересовался Тэйн.

— Нет. Нам стоит сократить время пребывания на крыше поезда до минимума. Как только механик

поймет, что к чему, он обрушит на нас огонь всех своих орудий. Мы постараемся попасть внутрь поезда где-нибудь между вагонами.

Заняв позицию, пятеро космических десантников вслушивались в грохот, знаменующий приближение поезда. Разумеется, они не могли видеть сам состав, но доклады от их братьев вырисовывали достаточно ясную картину идущего боя. Начало штурма ознаменовала атака «Когтя Освобождения», вновь обрушившего мощь своих ракет на локомотив. Как и в прошлый раз, он проехал прямо сквозь пламя — и даже кратер, образованный попаданием одной из ракет в землю перед поездом, ничуть его не замедлил. Чудище на гусеничном ходу преодолело воронку, словно та была всего лишь небольшой ямкой.

Когда орочье творение вырвалось из огненной бури, учиненной «Громовым ястребом», началась вторая фаза атаки. Прямо за холмом, стоя по обе стороны дороги, находились почтенные Каром и Рауст. Дредноуты Восьмой, доставленные сюда десантным судном, наконец-то получили шанс проявить себя в войне, которая с самого начала представляла из себя серию быстрых атак. Дредноуты были лишены прити своих братьев, но они тоже являлись существами из теней, молотом ночи, чьи удары были в равной степени опустошительными и внезапными. Шагатели осыпали купол, за которым прятался механик, шквалом огня, который мог бы снести крепость.

Любой танк, отданный на милость лазерной пушки Карома и мульти-мелты Рауста, в мгновение ока обратился бы в дымящуюся грудку шлака, однако безумный гений инженера посрамил и дредноутов. Силовой барьер, мощный вне всяких рациональных представлений о возможностях орков, поглотил энергию выстрелов и рассеял ее по всей длине поезда. После каждого произведенного дредноутами залпа, следующие за локомотивом вагоны вспыхивали ярко-зеленым светом и по ним пробегали фиолетовые молнии, отчего орочий механик приходил в бурное ликование. Каром и Рауст, впрочем, не прекращали вести огонь. Пускай даже им и не под силу было перегрузить силовое поле, испускаемые вспышки все же ослепляли зеленокожего.

К атаке присоединилась и остальная часть роты. Семь штурмовых отделений обрушили на чужака всю доступную им огневую мощь. Семьдесят космических десантников, маневрируя с помощью прыжковых ранцев, взмыли в воздух и вновь спустились на землю прямо перед поездом. Постоянно передвигаясь в случайных направлениях, Астартес не давали орку возможности сконцентрировать огонь на хоть сколько-то значимом скоплении целей. Гвардия Ворона превратилась в изломанное созвездие войны, растянутое по всему горизонту. Штурмовые отделения, дредноуты и «Громовой ястреб» поливали своего врага огнем, способным стереть с лица земли целые города. Поверхность земли постепенно превращалась в подобие лунного ландшафта из-за растущего количества кратеров — и все же орочий поезд с ревом несся вперед, как будто был не простым механизмом, но материальным воплощением столь свойственной оркам жажды убийства.

«Возможно, так оно и есть...» — думал Креваан, выслушивая вокс-сообщения ошеломленных Гвардейцев Ворона. После прошлого столкновения, он понял, что им не удастся остановить поезд грубой силой — об этом знали и все его братья. Тем не менее, сила созданного орком щита бросала вызов здравому смыслу. На Лепид-Прайм происходило что-то зловещее. Что-то, что выражало себя как в размере и силе обычных орочьих пехотинцев, так и в необъяснимой неуязвимости созданного ими поезда.

Вся эта ситуация серьезно отличалась от того, с чем Империиум столкнулся на Армагеддоне. Там, зеленокожими управлял необычайно одаренный вождь — угроза, которую, по мнению самого Креваана, до сих пор серьезно недооценивали, но ксеносы на Лепид-Прайм казались... преображенными. Их воодушевлял не авторитетный лидер, но что-то еще. Что-то, что затронуло самую глубину их естества, и все творения, вышедшие из-под их рук.

Пускай состав и остался неповрежденным, орочий инженер ответил на угрозу так, словно его творению угрожала смертельная опасность, и открыл огонь из всех орудий. Ожили турели, в небеса устремились целые косяки ракет — и хотя точность стрельбы оставалась практически нулевой, технарю не нужно было целиться. Даже если он разнесет всю планету в клочья, для него это будет означать лишь то, что он сотрет в порошок и своих противников. Креваан, моргая, перелистывал на своем ретинальном дисплее сводки с поля боя — и молча взирал на то, как одна за другой краснеют и гаснут руны, обозначающие его боевых братьев, отдающих свои жизни ради отвлекающего маневра, по самой своей сути обреченного на неудачу.

Сражение длилось едва ли больше минуты. Состав все еще тащил свою грузную тушу через проход.

— Наши потери растут. — подметил Тэйн, имевший доступ к тем же сводкам, что и капитан. Он не осуждал Ресзаса, но всего лишь отмечал своим безэмоциональным тоном то, что ситуация зашла в тупик и вскоре грозит обернуться катастрофой.

— Да... — произнес Креваан, думая про себя о том, что почтит каждую принесенную его братьями жертву. Все, кто пал в этом бою, купили своей кровью надежду на победу в войне.

— Сейчас! — внезапно огрызнулся он.

Над холмом взмыла стая теней — подобных призракам великанов в силовой броне. Пускай поле боя и освещал свет солнца, к поезду словно бы потянулась смертоносная длань ночи.

Креваан приземлился на крыше второго вагона. За ним последовали и остальные члены отделения, грохот их сабатонов по обшивке орочьего творения затерялся за чудовищным грохотом орудий и рокотом его двигателя. Космические десантники пригнулись, чтобы избежать попадания в зону поражения турелей. Теневой капитан глянул в сторону ведущего состав локомотива, и увидел там инженера, по-прежнему защищенного куполом. Сгорбившаяся фигура не отрывала взгляда от развернувшейся перед ней картины всепожирающего пламени войны.

— По крышам? — предложил Дваракс по воксу. Он не боялся быть замеченным — просто грохот стоял такой, что говорить без помощи систем шлема не представлялось возможным.

— Нет. — ответил капитан. Отвлекись механик от происходящего впереди хоть на мгновение — и он заметит диверсантов, после чего немедленно переведет на них огонь турелей. Им придется использовать купленное товарищами время для того, чтобы забраться в недоступное для орудий орка место.

Не вставая, Креваан перебрался к промежутку между первым и вторым вагонами, и посмотрел вниз. Между вагонами не было платформы, одна лишь соединительная муфта — отвратительный клубок из поршней, цепей и шипов, лишенный всякого намека на здравый смысл в своей конструкции. Вся конструкция была неэффективной, переусложненной и опасной. С другой стороны, это и не удивляло Креваана, учитывая то, что каждый увиденный ранее капитаном элемент поезда был заточен под причинение урона врагу. Любой, кто не обладал достаточной степенью защиты, мигом был бы перемолот в фарш, попытайся он встать на муфту.

В каждый из вагонов вело по двери — простому неровному прямоугольнику из железа, резко контрастирующему с донельзя перегруженной конструкцией муфты. Со стороны могло показаться, будто создателям поезда попросту наскучило работать над теми элементами своего творения, которые не были способны отнять чью-то жизнь.

Креваан указал на Дваракса, Реваала и Акралласа, а затем вниз, на вагон под их ногами. Подчиненные

тут же поняли его замысел: пока капитан и Тэйн будут заняты передним вагоном, остальным членам отделения необходимо будет позаботиться о часовых на своем участке, сделав так, чтобы те не смогли предупредить инженера.

Креваан и Тэйн перескочили через промежуток между вагонами. Теневой капитан дождался, пока трое его братьев не займут свои позиции, а затем вновь пришел в движение, когда Акраллас утвердительно кивнул.

Ресзасз и Акраллас, подобно обретшим физическую форму теням, обрушились на соединительную муфту. Ходя ходуном под ногами капитана, она ощущалась подобно морю когтей — и с каждым движением поезда, переваливающегося через кратеры, в муфте открывались и вновь исчезали зазоры. Спустя какое-то время, капитану удалось-таки приспособиться к судорогам железа под его ногами, и верхняя часть его тела на время замерла, пока Креваан не потянулся к подобию ручки на своей двери.

— Ты готов? — спросил он у Акралласа напоследок.

— Готов.

Двери открылись, и Вороны нанесли свой удар за какие-то два удара сердца. Креваан сорвал свою дверь с петель, и нырнул внутрь вагона, пока Акраллас избавлялся от другой преграды между собой и противником. Остальные члены отделения тоже незамедлительно пришли в движение — капитан почувствовал за своей спиной присутствие Тэйна, не успев сделать и двух шагов внутрь вагона, но не стал отвлекаться от развернувшегося перед ним зрелища в виде группы донельзя удивленных зеленокожих.

Четверо увальней, выставивших свои стволы в амбразуры с железными ставнями, не ожидали вторжения, и в данный момент изо всех сил пытались совладать со своим громоздким оружием, застрявшим в узких проемах окон. Креваан оценил ситуацию и решил позабыть об этих дикарях. Они, по сути, уже были мертвы.

Куда больше его озаботил пятый орк — еще один громадный, бронированный чужак. Он не был защищен в той же степени, как его сотоварищи, встреченные Ресзасзом ранее — и хотя его доспехи были усеяны таким количеством шипов, что даже их наплечники могли считаться смертельным оружием, сама броня не была моторизированной. Тем не менее, ксенос был огромен настолько, что ему и не требовался экзоскелет. В одной руке он держал самозарядный пистолет размером с болтер, другая же лапа сжимала толстый и короткий клинок. Орк чуть ли не задевал потолок вагона, однако отлично подготовился к ближнему бою. Он решил доверить пальбу из амбразур своим подчиненным — а значит, думал наперед, и уже одно это делало его опасным.

Креваан метнулся навстречу вожаку, целясь ему в морду своими грозowymi когтями. Зеленокожий отступил на шаг, поджался и вскинул свое собственное оружие, незамедлительно разрядив его в сторону Тэйна и капитана. Большая часть крупнокалиберных пуль пробила дыры в стенах вагона, однако четыре из них нашли свою цель в виде нагрудника Креваана. Силовой доспех выдержал, но останавливающее действие выстрелов взяло свое, прервав атаку космодесантника.

Остальным зеленокожим все-таки удалось втащить свое оружие внутрь, пока их лидер вел подавляющий огонь. Теперь же он перешел в атаку, заставив Креваана пригнуться, дабы избежать клинка вожака. Впрочем, это подарило капитану возможность сделать выпад правой рукой и насадить на свои когти ближайшего стрелка. Тот взвыл и выронил оружие из рук, после чего отправился в недолгий полет, когда Креваан швырнул его в сторону крупного орка. Резак главаря вонзился промеж ребер его

подчиненного, и застрелял там.

Пока Креваан был занят, Тэйн прикончил другого ксеноса очередью из болтера, после чего направил плазменный резак на врагов по левую сторону от себя. Один из них умер мгновенно, даже не заметив, что лишился верхней половины головы, другой же перед смертью успел выдернуть чеку из гранаты с длинной рукояткой.

Креваан уловил это движение краем глаза, и у него оставались лишь доли секунды на то, чтобы сгруппироваться, перед тем, как граната взорвалась у чужака в руке и запустила цепную реакцию из взрывов всей остальной навешанной на орка взрывчатки. Детонация гранат в тесном пространстве вагона оказалась поистине ужасающей — стало ясно, что это были не просто осколочные заряды, но очередной продукт безумного гения орочьего инженера. Буря из пламени и разлетевшейся во все стороны шрапнели опалила доспехи Креваана и отшвырнула его в сторону, в то время как Тэйн, оказавшийся ближе к эпицентру взрыва, и вовсе был сбит с ног.

Орочий вожак, обожженный, но живой, с ревом пронесся сквозь стену пламени, и опустил сжатый в обеих руках клинок на Теневого капитана. Креваан поднял руку в попытке защититься, и был поражен силой удара — такой атакой можно было раздробить даже сталь. Клинок пробился через керамит и вонзился глубоко в предплечье Гвардейца Ворона. Капитан отдернул пораженную руку, лишая орка застрявшего в конечности оружия, и сам сделал выпад в его сторону. Чужак отпустил рукоять клинка и на миг отступился, но не без потерь — Креваану удалось отнять у него левый глаз.

Ранение погрузило зеленокожего в пучины ярости, и ксенос тут же бросился на капитана снова, выпуская всю свою ярость в виде свирепых, но умелых ударов, в очередной раз подтвердив, насколько опасным противником является. Орк боднул капитана плечом, и один из шипов на его броне пробил горжет Креваана, вонзившись ему в шею. После этого, чужак швырнул Ворона в стену, подобрал оброненный ранее тесак и отправился довершать начатое. Держа клинок правой рукой, он принялся рубить и колоть капитана, пока закованный в железо левый кулак долбил по силовой броне десантника, подобно молоту.

Креваан, как мог, парировал жестокие удары чужака, и контратаковал, когда представлялась возможность. Ему удалось вновь пустить орку кровь, но тот, подобно губке, лишь впитывал один удар за другим. Каким-то образом, габариты чужака и переполнявшая его ярость выступали адекватной заменой броне. Более того, он был быстр — куда быстрее, чем должно было быть способно двигаться существо его размеров. Еще одно темное чудо орков этого мира... Зеленая орда, бывшая «просто» серьезной угрозой, превратилась здесь в настоящее чудовище.

Позади чужака, Тэйн наконец-то сумел подняться на ноги. Он навел плазменный резак на двух бойцов, но ему никак не удавалось прицелиться, пока Креваан и орк продолжали свой танец из выпадов, блоков, бросков и захватов.

— Теневой капитан? — спросил технодесантник.

— У меня все под контролем. — пробурчал капитан, пропуская сильный удар по своему шлему. — Займись тем, ради чего мы сюда явились.

Если зеленокожий инженер услышал детонацию, он уже мог готовить контрмеры к вторжению. Орков мало заботило выживание собственных собратьев — и капитана не удивило бы, если бы у локомотива имелось орудие, способное стрелять прямо сквозь вагоны.

Тэйн перешел в дальний конец помещения. Увы, двери там не находилось — очевидно, создатель поезда не доверял его пассажирам настолько, чтобы предоставить им доступ в сам локомотив, — так что технодесантнику пришлось пустить в дело плазменный резак.

Креваан заставил зеленокожего отпрыгнуть с помощью серии резких рубящих ударов. Вожак не дал капитану поразить какой-нибудь жизненно важный орган, но тем не менее, оказался залит с головы до ног собственной кровью. Креваан сделал еще один взмах левой рукой, и на этот раз ему удалось зацепить правую подмышку чужака. Десантник протащил лезвия своих когтей вниз по руке орка, срезая с нее плоть и явственно ощущая, как клинки скребут по кости. Наконец, Ресзасз резко дернул кулаком и тем самым обрубил руку зеленокожего у самого запястья, отчего тот взвыл и поспешил отступить к другой стене вагона.

Капитан использовал эту секундную передышку, чтобы связаться с другими членами своего отделения.

— Братья?

— Крупный отряд ксеносов, Теневой капитан. — без предисловий произнес Акраллас. — У них было слишком много часовых, чтобы от них можно было избавиться одним ударом. Они подняли тревогу, и все чужаки внутри поезда сейчас движутся к нам.

— Делайте то, что должны. — ответил офицер, переводя внимание на орка, который вновь бросился в атаку.

Вожак несся на капитана, выставив вперед раненую руку и, как ни странно, даже не попытался ударить противника. Вместо этого, он облил Креваана значительным количеством собственной крови, замарав, в том числе, и шлем космического десантника. Креваан протер линзы шлема, но секундная заминка была именно тем, чего добивался чужак — не видя своего противника, Гвардеец Ворона оказался уязвим.

Понимая это, и предвидя атаку со стороны зеленокожего, Ресзасз взмахнул правой рукой в надежде отогнать его, но вожак нанес внезапный удар снизу. Он легко пробил силовую броню по линии стыка бронепластин и вогнал свой клинок глубоко в левую руку капитана. По конечности пронеслась вспышка боли.

В дальнем конце вагона, Тэйн только что закончил прорубаться через метровой толщины стену. Технодесантник пнул вырезанный участок, и тот, вывалившись наружу, упал сначала на соединительную муфту, а потом и на землю.

Мгновением спустя, Креваан пришел в движение с такой резвостью, как будто им выстрелили из катапульты. Он врезался в вожака, и протащил его за собой мимо Тэйна, напрямик к отверстию в стене. Оба бойца рухнули на сочленение между вагонами, и ненадежный, лязгающий механизм тут же принялся пережевывать броню и плоть неудачливого зеленокожего. Ксенос принялся колотить Ресзасза с удвоенной силой, но в приступе паники растерял свою былую точность — что и неудивительно, учитывая то, что его ум теперь целиком и полностью занимала новая угроза его жизни.

Креваан с усилием оттолкнул себя от орка, после чего потянулся и сумел ухватиться за неровный край вырезанной в стене дыры, используя его в качестве опоры. Повернув взгляд в сторону, дикаря, он наблюдал за тем, как тот ярился и боролся с захватившим его механизмом, но тот продолжал неумолимо затягивать зеленокожего внутрь себя. Теперь капитан осознал смысл переусложненности этого устройства. Вагоны соединяли не простые муфты, но хитроумные ловушки — еще одна преграда для глупцов, решивших атаковать поезд. Впрочем, по стечению обстоятельств, жертвой творения орочьего

инженера стал один из его подчиненных.

Почувствовав, что крепко стоит на ногах, Креваан с силой пнул орка в грудь, загоняя его глубже в голодную пасть муфты. Яростные вопли зеленокожего превратились в жалкие завывания, пока его плоть срывало с трескающихся одна за другой костей. Мало-помалу, громадное тело чудовища превращалось в кровавый фарш — и все же, удивительно долгое время тому удавалось тянуться к Креваану, тщетно надеясь утащить его за собой и обречь на ту же судьбу. В конце концов, от ксеноса не осталось ничего, кроме нескольких жалких обломков металла, выплюнутых муфтой на землю.

Тэйн присоединился к Креваану, стоявшему у дыры в стене. До них все еще доносился грохот бушевавшего позади сражения с другими зеленокожими. Животные рыки и звуки пальбы смешивались с клацаньем гусениц и ревом двигателя. Орочий инженер не подавал виду, что понял, будто что-то пошло не так, и если у орочьих бойцов и был какой-то способ связаться с локомотивом, видимо, они им не воспользовались.

Судя по всему, механика всецело поглотила мысли о тех, кто посмел бросить ему вызов в открытую — небо перед поездом заволочла громадная огненная буря. Ракеты и снаряды, выпущенные составом, смешивались с теми, что окружали его ореолом пламени, мешая и дальше взбираться по холму.

Когда Креваан вернулся в вагон, он услышал оглушительный грохот, который мог указывать лишь на одно — на то, что колоссальное орудие, установленное на замыкающем вагоне, открыло огонь. Секундой спустя, капитан стал свидетелем того, как пылающая комета взмыла в небеса, устремляясь куда-то вдаль, далеко за пределы поля боя.

«Он стреляет по городу...» — понял Ресзасз, спустя еще несколько мгновений обратив внимание на вспышку, отраженную от низко парящих облаков. По Рекламации был нанесен первый удар.

— Давай быстрее. — приказал Креваан Тэйну.

Технодесантник немедленно направил свой плазменный резак на муфту, что, разумеется, не устояла перед раскаленной плазмой. Во все стороны полетели поршни, цепи и шестерни, когда неумолимая центробежная сила взяла свое над ослабленным механизмом.

— Эта мерзость — оскорбление Омниссии. — произнес Тэйн неизменно спокойным тоном, но Креваан все же уловил сквозившую в его словах язвительность. Технодесантник никогда не входил в число тех, кто открыто выражал свою радость, но капитан понимал, что Тэйн, перерезая горло поезду, почувствовал глубокое удовлетворение от этой задачи.

Муфта издавала последний предсмертный стон, мучаясь под ослепительно-ярким пламенем плазменного резака, и связь вагоном с локомотивом наконец-то прервалась. На какой-то миг, обе секции поезда продолжали движение с одной скоростью, но вагоны быстро растеряли свою прыть под действием трения и собственной массы. Тяжелые гусеницы замерли, пока локомотив, более ничем не обремененный, набирал скорость. Впрочем, проехав какие-то полсотни метров, он и сам начал сбавлять ход. Протацившись еще десяток, он остановился.

— Система обороны все еще работает. — напомнил капитану Тэйн.

Креваан в ответ лишь кивнул. Турели на вагонах не прекращали стрелять, да и громадное орудие сделало еще один залп. Капитан спрыгнул на землю и задрал голову. Вспышки и пробегающие по составу разряды энергии, как оказалось, тоже никуда не делись.

— И силовое поле тоже в порядке. — добавил он.

Что бы не использовал орочий инженер в качестве системы энергоснабжения, стало очевидно, что ей не нужно было физическое соединение с вагонами — и локомотив не отъехал достаточно далеко, чтобы эта связь оборвалась.

«Неважно... Важен лишь локомотив и то, что прячется внутри него. Когда они умрут, поезд разделит их участь. Кроме того, мы остановили их продвижение — вот что на самом деле играет значение.»

Словно желая опровергнуть представления капитана, главный калибр состава выстрелил еще раз, за чем снова последовала вспышка от далекого взрыва. Рекламация была ранена, и будет кровоточить, пока инженер не погибнет.

— Брат Акраллас? — сказал капитан по воксу, бросившись в сторону локомотива. Тэйн последовал за ним.

— Мы держимся, Теневой капитан. — ответил Гвардеец Ворона, пытаясь скрыть боль за присущей ему дисциплинированностью. — Но мы потеряли брата Реваала.

— Ты ранен.

— Мы оба ранены.

— Какая у вас там обстановка?

— На стороне орков численное превосходство. — произнес Акраллас. Он не признавал свое поражение, всего лишь точно описал происходящее, дав понять Креваану, что неизбежный конец уже близок, если что-то не изменится — и долг поторопить эти перемены ложится на плечи капитана и Тэйна.

— Как долго вы продержитесь?

— Так долго, как сможем.

— Спасибо тебе, брат.

Орочий механик все еще скрывался за своим куполом, но теперь он пристально смотрел на Ресзасза и Тэйна, пока те бежали к его творению. Ксенос был неподвижен, его буйное воодушевление рассеялось бесследно. Креваан чувствовал ярость в его взоре, и сердце капитана ликовало при мысли о том, что зверь наконец-то столкнулся с возможностью поражения. Приблизившись на тридцать метров к локомотиву, Вороны больше не видели купола за несущей его железной громадиной, и потому не стали медлить — к тому же, система обороны локомотива переключилась на них. Угловые турели позабыли об отвлекающих их Гвардейцах Ворона и нацелились на землю перед ними, после чего принялись поливать все окружающее пространство градом пуль. Огонь был не прицельным — это ясно говорило о том, что и орк не видел своих противников, поэтому решил устранить угрозу своей жизни, попросту уничтожив все вокруг себя. Турели выплевывали из себя разрывные снаряды с прытью тяжелых стабберов, то и дело перекрещивая линии ведения огня. К счастью, Креваан видел передвижение стволов орудий и мог предугадать, куда приземлятся снаряды. Вместе с Тэйном они продолжали нестись вперед, попутно уворачиваясь от выстрелов, пока их гонка превращалась в метания зигзагами. Тем не менее, полностью избежать урона им не удавалось, и атаки инженера постепенно подтачивали их силы по мере приближения к передвижной крепости орка.

В конце концов, вихляя между вспышек взрывов, осыпаемые землей и камнями, Вороны подошли к

локомотиву вплотную — только чтобы обнаружить, что в задней его части не было и намека на вход внутрь. Космодесантники начали обходить громадный механизм по часовой стрелке, надеясь найти хоть какую-то лазейку.

Должно быть, у инженера имелись, пусть и грубые, но датчики, поскольку турели продолжали следить за передвижениями Креваана и Тэйна — впрочем, целиться вниз под прямым углом они не могли, так что пара десантников была в безопасности, пока она не отходила от обшивки локомотива ни на шаг.

Левый бок левиафана, как оказалось, не являлся простой стеной металла — его покрывали двухметровые шипы, торчащие во все стороны и покрывавшие накладывающиеся друг на друга листы брони. Входа здесь тоже не оказалось — как, впрочем, и в носовой части локомотива, пускай устрашающие челюсти и выглядели так, словно имели определенную степень подвижности.

— Нам не повезет, если выйдет так, что единственный вход внутрь окажется на крыше. — подметил Креваан. В таком случае у механика будут развязаны руки, и Гвардейцы Ворона не успеют проделать для себя проход.

— Зеленокожий примитивен... — ответил Тэйн. — Как и его творения. Но я заметил в нем известную степень коварства. Вряд ли зверь оставил для себя один лишь единственный путь для побега.

Силовое поле продолжало поблескивать и испускать разряды энергии. Креваан почувствовал, что окружен войнами одновременно близкими и далекими. Атака его боевых братьев была поистине громогласной, но не производила никакого эффекта на поезд — ее можно было сравнить с гололит-передатчей, растворявшейся в шуме статики. В нескольких десятках метров от капитана, остальные члены его отделения боролись с целой армией, однако единственным подтверждением этому были только сообщения по воксу — все остальные звуки заглушал грохот выстрелов и взрывающихся ракет, — а где-то вдаль, практически позабытые, эльдар сражались с другим воинством чужаков. И исход всех этих сражений опирался на то, что он и Тэйн предпримут в ближайшие несколько минут.

На правом боку локомотива, в нижней его части, техдесантник приметил металлическую плиту, которая была меньше других, и имела почти прямоугольную форму. По центру листа металла торчал один-единственный шип.

— Здесь. — произнес Тэйн, осматривая сварочные швы. — Ни единого шва снаружи, все они сделаны изнутри.

— Никто не сможет попасть внутрь, но ему удастся выбраться в случае чего... — заметил Креваан. — Зеленокожие не доверяют даже своим.

— Естественно. — согласился Тэйн, активируя плазменный резак и приступая к работе над созданием прохода. На это ушло всего несколько секунд, после чего он схватился за импровизированный люк, пока капитан взял болтер на изготовку. Тэйн сорвал плиту со своего места...

И тут прогремел громкий взрыв.

Проход взорвался, волна пламени вырвалась изнутри локомотива, швырнув Тэйна на землю и тут же снова подняв в воздух.

Креваану повезло оказаться в нескольких метрах от прохода, когда это произошло, но даже так, детонация оказалась достаточно сильной, чтобы его сбilo с ног, а силовой доспех задымился, опаленный языком пламени. Когда пламя угасло, Ресзасз рискнул повернуть голову в сторону

проделанного Тэйном прохода. Он заметил узкий тоннель, зигзагами уходящий внутрь машины, и окруженный со всех сторон массивными шестернями, поршнями и разными малопонятными механическими причудами, которые были в ходу у зеленокожих.

Впрочем, новых ловушек капитан не заметил, поэтому переключил внимание на Тэйна, проделавшего глубокую борозду в земле перед тем, как окончательно остановиться. Технодесантнику не повезло оказаться прямо перед дулом огромного орудия именно в тот момент, когда то выстрелило.

— Тэйн! — воскликнул Креваан по воксу, обратив внимание на то, что руна Гвардейца Ворона мигала красным на его ретинальном дисплее.

Ответом капитану стал звук настолько слабый, что его можно было легко принять за шум статики, однако секундой позже звуки изувеченного механизма стали словами.

— *Victorus aut mortis...* — произнес специалист.

— Мы победим. — пообещал брату Креваан.

Он забрался в локомотив. Проход завел его в нутро чудовища, где даже воздух пульсировал от ритмичного биения его механического сердца. Капитану едва хватало места для того, чтобы не задевать своей броней окружающие его механизмы. Локомотив не двигался, но, без сомнения, оставался живым, ожидая лишь команды от своего создателя, чтобы сокрушить любые остатки сопротивления на своем пути. Тут и там периодически возникали облачка пара, вырывающиеся из размещенных под странными углами вентиля и раструбов.

Где-то в центральной части локомотива, проход сворачивал направо. Теперь глазам Креваана предстали громадные поршни, не уступающие по размерам главному орудью «Хищника», что приводили в движение такие же огромные шестерни. В этой железной фантазмагории мало что имело смысл, и капитан даже представить не мог, как все это механическое безобразие должно было заставлять состав двигаться — однако именно это оно и делало, вопреки любым понятиям о здравом смысле.

Немыслимый грохот, состоящий из шипения пара, стука деталей и стоны деформированного металла, заполнял собой неравные паузы между ударами железного сердца. Ресзас больше не волновался насчет скрытности — даже он сам не слышал звука собственных шагов. Впрочем, это означало и то, что орочий инженер обладает тем же преимуществом. Капитан продолжал идти вперед с болтером наготове, твердо настроившись отправить зеленокожее отродье в забвение, однако до сих пор он не заметил ни единого признака его присутствия.

Проход, по которому шел капитан, как выяснилось, протянулся по большей части длины локомотива, и заканчивался лестницей, которая вела на второй ярус машины, тремя метрами выше. Здесь было еще более тесно. Стонущая, содрогающаяся паутина механизмов давила на Креваана, и при всем этом он не ощущал, что находится внутри огромной машины. Пускай Гвардеец Ворона и распознавал отдельные компоненты, чье предназначение понимал — например, элементы системы энергоснабжения или детали двигателя, — большая часть трудов зеленокожего существовала словно бы сама по себе.

«Быть может, это еще одно следствие уникальной природы здешних орков. Даже их порывы к созданию подобных чудовищ утрируются сверх меры. Механик строил и строил, не в силах остановиться, и в итоге создал нечто столь же неразрушимое, сколь и бессмысленное.»

Все еще никаких признаков присутствия чужака. Креваан добрался до середины тоннеля, и остановился. Он знал, где находится его враг: под защитой своего купола. Именно оттуда он управлял каждым

движением своего детища — и это включало в себя работу оборонительных систем. У него не было ни одной причины покидать свое укрытие, и если он настолько дотошно защищал вход в локомотив, то впереди Креваана должны ожидать новые смертельные ловушки.

Впрочем, капитан не был заинтересован в игре по правилам инженера, и потому он их изменит. Он покажет ксеносу, что и здесь, в самом безопасном месте, его окружают тени.

Он осмотрел всю окружающую его машинерию и сделал вывод, что не сумеет предугадать последствий того, что он совершит. Впрочем, эта перспектива лишь порадовала его — он сможет обернуть хаос и бурю войны против орка.

Креваан снял с пояса осколочную гранату и швырнул ее налево, в море лязгающих шестерней. Весело отскакивая от металлических внутренностей локомотива, она исчезла где-то на первом ярусе. Прозвучал приглушенный взрыв, едва слышимый за шипением пара и перестуком механизмов, и несколько секунд капитану казалось, что локомотив проглотил гранату, даже не заметив этого... Однако потом шум его работы изменил свою тональность, за чем последовал хор жалобных стонов деталей громадного механизма, когда те начали тереться друг о друга, и извращенное функционирование орочьей машины было нарушено.

Креваан решил, что настал черед пустить в ход и крак-гранату. Вспышка и жар детонации, как и в прошлый раз, исчезли, задушенные железными кишками локомотива, но тот явно почувствовал этот удар, и скрежет металла стал еще громче. Коридор заполнили облака горячего пара, а потом капитан услышал злобный треск электричества. Несколькими секундами позже, он учуял вонь дыма. Треск пламени не доносился до его ушей, но системы доспеха уловили заметное повышение температуры.

Видимость во всех спектрах упала до нуля. Пока локомотив корчился от своей машинной боли, его нутро заливали тени.

«Если орк и после этого не решится покинуть свой купол, то я разберу весь локомотив на части голыми руками.» — решил про себя Креваан, снова двинувшись вперед. Несмотря ни на что, он был уверен, что все же сумел привлечь внимание своего противника...

И он оказался прав — чужак внезапно рухнул на пол прямо перед ним, воспользовавшись трубой в потолке.

Он был ниже капитана, но лишь потому, что вес громадной установки на спине заставлял ксеноса горбиться. Из закрепленных на ней катушек вырывались фиолетовые молнии, и производимые ими вспышки света боролись с тьмой, которую призвал Креваан. Левая рука орка оказалась массивным протезом, в правой же он держал нечто, походившее на обрез лазерной пушки.

Теневой капитан немедленно открыл огонь, но масс-реактивные болты остановило защитное поле чужака. Еще одна фиолетовая вспышка — и они исчезли бесследно. Орк даже не моргнул — напротив, лишь ухмыльнулся, когда настал его черед стрелять. Луч концентрированной энергии ударил Ресзаса в грудь, отшвырнув того в другой конец коридора, прямо в объятия поврежденной машинерии. На ретинальном экране шлема капитана вспыхнули руны, предупреждающие его о повреждении брони.

Один наплечник капитана треснул и задымился, пока силовая установка доспеха боролась с резким скачком температуры. Сервомоторы содрогались в конвульсиях, и какое-то время правая рука десантника дергалась из стороны в сторону. Креваан напряг всю свою волю, борясь с хаосом, что пронесся по его нервной системе — и в конце концов, воля, сила и дисциплина, работая сообща, вернули

ему подвижность.

Инженер уже подбирался к лежащему капитану. По стволу его оружия пробегали темные молнии, пока оно перезаряжалось, и капитан, пользуясь шансом, резко бросился вперед, покинув свое ложе из обломков и на лету примагничивая болтер к своему бедру. Резкое движение заставило несколько труб разорваться, и помещение заполнил газ.

Креваан швырнул на пол перед чужаком еще одну крак-гранату, и орк отступил — возможно, инстинктивно, а может и потому, что понимал, какой урон понесет пол вследствие взрыва. Молнии, окружавшие его оружие, ярко вспыхнули, а затем исчезли. Инженер вновь прицелился в капитана.

Граната разорвалась, поджигая выпущенный трубами газ, и все окружающее пространство заполнило пламя вкупе с ослепительным светом. Фильтры авточувств в шлеме Креваана активировались, защищая его зрение спасительной темнотой. Впрочем, ему и не нужно было видеть — капитан уже избрал свою цель. Он отскочил вправо, прямо в промежуток между двумя большими шестернями, после чего услышал звук выстрела, ушедшего в молоко. Прозвучало еще несколько взрывов. Грохот работающих механизмов уступил реву пламени, стону деформирующегося металла, треску разрядов энергии и звуку шагов, надеющихся обогнать воцарившийся хаос.

Картинка в шлеме Креваана прояснилась, и он двинулся дальше вглубь машины. В этом новом месте освещение еще работало, пусть и с перебоями, что порождало тени, беснующиеся подобно языкам черного пламени. Капитан присоединился к ним — ведь он тоже был тенью, что просочилась напрямик в логово чужака. Он был тьмой, которую стоило бояться даже этому орку, тьмой, которая убивала.

Гвардеец Ворона двигался практически вслепую, полагаясь больше на осязание, чем на зрение. Он схватился за поршень, позволил ему уволочь себя подальше от шестерней, а затем разжал руки, упав на два других колеса, что двигались в противоположных направлениях. Какой бы тяжелой не была его силовая броня, машинерия орка с легкостью выдерживала ее вес — впрочем, впечатляющая надежность локомотива делала его постепенное разрушение еще более жестоким.

Подобно пауку, скачущему по движущейся и быстро распускающейся паутине, Креваан продолжал двигаться вперед. Он поравнялся с орочьим инженером, и несколько раз ему даже удавалось увидеть чужака, когда дым рассеивался, а стучащие шестерни не мешали обзору. Зеленокожий дикарь искал капитана, но ему ничего не оставалось, кроме как метаться по небольшому клочку металлического покрытия между лестницей и дырой, оставленной взрывом крак-гранаты. Орк сердито огрызался, пока его внимание постоянно переключалось между поисками потомка Коракса и оценкой причиненного им ущерба.

Креваан продолжал двигаться, попутно бросая взгляды в сторону чужака. Он увидел, что движения орка становятся все более лихорадочными. Чужака охватила тревога — и не без оснований. Орка-механика со всех сторон окружали тени, и одна из них собиралась убить его.

Проходя следующие несколько метров, Креваан не имел возможности напасть на инженера, но затем он получил свой шанс. Сейчас он стоял на коленвале, чье вращение становилось все более и более хаотичным, тогда как прямо на пути капитана крутился огромный вентилятор с лопастями, заостренными лишь потому, что орочья жажда насилия пересиливала любые намеки на здравый смысл. Медленные обороты вентилятора не внушали доверия, но тот уже лишился одной лопасти, так что каждые несколько секунд Креваан получал шанс продолжить свой путь. Если он будет двигаться быстро, то сумеет проскочить промеж лопастей — но стоит ему замешкаться, и он окажется затянут в хаотичную

массу железа, объятая пламенем.

Креваан подождал, пока вентилятор совершит несколько новых оборотов, и обратил внимание на сбивший ритм работы громадного механизма. Спустя еще мгновение, он услышал, как пришла в негодность еще одна часть локомотива — на это достаточно ясно указала новая утечка газа и очередной взрыв. Внутренности железного левиафана затряслись в экстазе разрушения.

Капитан собрался, вперились глазами в вентилятор, и наконец-то решился. Он кинулся вперед, пока одна из лопастей все еще закрывала его обзор.

Ему удалось проскочить в прореху в тот же миг, как она появилась перед ним. Капитан залетел в темный коридор, и подобно гигантскому молоту врезался в инженера. Силовое поле ксеноса блокировало все виды энергии, включая кинетическую — однако Ресзасз сделал ставку на то, что для активации щита требовалось достижение определенной скорости, так как в ином случае чужак бы давно задохнулся. Немногим ранее его отделение проникло на поезд, обойдя эту преграду — и теперь капитан пробил защиту самого механика, резким ударом отбросив его в собрание механизмов в другом конце тоннеля.

Орк отреагировал удивительно резво, атаковав Креваана своей силовой клешней, когти которой, как выяснилось, были заменены на грубые инструменты. Резаки и дрели вонзились в бок силового доспеха десантника, и тот, замешкавшись на мгновение, позволил отшвырнуть себя влево. Орк довольно зарычал, и сделал шаг вперед.

Креваан продолжил двигаться влево, пытаясь обойти инженера с фланга. Еще не завершив маневра, он сделал резкий выпад когтями, который пришелся на устройство, закрепленное у чужака на спине. Грозные когти разбили одну из катушек, произведя ослепительный всполох фиолетовой энергии. Разряд электричества пробежал по руке Креваана и отозвался вспышкой боли в позвоночнике Гвардейца Ворона. Креваан стойко перенес очередной удар по своей нервной системе, и ответил на него хуком слева, выведя из строя вторую катушку и вонзив силовые когти глубоко в спину орка.

Зеленокожий взвыл от мучительной боли. Он попытался повернуться и стряхнуть капитана со своей спины, но ему не удавалось добраться до противника. Не вытаскивая когтей из спины орка, Креваан ударил другой рукой — а затем еще раз, и еще... Катушки взорвались, погрузив капитана в электрическую бурю.

Очередной приступ боли пронесся по всем его нервам. Само тело Гвардейца Ворона предало его, дергаясь от бьющих по нему разрядов, но Теневой капитан нашел в себе силы для еще одного удара, пока его пытались убить молнии, достаточно сильные для того, чтобы в мгновение ока испепелить грокса. Он боролся с бесформенной массой отчаянной ярости.

Очередная детонация сотрясла нутро локомотива. Креваан чуть было не выпустил орка из своей хватки, и его левый кулак не успел опуститься вовремя. Инженер задрал правую руку, все еще сжимавшую оружие, и нацелил пушку себе за спину. Ствол лазерного орудия уставился прямо на капитана — и тому едва хватило времени на то, чтобы изменить направление удара. Креваан рубанул когтями по корпусу самопального обреза, повредив оружие ксеноса в тот же миг, как тот выжал спусковую скобу.

В сердце локомотива словно бы произошло извержение вулкана. Инженер был моментально испарен своим творением. Креваана, обратившегося в пылающую комету, отбросило в сторону. Капитана окружили картины жесточайшего разрушения, пока языки пламени и оползень из искореженных деталей грозили задушить чувство направления десантника, сокрушить его волю и лишить сознания.

Креваан, впрочем, отказался подчиниться судьбе, и немедленно нырнул прямо в пасть охватившего локомотив хаоса, отбрасывая в сторону охочие до его крови обломки металла. Он более не находился в центре огромного механизма — вместо этого он пытался выбраться из железного шторма.

Теневого капитана пытались сокрушить осколки вдвое больше него, и уже не один огненный гейзер успел опалить его силовой доспех. Впрочем, Реззасз не сбивался с курса. Не раз рухнув на пол, порой вынужденный пробираться ползком через завалы, он продолжал бороться с водоворотом разрушения, вызванным тем, что невозможная машина наконец-то признала свою собственную иррациональность, и все это время он старался придерживаться избранного им пути.

Перерубленные пучки фибромышц сделали его броню невыносимо тяжелой. В движениях капитана начала проскальзывать медлительность, они утратили свою былую точность. Регулятор температуры в доспехах Реззасза перестал справляться со своей задачей. Креваан не знал, сколько еще продержится силовая установка — он понимал лишь то, что если она умрет, он последует за ней. Ставшая бесполезной силовая броня станет саркофагом, скрытым во чреве гробницы, в которую уже скоро превратится локомотив...

К счастью, Креваан заметил лучик света, который не отличался хаотичным мерцанием орочьих светильников — лучик солнца, светившего через отверстие в обшивке. Воин собрался с силами и сумел подняться на ноги, когда давление обломков на его спину немного ослабло. Секундой позже, прямо над его головой раздался громкий треск, и Теневой капитан, как мог, пришел в движение, пускай это и походило больше на ковыляние лунатика, нежели на полноценный бег. Добравшись до последней преграды, отделявшей его от спасения, Креваан потянулся к краям дыры в металле, и в самый последний момент с усилием вытянул себя из чрева орочьей машины. Проход за его спиной тут же завалили тонны искореженного железа.

Сын Коракса тяжело рухнул на землю, но тут же заставил себя встать — несмотря на все, что только что произошло, праздновать победу на коленях для него было равносильно поражению. Двигаясь невыносимо медленно, подворачивая ступни, он направился к месту, где все еще лежал Тэйн.

— Брат Акраллас? — позвал он по воксу.

Тишина.

— Дваракс?

И снова ничего.

Капитан посмотрел направо, и увидел, как зеленокожие выбирают из отделенных от локомотива вагонов. Их было много, однако большая часть чужаков оказалась серьезно ранена, и двигались все они с редкой для их вида осторожностью. Оказавшись на твердой почве, орки устали на локомотив.

Креваан тоже повернулся, чтобы проследить за кончиной исполина. Обшивка орочьего творения трескалась подобно яичной скорлупе, и через трещины наружу вырывалось злое красное свечение. Невероятно, но силовая установка локомотива все еще работала — благодаря ей, турели и главное орудие продолжали беспорядочно поливать окрестности огнем, — но бесконечно так продолжаться не могло...

Наконец-то наступил миг гибели левиафана. Тот не взорвался — вместо этого, сквозь его раны проступил яркий свет, словно бы внутри локомотива зародилось новое солнце, и сопровождалось это громким, практически одушевленным, воплем. В конце концов, невыносимое сияние померкло,

превратившись в свет от обычного пламени, и локомотив обвалился внутрь себя, превратившись из неостановимого чудища в обычную грудку металлолома.

Совершенно неожиданно, на поле боя воцарилось полное спокойствие. Все застыло, стрельба прекратилась, и даже небо над составом прояснилось, когда непробиваемое силовое поле наконец-то погасло.

— Восьмая рота... — произнес Креваан. — Уничтожьте эту мерзость и ее отвратительный приплод.

Зеленокожие не сдались без боя, когда на них обрушился гнев Гвардии Ворона — но и бой этот продлился недолго.

Восьмая глава

Тени настойчиво продолжали гнаться за ветром.

Эльдар были необычайно быстры, и Берази даже не надеялся на то, что сумеет поравняться с чужаками. Впрочем, достаточно было и того, что он все еще преследовал их, и знал, куда они направляются.

Добравшись до Рекламации, наездники Сайм-Ханн замедлились — пускай их прыть и не угасла, теперь они постоянно совершали краткие остановки и, казалось, лишились уверенности, регулярно меняя свой курс. Напасть на их след было делом сноровки — и сержант не испытывал трудностей с тем, чтобы оставаться незамеченным. Воины в красном не заботились ни о чем, кроме своих поисков.

Орочьи снаряды начали бить по городу вскоре после того, как Гвардия Ворона вернулась в поселение, и воины ордена оказались поражены тем, какими мощными были взрывы. Каждый из них с легкостью обрушивал целые здания. Вскоре погруженные в пылевую завесу улицы были заполнены грудками обломков, телами раненых или убитых, а также множеством объятых ужасом и горечью горожан, перемежающихся членами бригад спасателей. Никто из них не обратил ни малейшего внимания на ветер и отбрасываемую им тень, что проскользнули мимо них.

Берази несколько раз бросал взгляд на смертных, от которых было так легко укрыться, и на мгновение задумался, каково это — находиться в эпицентре войны, одновременно с этим будучи неспособным хоть как-то повлиять на ее итог... И в итоге отбросил эту мысль, сочтя ее не заслуживающей внимания.

«Это неважно...»

Бомбардировка, в конце концов, оказалась разрушительной, но милосердно короткой. Спустя несколько минут, доносящиеся издали звуки выстрелов из огромного орудия стихли. Теперь по улицам прокатывались лишь клубы пыли — и фигуры в багровой броне, внезапно решившие вновь ускорить свое продвижение. Судя по всему, они наконец-то напали на след своей цели.

— Похоже, они нашли, что искали. — прокомментировал происходящее Рамм.

— Да, похоже на то. — произнес Берази. Он не планировал связываться с Кревааном прямо сейчас. Вместо этого, сержант решил подождать, пока не удостоверится в причине поведения ксеносов. Если команду придется отдать, то он хотел быть уверен, что произойдет это не по ошибке.

Алатаннас окончательно уверился в том, что если бы орки не обрушили на людей разрушительный град, то столь желанное озарение не посетило бы его еще много часов, но к счастью, облака пыли, закрывающие само солнце и вынуждающие людей, скрывающихся в жилых блоках, зажечь огни,

которые эльдар видел в просветах стальных ставень, позволили ему все понять. После одной из атак, эти огни замерцали из-за перебоя в энергоснабжении, вызвав в разуме следопыта мысли о городской электростанции, и тот наконец-то понял, куда ему нужно отправиться.

Он осознал, почему прошлые попытки воинов Сайм-Ханн отыскать свою цель не увенчались успехом. Не ускользнула от него и ирония того, как близко эльдар подобрался к желанному призу, разбив в городе свой временный лагерь. Он в очередной раз вспомнил о трагедии, коей стала судьба его народа.

Люди построили свою электростанцию на северо-западе города, совсем недалеко от площади, которую эльдар использовали в качестве своей оперативной базы. Добравшись туда, Алатаннас и сопровождавшие его воины остановились, задрав свои головы к огромной аквиле, возвышавшейся над вычурной мозаикой, что украшала защитный купол. Кончики крыльев громадного орла касались двух охладительных башен. Алатаннас спешил, и вызвал Элейру.

— Ты уверен? — спросила та, выслушав выводы измышлений следопыта.

— Это объяснило бы трудности, с которыми мы столкнулись. — ответил тот. — Человеческие технологии грубы, но мощности им не занимать. Сочетание радиации и экранирующих материалов вполне могло повлиять на результаты наших поисков.

— Я вижу руку судьбы в том, что люди соизволили построить свою электростанцию именно здесь. — задумчиво согласилась Элейра. — Не медли, следопыт. Наше время на исходе.

— Орки одерживают верх?

— Хуже — люди вступили в бой вместе с нами, и уже уничтожили последних зеленокожих. Сражение почти окончено — совсем скоро у тебя не будет шанса закончить эту войну.

— Я понимаю.

Как выяснилось, пункт управления пустовал — очевидно, люди бросили свои посты, как только началась бомбардировка. Впрочем, это не повлияло на работу автоматизированной установки. Пускай на некоторых консолях и горели предупреждающие огоньки, Алатаннас не слышал воя сирен, и энергия продолжала течь в город.

Эльдар шел через большую залу с высоким потолком, изготовленную по той же технологии, что и сборные жилые блоки. Серые стены украшали лишь рельефные скульптуры двуглавых орлов, что обращали свой осуждающий взор на всех, кто проходил под ними. В другом конце зала, Алатаннас обнаружил лестницу, ведущую вниз, и незамедлительно ей воспользовался. Если его догадка была верна, то пункт управления, подобно многим другим зданиям в городе, был возведен поверх эльдарских строений — и Алатаннасу всего лишь нужно было отыскать путь внутрь.

Догадка... Догадки и надежда были его поводьями. Судьба всей миссии зиждилась на прихоти фортуны.

На самом нижнем уровне электростанции перед следопытом раскинулся лабиринт служебных тоннелей, и эльдар замешкался, в очередной раз разозленный тем, что влияние людей мешало ему слышать зов, обративший орков в питающихся войной чудищ. Вместо этого, ему придется полагаться только на свои навыки — и в данный момент, они говорили ему, что следует выбирать коридоры, отдаляющиеся от центра электростанции. Пробираясь по ним, он попадал в помещения, практически не использовавшиеся с самого момента постройки комплекса. Он следовал за пылью и разрухой — и в

конце концов, они привели его в зал, расположенный на западной окраине постройки. Какое бы предназначение не имело это помещение, сейчас в нем не находилось ничего, кроме строительного мусора, непригодного оборудования и брошенных за ненадобностью инструментов... И психокости, из которой состояла нижняя часть наружной стены.

Алатаннас принялся расчищать мешающий ему мусор, чтобы взглянуть на творение своих мертвых сородичей, и обнаружил, что следы присутствия психокости исчезали в нескольких локтях от северо-западного угла помещения. Выяснилось и то, что возведенная людьми стена на этой стороне была сработана куда грубее, чем все остальные в помещении. Ей не хватало структурной целостности — а значит, она скрывает за собой брешь. Алатаннас положил у основания стены плазменную гранату и отступил в безопасность коридора.

За ослепительной вспышкой и ударной волной последовал грохот обваливающейся кладки... А затем, что-то еще. Не успел Алатаннас сделать шаг вперед, как нахлынувшая на него волна ярости придавила стрелка к земле. Ее касание оказалось для него чуждым, и одновременно с этим — странно знакомым. Судорожно пытаюсь сделать новый вдох и не лишиться сознания, при этом сохраняя ясность ума, следопыт понял, что на самом деле ничего не высвободил, но только лишь открыл дорогу для тех, кто сможет ответить на безмолвный призыв. Действия, необходимые для выполнения его миссии, только что стали возможной причиной будущей катастрофы.

Торжествующий рев сотряс основание всего здания. Сама земля застонала. Коридор, где находился эльдар, погрузился во тьму.

Находившийся рядом с электростанцией жилой блок пал жертвой бомбардировки — и именно там укрылись члены отделения «Берази», наблюдавшие за ксеносом, пробравшимся в центр управления комплексом. Другие эльдар же отвернулись от строения и в данный момент полукругом окружали вход внутрь, защищая его от посягательств.

— Что они, по-твоему, делают? — прорычал Рамм.

— Даже не пытайтесь убедить меня в том, что они просто пытаются защитить здание. — произнес вслед за ним Геара.

— Теневой капитан говорил, что они ищут что-то в городе. — ответил Берази. — Похоже, это до сих пор остается их задачей. Внутри вошел лишь один чужак.

Так или иначе, сам сержант лишь частично верил своим же словам. В нем росла уверенность в том, что подозрения Кэлига и Креваана были оправданы, но он продолжал выжидать, не желая принимать поспешных решений.

В конце концов, и ожиданию, и праздным размышлениям положил конец жуткий грохот, раздавшийся из-под земли. Всю площадь потрянуло, и по фасаду электростанции побежали трещины. Эльдар, стоявшие в дозоре, отреагировали на произошедшее так, словно это было для них полной неожиданностью — а один даже скрючился, будто бы испытывая жуткую боль.

— Саботаж! — выдохнул Рамм.

Геара взял свой болтер на изготовку.

— Должен признать... — сказал он. — Их представление было убедительным. Я чуть было не поверил в то, что они имеют хоть какой-то, но намек на честь.

— Как и я, брат... — произнес сержант. — Как и я.

Хотя его и удивила реакция эльдар на случившееся, он не позволил этому отвлечь его от нужды действовать. У этой войны только что открылся новый фронт. Беразы активировал свой вокс.

Пока Восьмая перегруппировывалась у остова поезда, Креваан ни на шаг не отходил от лежащего на земле Тэйна. Поразительно, но технодесантник оставался в сознании.

— Ты заслужил покой, брат. — сказал Креваан. — И все же ты нам нужен.

— Хорошо... — прохрипел Тэйн, попытавшись встать, но его остановила рука Ресзасза.

— Лежи спокойно, исцеляйся. Новое сражение разгорается не здесь. Я получил весточку от брата Беразы.

— Я понимаю. Эльдар все же предали нас.

— Да. Подавай свой сигнал.

Тэйн даже не пошевелился — но капитан все-таки ощутил, что пробил час расплаты.

— Дело сделано. — отрезал технодесантник.

Штурмовик космодесанта с ревом несся над сетью ущелий, осыпая уцелевшую технику орков градом ракет. Запертым в паутине расселин ксеносам было некуда бежать — впрочем, то же самое нельзя было сказать об Элейре и Пассаване, что с огромной скоростью обгоняли надвигающуюся на них лавину взрывов. Вылетев из каньона, они присоединились к немногочисленным выжившим из своего воинства. Диким наездникам Сайм-Ханн удалось сломить хребет орочьей армии, но и сами они понесли чудовищные потери. Сейчас в их воинстве насчитывалось всего четыре скиммера. Слишком мало...

— Неужели Алатаннас опоздал? — спросила у провидца Элейра.

— Нам все же нужно попытаться. — ответил тот.

— Ты не ответил на мой вопрос...

Автарх все же получила свой ответ секундой позже, пусть и не так, как ожидала. Все гравициклы внезапно взорвались. Ослепительные вспышки, эпицентром которых были двигатели байков, высвободили энергию, благодаря которой работали анти-гравы эльдар, что в свою очередь стало толчком, приведшим к серии более впечатляющих детонаций. Пассаван и его гравицикл в мгновение ока поглотил огненный шар. Сама же Элейра вылетела из седла, ударившись о землю так резко, что она даже не успела ощутить, как отправилась в полет. Только что она управляла гравициклом — теперь же изломанное тело военачальницы лежало на жесткой земле. Она не могла пошевелить ни единым мускулом. Все что ей оставалось — это страдать от боли, предвещавшей скорое наступление смерти.

По странной прихоти судьбы, голова автарха расположилась на небольшой кочке, и это позволило Элейре запечатлеть последнее зрелище в ее жизни — приближение стаи теней, несущихся по небу на струях пламени. Люди, создания тьмы и войны, явились, чтобы довершить начатое. Сначала Элейре показалось, что их приближение сопровождало наступление ночи, но она поняла, что зрение начинает подводить ее. Эльдар надеялась лишь на то, что ее дух успеет перебраться в путевой камень до того, как Гвардия Ворона доберется до нее.

Борясь с агонией и борясь со смертью за последние крохи солнечного света, автарх собрала свои силы для нескольких последних вдохов, и обратилась к Алатаннасу.

— Нас предали... Поспешите. Все надежды на успех нашей миссии ложатся на тебя.

— Будь проклята эта миссия! — прокричал он. — Пускай они прочувствуют последствия своих действий на своих же шкурах!

— А если они потерпят поражение? Что тогда? Последствия этой катастрофы будут преследовать всех нас. Ты знаешь, что должен сделать, Алатаннас.

— Да, автарх.

Согласия со стороны следопыта было достаточно. Элейра удовлетворилась осознанием того, что сделала все, что могла, и ушла в объятия ночи.

Мелта-бомбы сдетонировали, в мгновение ока уничтожив гравциклы. Один из эльдар погиб мгновенно. Еще двое едва-едва сумели пережить взрыв, тогда как последний, хромая, поковылял внутрь станции в поисках укрытия.

Берази двинулся в сторону комплекса со своим отделением за спиной.

— Я возьму на себя того, что спрятался внутри. — мрачным тоном произнес сержант.

Гвардеец Ворона подобрался ко входу внутрь, но встретила его лишь тишина. Ксенос, должно быть, уже успел найти себе укрытие, и сержант не спешил его преследовать, действуя из соображений безопасности. Осмотревшись, он заметил, что люмополосы внутри станции не горели. Лишь лучи солнечного света, пробивающиеся внутрь через дверной проем, отбивали клочок земли у теней — и вероятней всего, именно там, где тени были гуще всего, и устроил засаду чужак. Берази наконец-то решился броситься внутрь и тут же нырнул влево, одновременно с этим открыв огонь.

Космического десантника встретил поток мономолекулярных дисков, вонзившихся глубоко в его доспехи. По правому плечу и горлу сержанта потекла кровь, но и выпущенный Берази град болтов нашел свою цель. Его выстрелы заделали спину эльдар, раздробив его броню и кости. Ворон проигнорировал последние выстрелы, сделанные чужаком, и двинулся вперед, будто воплощение неотвратимой смерти. В конце концов, чужак пал.

Внутри станции вошел брат Рамм.

— Это последний?

— Да. — ответил сержант. — Теперь нам остается лишь найти следопыта. Его нужно остановить, пока он не уничтожил всю станцию.

— Я не думал, что у него есть средства для выполнения этой задачи.

— Может быть, и нет. — признал Берази, понимая, что за первым толчком до сих пор не последовало других. — В любом случае, он умрет.

Сержант взглянул на окровавленное тело эльдар в последний раз, прежде чем отправиться на поиски, но зрелище в виде поверженного врага не принесло ему никакого удовольствия. Нет, он был обеспокоен — и не просто мыслью о том, что тот выбросил свою жизнь на ветер. Сейчас в его голове зарождалась

мысль о том, что все они совершили чудовищную ошибку. Мысль эта еще не сформировалась — однако и покидать сержанта она не собиралась.

Эпилог

Война на Лепид-Прайм приостановилась, но теперь Рекламацию населяли тени. Гвардия Ворона перенесла свой лагерь на ту площадь, где ранее закрепились эльдар. Сейчас же каждый камешек в городе вновь находился под контролем имперцев — и даже смертные нашли в себе достаточно храбрости для того, чтобы выбраться из своих жилищ, пускай они и продолжали избегать площади, заполненной железными тенями.

Креваан стоял в своем командном шатре в полном одиночестве, довольный тем, что ремонт брони, пускай и проведенный в полевых условиях, все же вернул ему значительную часть былой подвижности. В данный момент он сжимал в руке вокс-передатчик, соединявший его с капитаном «Вердикта наковальни».

— Наша миссия увенчалась успехом, капитан Мульцебар. — сказал он. — Чужацкая скверна более не угрожает Лепид-Прайм.

— Я так и подумал. — ответил Саламандра. — Что же до нас... Наши авгуры засекли какой-то массивный объект, приближающийся к системе. Судя по всему, Изверг заглотил наживку.

— Выходит, приближается тот час, когда твои воины получают шанс завершить эту войну. Доброй охоты, брат.

— Спасибо за пожелание. Впрочем, мне все еще интересно, почему орки так одержимы этой системой.

— Как и мне. Мы так и не выяснили причины происходивших с ними здесь странностей.

— Ладно, а что насчет эльдар? Насколько я понимаю, Белые Шрамы тоже с ними столкнулись.

— Очередная загадка... Впрочем, мы одержали верх и над ними. — ответил Креваан, ощущая на своем языке странную горечь. Триумф Восьмой на самом деле не значил для него ничего — слишком уж много информации в итоге ускользнуло от внимания капитана, и ему приходилось действовать по наитию.

Если бы чужакам удалось уничтожить электростанцию, они сожгли бы Рекламацию до основания. Возможно, они рассчитывали на то, что, лишившись крупнейшего поселения на планете, Империя просто покинул бы ее, вернув мир под контроль чужаков. Так или иначе, Реззасз остановил их, и его действия привели к уничтожению всех врагов Императора на поверхности планеты. Однако в итоге Креваан остался без полной информации о происходящем, и он понимал это. Он совершил ошибку. Он был слишком высокомерным, и чересчур поспешно доверился своей ненависти к чужакам — и в итоге вопросы, оставшиеся без ответа, заставили его сомневаться в сути его победы. Капитан никак не мог избавиться от ощущения того, что он выиграл не ту войну.

Более того, самый последний эльдар — следопыт Алатаннас, — все еще не был найден. Ему удалось исчезнуть где-то в руинах под электростанцией, и лабиринт чужаков, протянувшийся на сотни километров, не оставлял воинам Восьмой роты никаких шансов на успех. Среди коридоров, протянутых под землей безо всякой логики и смысла, и перемежающихся сводящими с толку перекрестками, Алатаннас мог скрываться даже от лучших воинов ордена целую вечность. В конце концов, Креваан понял, что ему ничего не остается, кроме как выставить у входа в руины караульных, дабы

электростанции более ничего не угрожало, и списать следопыта со счетов, даже если тому и удалось ускользнуть...

Сомнения все больше овладевали разумом Креваана.

Психический вой, сопровождавший резню, преследовал Алатаннаса даже в подземных тоннелях, но куда дальше в глубины земли его загнала ужасная, гнетущая тишина, последовавшая за воем. Он бежал, руководствуясь одними лишь инстинктами, пусть и не слепой, но едва ли сохранивший свою сознательность. Его дух корчился под плетью ярости и горечи.

Обнаружение объекта его поисков, так долго скрытого от взора эльдар, наконец-то стало неизбежным. Следопыта затянуло в метафорический водоворот, ведущий его все глубже в воронку из психокости. Он знал, куда идет, и сознавал, что ожидает его — и все же, даже спустя много дней странствий в темноте, когда он наконец-то увидел то, что искал, ужас поверг его на колени.

Алатаннас, дрожа, взирал на вход в залу, в центре которой, в центре огромного лабиринта... Да что там, в центре войны, охватившей целую звездную систему, находилось то, что так стремились найти воины Сайм-Ханн. Он смотрел на ужасный объект, сознавая, что несмотря на все испытания, ему все-таки удалось выполнить последний приказ Элейры. Он нашел его... И при этом остался совсем один. Он был совершенно бессилен. Объект нельзя было вывезти с этой планеты.

Впрочем, теперь он и не хотел этого делать. Дрожь, охватившая следопыта, была вызвана не только ужасом, но и злобой.

Люди предали его. Он заблуждался, наивно полагая, что с некоторыми из них можно выковать узы настоящей дружбы. Он до последнего надеялся на то, что люди, заявившись на эту планету, просто уничтожат орков — но он ошибался. И даже если бы он мог забрать искомое с собой, чего он добился бы, кроме довершения победы этих дикарей?

Если он так и продолжит выжидать, зеленокожие вернуться. У них просто не было выбора. Они не смогут сопротивляться зову сирены, даже если и не осознают ее существования. А людей сильно ослабили потери, понесенные в прошедшем конфликте...

Алатаннас понял, что перед ним находится физическое воплощение одолевающих его мыслей о возмездии.

Из пола помещения вырастал громадный трон, на котором восседала массивная статуя. Ее форма казалась неправильной, скульптура являлась словно бы незавершенной. Тело, лишенное любых отличительных черт.

Лилеатан слишком долго был покинут, и то, что осталось на этом мире, потеряло свою связь с видом эльдар. Пожираемый бесконечным приливом ярости, теперь осколок Каэла Менша Кхаина изливал свои силы в другую расу — ту, которую и без того снедала неугасимая жажда войны.

Именно отсюда, из этой залы глубоко под поверхностью Лепид-Прайм, к оркам взывал воплощенный гнев.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тенево́й_капита́н_/Shadow_Captain_\(новелла\)&oldid=23625](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тенево́й_капита́н_/Shadow_Captain_(новелла)&oldid=23625)

Эта страница в последний раз была отредактирована 30 сентября 2023 в 20:45.